

18+

МИХАИЛ
ГИГОЛАШВИЛИ

КО
КА

РОМАН

ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ
“БОЛЬШАЯ КНИГА”

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Большая проза

Михаил Гиголашвили

Кока

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гиголашвили М. Г.

Кока / М. Г. Гиголашвили — «Издательство АСТ»,
2021 — (Большая проза)

ISBN 978-5-17-127486-3

Михаил Гиголашвили – автор романов “Толмач”, “Чёртово колесо” (шорт-лист и приз читательского голосования премии “Большая книга”), “Захват Московии” (шорт-лист премии “НОС”), “Тайный год” (“Русская премия”). В новом романе “Кока” узнаваемый молодой герой из “Чёртова колеса” продолжает свою психоделическую эпопею. Амстердам, Париж, Россия и – конечно же – Тбилиси. Везде – искустельная свобода... но от чего? Социальное и криминальное дно, нежнейшая ностальгия, непреодолимые соблазны и трагические случайности, острая сатира и евангельские мотивы соединяются в единое полотно, где Босх конкурирует с лирикой самой высокой пробы и сопровождает героя то в немецкий дурдом, то в российскую тюрьму. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127486-3

© Гиголашвили М. Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
1. Мирные психи	6
2. Отломьш	15
3. Курьер из ада	23
4. Великий мастурбатор	37
5. Нежданно-негаданно	43
6. Дэмократия!	51
7. Разбой	57
8. Elysia Chloratika	66
9. Подкидон	72
10. Химера совести	82
11. калоедина	92
12. Плотоядные-травоядные	104
Часть вторая	114
13. Наркодяга	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Михаил Гиголашвили

Кока

*Моим друзьям,
живым и мёртвым*

*Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.*

Николоз Бараташвили

Художник Андрей Бондаренко

В оформлении переплёта использована фотография Валерия Соколова

© Гиголашвили М.Г.

© Бондаренко А.Л., художественное оформление

© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая

Рептилоиды. Рай. Комедия

*Акула лишена плавательного пузыря
и, прекратив хоть на миг своё движение, утонет.
Учебник “Физиология акул”*

1. Мирные психи

Ранней осенью 1993 года небритый, голодный, уставший Кока Гамрекели по кличке Мазало метался по амстердамским улочкам, не зная, куда бежать и что делать. После очередного скандала мать выгнала его из парижской квартиры, и он кинулся в Голландию к знакомым. Денег – кот наплакал, двести франков – всё, что успел спереть из домашней шкатулки. Плохо быть нищеводным шалопаем!

Однако главной тяжкой новостью было то, что Коку разыскивает Интерпол, о чём сообщил отчим, моложавый коренастый француз – офицер полиции: ему, мол, по секрету сказали, что пришла ориентировка на розыск Николоза Ивлиановича Гамрекели, пятого июня тысяча девятьсот шестьдесят шестого года рождения, Тбилиси, Грузия, опасного бандита и налётчика.

Кока вначале опешил – какой он, к чёрту, бандит? Был бы бандит – жил бы на вилле, плавал бы на яхте! А он так, мелкая сошка, никчёмный безобидный пассажир. Потом сообразил: у него пару лет назад бандит Сатана отнял в тбилисском аэропорту паспорт. Ясно, что Сатана где-то в Европе засветился, а ловят теперь его... Кто украл – тот и бандит, и налётчик, а он, Кока, при чём?! И разве его вина, что мама Этери вышла замуж за француза-полицая и уехала в Париж, вот Кока с юности и вынужден между Тбилиси и Парижем болтаться?

И почему жизнь, крутясь так и эдак, всякий раз бьёт его гирей по башке и гадючьи неприятности подкладывает? Что он плохого сделал кому-нибудь там, наверху? Мухи не обидел! Как богу не надоело его преследовать? Нет, это только слово такое – “бог”, и больше ничего! Оболочка одна! Если вспомнить, сколько несчастий, сбоев, пролётов и злых сюрпризов случилось с Кокой, невольно засомневаешься, есть ли вообще такой персонаж в той чёрной дыре, откуда всё пошло быть! И если Бог есть, то внимательно ли он следит за тем, кто что делает и чем занят? За что дубасит его, Коку, почём зря?

С другой стороны, Кока подозревал, что отчим-француз мог наврать про Интерпол, чтобы избавиться от беспокойного пасынка-бездельника, от которого одни проблемы и головная боль. Но как проверить? Не заявишься же в Интерпол: “Здрасьте, извините, я состою у вас на учёте или бог миловал?”

На всякий случай спрятав паспорт среди книг в материнской комнате, Кока сбежал в Амстердам, чтобы там отсидеться, пока шум с Интерполом не утихнет, а он по наркушечьей привычке сунет голову в песок – авось пронесёт.

Раздобыв монетку, Кока позвонил из телефона-автомата Лясику. Тот отозвался сразу.

– О, Кока! Явился не запылится! Отлично! Сейчас я занят, подваливай завтра, найдётся чем разговеться. Баран обещался заехать, подогреть. Если, конечно, не солживит, что за ним водится. Сам знаешь: ложь и кайф – близнецы-братья!

– Буду! – горячо отозвался Кока и (без особой надежды) спросил, нельзя ли у него пару дней перекантоваться, но Лястик приснул:

– У меня? Да, как же! А мою Аэлиту куда деть? Забыл? Лита – баба-бита! Она наркуш ненавидит.

– Ладно. Понял. До завтра! – попрощался Кока.

Что Баран подогреет – хорошо. Но надо же где-то переночевать. Опять идти к Лудо и Ёпу?.. С ними недолго и самому спятить. Да и живут эти психи на полной социальной мели, целый день от нечего делать во дворике языками чешут. Хорошо ещё, Кока знал немецкий язык (ходил в немецкий частный детский сад в Тбилиси), мог с ними говорить, они понимали. В этот амстердамский тупичок он попал случайно несколько лет назад, когда искал воду, чтобы запить экстази. Попал – и подружился. И пару раз оставался ночевать.

“Почему все шишки на меня валятся?” – обтирал Кока грязной рукой потное лицо, поспешая вдоль канала.

Вдобавок, в надежде купить хорошее курево, он умудрился связаться с двумя подворотными чёрными барыгами, и те, угостив его отличным гашишем, всучили потом негодный товар. Это всегда так: в суматохе, на ходу мало что можно распробовать. Кайф не любит суеты. А почему Кока не пошёл, как белый человек, в кофешоп и не купил там курево в спокойной обстановке? А потому, что королева Беатрикс запретила продавать в кофешопах гашиш, чтоб туристы в обморок не падали. Вот и получил труху на последние деньги! Теперь он бегал по улицам, надеясь найти этих треклятых негров, хотя надежда обнаружить их минимальна, как и то, что они так просто, за здорово живёшь, заменят ему товар. Будут только скалить свои арбузные улыбки!.. Типы вроде Сатаны или Губаза Девдариани управлялись с барыгами быстро и сурово, а Кока далёк от этого. Его удел – отраву зацепить и уползти с ней в уголок ото всех подальше. Впрочем, это сейчас он стал мизантропом, а раньше был другим – недаром в детстве получил кличку Мазало, что значит затейник, балагур, забавник, баловник, шалопут. Вот он и затейничал с мастырками, баловался шприцами, забавлялся таблетками, балагурил в кокнарном угаре и шалопутничал под кодеином.

Зловещими тенями, с шелестом летучих мышей, проносятся велосипедисты, обдавая табаком и травой. Мшистые запахи сырого древнего канала. Загогулины оконных решёток. Впадины булыжной мостовой. Витые перила спусков к воде.

Вот два негра чего-то мурыжат на приступочке мрачного дома, похожего на череп: глазницы окон вытянуты, под ними торчат скулы балкончиков.

“Э, не те ли это гады?” – пригляделся Кока. И нос у одного такой же обезьяний, мясистый, со вздутыми ноздрями. А на другом – вязаная дурацкая шапочка, вроде та же. И серьга размером с блюдце...

Терять нечего. Кока набрался смелости, подошёл. Один прикрыл телом приступок, а другой спросил на ломаном английском:

– Вот ду ю вонт? Гоу эвэй!¹

Нет, не те. А если бы те?.. Их двое, а он один!.. Скажут: “Крейзи, гоу эвэй!” – и всё. С кулаками не полезть, себе дорожке обойдётся, полицию не вызывать...

Он ретировался, а по дороге к психам раскидывал в уме: раз Лястик велел приходить, значит, ждёт завтра что-нибудь на “ин”. Этот Лястик – его старый приятель, москвич Владислав Широких, сын профессора МГУ и внук министра, отменно воспитан и образован, изъясняется на замысловатом русском и склонен к бесплодному мудрствованию. Имеет и другие таланты, но всепоглощающая страсть к опиатам пересиливает всё.

После перестройки Лястик вляпался в какой-то доморощенно-кондовый “бизьнесь”, прогорел, пришлось бежать. Он попросил убежища в Голландии, выдав себя за мусульманина, который, с одной стороны, должен терпеть от правительства, с другой – от всего остального населения за то, что исповедует ислам. Прорекламировав две суры из Корана и сказав “аллах

¹ От *What do you want? Go away!* – Что ты хочешь? Уходи! (англ.)

акбар”, Лястик для верности тихим заискивающим голосом присовокупил, что он – пассивный гомосексуалист, а за это на его проклятой хищной родине срок и даже расстрел.

Нидерландский чиновник, по счастью, оказался из этой же породы и счёл доводы Лястика убедительными, а на возражение другого чиновника (“какой же он гей, если у него цветущая жена и двое детей?”) процитировал статью из кодекса о том, что гомосексуалистам не возбраняется иметь семью, от себя же язвительно добавил, что свободные геи могут любить обе половины человечества, в отличие от дураков-гетеросексуалов, с их стигматами бытового секса и бесконечной гендерной грызнёй. И дал Лястику крепкий постоянный вид на жительство, который тот умел отменно использовать, на разный манер обманывая Голландию и всевозможными способами обирая её щедрую к таким типам казну.

Кока подобрался к дверце во дворик на два кукольных домика под уютной красной черепицей. В одном домике жил тощий, селёдочного вида Ёп с нимбом седых волос. Ёп – идеалист, романтик и уже много лет создаёт своё первое “Сочинение”, причём методы работы иногда меняются: то он ходит по улицам с диктофоном, то сидит у окна и странными взмахами рук, вроде дирижёра, расставляет на невидимой бумаге воздушные знаки препинания. Результатов его работы, само собой, никто не видел. Когда Кока спросил, о чём Ёп пишет, то получил ответ:

– Обо всём.

– Зачем?

– Чтобы дети и внуки знали! – твёрдо отвечал Ёп, хотя ни детей, ни внуков у него не было и не предвиделось, ибо после неудачи со своей первой женщиной вероломный и зловерный женский пол интересовал его только как воплощение вселенского зла. Другой жилец, Лудо, которого тоже в своё время бросила некая чешка Марыйка, поддакивал: “Славянская женщина есть подтверждение отсутствия Бога”, – а Ёп обычно расширял сей афоризм на всех женщин: “В любой даме – всё самое худшее: ложь, похоть, жадность, скрытность, мстительность! И с этим ничего не поделаешь! Они должны были выживать в пещерах, а это отнюдь не сахар!”

Лудо, материалист и скептик, мнит себя скульптором и всё собирает отлить в бронзе головы именитых нидерландцев, но дальше ветвистых замыслов и мучительных вопросов, где взять деньги на бронзу, литьё, мастерскую и подмастерьев, дело не движется. Пока он делает из дерева таблички для переносных туалетов, нанося на них печально-безликие фигурки в квадратных штанах и треугольных юбках.

Сейчас у Лудо новая идея – отправиться к шапочному знакомцу в норвежскую глушь и вырезать там деревянные ложки и тарелки на сувениры, а питаться исключительно ягодами и рыбой. В жизни Лудо царит девиз “Если без чего-то можно обойтись – обойдись!”, поэтому в комнатке у него шаром покати, только кровать, стол и магнитофон. Он сам – из хорошей семьи, учился на зубного техника, но бросил это низменное занятие ради искусства, хотя до сих пор не определился – какого искусства. Он и дощечки тачает, и магазины оформляет, и рамы для картин мастерит.

А по дворику, всегда в тоске, бродит чёрная кошка Кесси, покрытая от голода лишаями. Подлаживаясь к людям в надежде выпросить что-нибудь, она всё время норовит обтереться о ноги язвами, поэтому Ёп, выходя во двор, оборачивает журавлиные голени специальными полотенцами, а у коренастого Лудо припасены резиновые сапоги – в них он, похожий на старичка-боровичка, будет хорошо смотреться в норвежской тайге.

“А, не выгонят же... Посижу с ними, побалдею... Переночевать в подвале можно... Интерпол там искать точно не будет...” – думал Кока, заглядывая во дворик.

Так и есть: Ёп и Лудо сидят возле пня. Беседы ведут, как обычно, наверно, на высокие темы: смерть, жизнь, бог, эволюция, космос, потоп, динозавры. На пне – пустые пивные банки.

Ёп палочкой гладит лишайную кошку. Его белые волосы отсвечивают серебром. Лудо, в капитанской фуражке, что-то переливает из банки в банку. При виде Коки приподнял козырёк:

– А, Коко... Привет! Как дела? Откуда?

– Ничего, всё в порядке... Заехал вот к вам... – Кока не знал, куда деть руки. – Вот зашёл вас проведать. Есть покурить кое-что...

Лудо жестом предложил садиться. Из уважения к Коке перешли на немецкий язык, который прекрасно знали, хотя немцев, как все голландцы, терпеть не могли, называя злобными фашистскими мужланами и обязательно вспоминая рассказ Ёпова дедушки о том, что перед войной в Голландии стали пропадать подростки, а потом люди видели их где-то на фото в форме гестапо – так, оказывается, СС воровал и вербовал своих янычар среди арийцев – голландцев, шведов и других скандинавов. О России Ёпов дедушка знал только, что там правил царь Пётр, который любил Голландию, страшный холод и такой голод, что люди вынуждены были есть муку, отчего распухали и умирали.

– Каков был твой путь? Что хорошего сделал? – поинтересовался Ёп, почёсывая палочкой в затылке.

– Ничего не сделал.

– Вот и мы о том же... Если ничего не делать – ничего плохого не сделаешь. А если что-то делать – то неизвестно, как обернётся... – предположил Лудо и привёл пример: он от доброты душевной оформил для приятеля магазин секонд-хенд, со вкусом и дёшево: вместо полок – неструганные брёвна, вместо стоек – рубленые стояки, пол – бревенчатый, некрашенный, всё – в свечном нагаре, копоти, саже, заусенцах и занозах.

– Вид был о'кей – в одном стиле, в гармонии друг с другом, – согласился Ёп.

Кока про себя хмыкнул, подумав, что вид был наверняка диковат: грязное облезлое дерево в сочетании с одеждой второго сорта и ношеным бельём... Бедность бьёт по лбу!.. Но спорить не стал – зачем злить человека, если спать придётся у него в подвале?

– И что же? – продолжал Лудо. – Хозяин говорит мне, что это похоже на концлагерь, и не только не даёт ни копейки за работу, но и заставляет разобрать всё! – Он обвёл рукой двор, заваленный чурбаками и обрубками брёвен. – А кто заплатит за дерево? За доставку, за разметку? Это же творчество, а не что-то такое!.. Это процесс!..

– Что они знают о творчестве! – вздохнул Ёп, колыхнув серебряным венчиком; печальные глаза упёрлись в пень. – Этого им никогда не понять. Вот, может, дети и внуки поймут, какого дедушку потеряли...

– Дедушку? – не понял Лудо, давая кошке слизать капли пива из банки, за что кошка поблагодарила его мгновенным жёлтым взблеском глаз, в припадке признательности тщательно отёрлась о Лудовы сапоги и отсела в сторонке, довольно жмурясь. Точёные ноздри раздувались. Влажные язвы на спине поблёскивали. Ушки настороженно шевелились. Мурлыканье схоже с урчанием холодильника.

Складывая пустые банки в пакет, Лудо доверительно сообщил:

– Когда я буду лепить головы именитых сограждан, я не отойду от правды жизни ни на шаг!

– Нет, ты должен обобщать, – возразил Ёп.

– Как же конкретные носы или уши обобщать? – удивился Лудо.

– Я вот тут... Гашиш есть... Так себе, не особо сильный, проклятые негры обманули... Но что есть – то есть, – закопошился Кока, ища по карманам и вызвав одобрительные возгласы “гут” и “зер гут”.

Кошка тоже уставилась желточками наглых глаз в его руки.

Кока дал ей понюхать гашиш:

– Ничего для тебя вкусенького. Сам бы что-нибудь съел.

– Если голоден, на кухне осталось два тоста, можешь подкрепиться, – по-доброму кивнул Ёп на открытую дверь своего домика-гномика. (Ёп в основном ест только тостерный хлеб, которым запасается впрок, а зимой вообще не выходит из дому, ибо дверь у него от сырости разбухает и не открывается.)

Зазвенели медленно и солидно колокола – двор граничил с церквушкой. Кока перекрестился. Тень от колокольни косо резала двор.

Затягиваясь, Лудо сказал, что давно хочет отлить в чугуне огромный джоинт и продать тем, кто держит кофешопы. Ёп заметил, что мастырки похожи на эрегированные члены и куда лучше эту железную мастырку продать не хозяину кофешопа, а держателю борделя.

– Над входом закрепить – шикарно будет смотреться.

– Нет, упасть может, задавить клиента, – предусмотрел Лудо. – Хотя если страховка будет – ничего, заплатят. Со страховкой можно рискнуть.

Постепенно все попали в плен курева. Притихли. Слушали трепетное молчание гашиша, собранного рукой Всевышнего из пыльцы и праха в пахучее жизнотворное тело.

Коке вдруг показалось, что окна – живы и шепчутся тихо, надо только вслушаться, о чём говорит солидная рама со своей дочерью, вертихвосткой-форточкой, – наверно, ругает за легкомыслие или корит за ветреность. На крыше пыхтит папа-труба. Негромко переговариваются створки дверей. Черепицы поют тихим печальным хором...

На колокольне пробило три четверти. Ёп, дёрнувшись и отойдя в сторону, начал что-то наговаривать в диктофон.

Кока решил вставить в паузу:

– Лудо, мне спать негде. Можно переночую? В закутке, в подвале?

Тот покрутил на голове капитанскую шапочку:

– Да?.. Но... Ну... Но скоро я уезжаю в Норвегию...

– Да-да, знаю. Ложки резать? Рыба? Ягода? Киты? – подольстился Кока. – Нет, я только на парочку дней! – залебезил, пугаясь перспективы ночевать на улице, а Ёп, щёлкнув диктофоном, сухо засмеялся:

– Эй, дружок, какие киты? Киты ушли в южные моря. У нас совсем другое будущее...

– О'кей, ночуй... – согласился Лудо. – Но с тебя пара джоинтов!

– Будет! – заверил Кока и показал для убедительности последние франки. – Вот, поменять не успел. Завтра!

Гашиш, хоть и был плох и слаб, всё же успокоил, принёс расслабление: хорошо сидеть и жалеть себя под тихий бубнёж психов и удивляться, почему именно на него, Коку, валяются все “фатумные шишки”, как любила повторять его бабушка Саломея, Мея-бэбо.

Он устал. Он два дня без душа и бритья. А ведь хочет малого: лечь спать на хрустящие простыни в своей комнате в Тбилиси, где бабушка Мея-бэбо подоткнёт одеяло и угостит на ночь мацони с вишнёвым вареньем: “Спи спокойно, ангел, завтра будет новый день!” Где всё это?.. Почему он тут, в этом дворе, в этой дыре посреди мира, с двумя психами?.. Кто это?.. Чьи это тени?.. Домовых?.. Откуда падают блики?.. Что за лики?.. Почему огрызается рок?.. Дал зарок мучить впрок?.. Или правы те, кто говорит: курящих траву ожидает плохое будущее?..

Кока первый раз попробовал гашиш в своём районе, в Сололаки, в чьей-то пустой хате на улице Цхакая. Тогда дурь была дешева и хороша, старшеклассники добыли где-то несколько пакетов. Высыпали на газету коричневый порошок, похожий на комкастую землю с запахом сосны. Хитрым образом затолкали её в папиросы, пустили по кругу, а потом послали Коку, как самого младшего, в гастроном на улице Кирова за хлебом, колбасой и горчицей. В магазине Кока долго не мог найти нужный отдел, разобраться в витринах, сосчитать деньги, связно сказать кассирше, что ему надо. Мысли скакали, разъезжались в разные стороны, корчились в

усмешках. Люди подозрительно пялились на него. Звенела голова, стеклянно-прозрачная, так что все могли со злорадством читать Кокины куцые мысли. Но он ощущал в себе ростки чего-то живого, необычного, важного и интересного, что в конце концов и помогло справиться со всеми делами.

По дороге в хату он сел в садике Дома актёра передохнуть. Впав в глубокую задумчивость, съел машинально всю буханку хлеба и полуметровую колбасу, не забыв опустошить наполовину баночку с горчицей, – та почему-то временами казалась ему слаще шоколада. Затихнув, как удав после ударной жрачки, разомлев на солнце, он просидел так в блаженном оцепенении до вечера, а потом, встрепенувшись – что это он тут делает? – побрёл домой, с тупым настырным упорством считая по дороге деревья и булыжники, – казалось, что это имеет важнейшее значение не только для его жизни, но и для всей планеты в целом.

Назавтра в школе он получил от дружков нагоняй за дешёвый кидняк – они чуть с голоду не умерли, ожидая его с хлебом и колбасой, потом съели пакет панировочных сухарей, мешая их с солью и перцем, – больше ничего съедобного на кухне не нашлось, а голод был убийственный, что понятно: чем лучше дурь – тем сильнее голод...

Кока очнулся, прислушался. Ёп и Лудо обсуждали насущный вопрос: если осушить моря, а горы срезать и переместить в дыры, оставшиеся от морей, то горы точно сядут во впадины.

– Совпадут краями, и наша земля станет ровным красивым шариком, без наростов и дыр! – горячился Ёп.

– А зачем? – спрашивал Лудо. – Какой смысл? И кто всё это будет делать?

– Ну так, просто... А чтоб шарик был гладким! И разноцветным, как кубик Рубика! – И добавил для убедительности: – Всё равно через миллион лет Африка сомкнётся с Европой в районе Гибралтара. Это неизбежно. Средиземное море станет озером, начнёт мелеть и превратится в соляную пустыню. Впрочем, людей к тому времени уже не будет...

“Шарик Рубика! Рубик кубика! Рубрика кубрика!” – Кока обалдело слушал, как психи ловко управляют с природой: моря и океаны перекачать на Африку – Африка спасибо скажет, у них там такая жара, что даже вшивые мыши бегут от суши... Горы в океанские впадины всадить... верхушками вниз... Думаешь, точно сядут?.. Уверен... Нет, пустоты будут оставаться... где столько гор взять?..

Заслушавшись, Кока не заметил, как кошка Кесси под шумок с мурлыканьем потёрлась о его ногу. Он шикнул на неё, боясь лишаев, но Кесси, неизвестно почему этим шиканьем ободрённая, обвилась вокруг другой ноги.

“Завтра стирать придётся”, – подумал Кока, зная, что ни завтра, ни послезавтра он эти джинсы не постирает – делать больше нечего! Выкинуть и купить новые! Или украсть. Джинсы воровать легко: плашмя, за пояс, точно ложатся во впадину живота, как те горы в дыры от морей. Сам Кока воровством не занимался после того, как был выловлен в магазине при попытке вынести одеколон. Тогда отделался предупреждением, но урок запомнил.

Кока щелчком отбросил окурок и, решив ещё раз узнать у Лясики, не появилось ли на горизонте чего стоящего, спросил у Лудо разрешения позвонить. Тот милостиво кивнул:

– Только покороче, если можно! Я в прошлом месяце почти семьдесят гультенов заплатил!

Прежде чем звонить Лясику, Кока завернул на кухню к Ёпу, где всё стерильно блестело, кроме двух тостов в опавшей тусклой пластиковой упаковке. Еды нет.

Ёп приплёлся следом, снял с полки чашку, отпил глоток, пополоскал рот и выплюнул жидкость обратно в чашку.

– Что, зубы болят? – спросил Кока.

– Нет. Это коньяк. Но десны немеют, как от кокаина. И экономно – одной бутылкой можно целый месяц рот полоскать, – объяснил Ёп и бесхитростно протянул чашку Коке: –

Попробуй! Там бактерий нет, спирт всё убивает! – Но Кока, подавив рвотный позыв, пробормотал:

– Спасибо, в другой раз!

А Ёп, побулькав новым глотком, сказал:

– Если шнапс равен кокаину, то я выбираю то, что дешевле! – И зашёл в туалет, откуда вслед за щелчком диктофона можно было услышать: “Коньяк оmyвает гортань, как волна окатывает песок, как солнце струит свои лучи, как ветер обволакивает скалы...”

Сунув тосты в карман, Кока переместился во двор. Лудо дремал, привалившись к плюшу. Кошка по-собачьи чутко сидела рядом. Вот чумовая чушка, лучшая подружка!

Тихо пройти мимо. Нырок в дом. Запах столярного клея, краски и древесины из подвала, где Лудо хранит таблички для туалетов. Там предстояло спать.

Вверх по лестнице. Телефон. Диск. Набор. Гудки. В ответ на Лясикино “Вас предельно внимательно слушают!” – Кока подобострастно спросил, как дела и когда завтра приходить.

– Приходи, когда возжелаешь. Моя Лита работает эту неделю допоздна. А мы чем-нибудь подкрепимся. У Барана есть что-то, стоящее внимания. Обещался быть. Он – молоток, вырастет – кувалдой будет! Так что оскоромимся!

“Что, опять лежать, умирать?..” – при имени Баран Кока с трепетом вспомнил последнюю встречу с этим молодым бычком: они занюхали что-то, от чего стало так плохо (или хорошо, уже и не разобрать), что Кока два дня пролежал у Лясика в гостиной на диване в полусне-полуживии, пил без конца воду и тут же выпускал её в тазик. Лястик был помещён напротив, в раскладном кресле. Жене было сказано, что они отравились пиццей, но жена ругалась: “Какая пицца! Вы же синюшного цвета, живые трупы!” – на что Лястик дремотно бредил: “Раз живые – уже не трупы! Проклятая пицца! Всё отравлено! Яды всюду! Окружающая среда! Рыба жрёт пластик! Цианид, ртуть! Экосистема! Копуляция! Хтоники! Жлобный извет! Навет!”

– Ладно, подойду. Только я без копейки.

Лястик хмыкнул:

– Мог бы не предупреждать. Эта априорная ситуация не нова. Но на баяны² наскребёшь, у меня кончились, купи по дороге.

Кока повесил трубку и бочком пробрался во двор, где обсуждался парниковый эффект и разрыв атмосферы: Ёп был уверен, что вода постепенно испарится с лица Земли, но Лудо вяло возражал, что круговорот воды в природе не даст этому совершиться. Ёп настаивал:

– Дыра в атмосфере будет всё больше! Градусы повысятся! Вода уйдёт в небеса! От жары высохнут и сгорят леса и джунгли! Кислорода на планете не станет, всё живое задохнётся! Жизнь уничтожится, как на Марсе! Земля станет высохшим черепом с глазницами океанов и обломками зубов-небоскрёбов! Последний человек умер сто лет назад. Вселенная возникла четырнадцать миллиардов лет назад. А что было, например, за секунду до этого? И где Вселенная, интересно, возникла? В какой пустоте? И как? Откуда взялся материал для миллиардов звёзд? И где начало времени? А что было до времени? Каким метром мерить бесконечность? Как отсчитывать время, которое вечно, не имеет начала и конца и прекратится только после Апокалипсиса?

Кока тоже начал думать о Вселенной, но скоро ему стало дурновато, как всегда при мыслях о космосе: он обмирал, кружилась голова, его подташнивало, когда он пытался представить себе безбрежный космос без конца и края, где разбросаны бессчётные звёзды и планеты, и число их растёт, а космос расширяется. Чьё это творение? Как это – вечно и бесконечно? Где и почему всё это?

² Шприцы.

Бездны пугали и заставляли сердце сжиматься. Руки и ноги холодели. И он решил отправиться в подвал, подальше от всей этой жути.

– Дверь открыта! – милостиво кивнул Лудо. – Отдыхай!

В подвале, переделанном под мастерскую, – форточка на уровне земли. Краски в тюбиках. Пузырьки. Банка с кистями. Канифоль. Верстак с тисками. Две пилы. Молотки. Гвозди, дюбели. Всякая железная мелочь по стенам. Стопки дощечек. Запах свежей древесины, красок, железа.

Кока расчистил место на старом диване, взгромоздился на него, подложив под голову рванный поролон и накрывшись попоной из брезента, нужной Лудо для жизни в дикой Норвегии.

Надо открыть форточку – нечем дышать: дерево душит, краски давят, лак ест глаза. Кока, не вставая, куском плитуса сумел распахнуть створку – и тут же кошка Кесси впрыгнула внутрь. Примостилась в ногах. Зелёные зрачки уставились на Коку. От зловещего блеска и утробного урчания стало муторно.

– Пош-ш-ш-ш-шла, ведьма! – шипанул он на неё, но кошка только перебирала лапами, устраиваясь поудобнее, запуская свой мурлыжный мотор и проницательно глядя на человека.

Где-то шевелились тихие звуки: скрипы петель, шуршание стен, шёпот половиц, стоны стен. Звонили колокола. Из двора слышались тихие голоса – психи по инерции продолжали говорить по-немецки.

Ёп:

– Солнце в миллион раз больше нашей Земли. А звезда Бетельгейзе в триста миллионов раз больше Солнца.

Лудо:

– А звезда Антарес в созвездии Скорпиона в шестьсот девяносто миллионов раз больше Солнца! А звезда VY из созвездия Большого Пса почти в три миллиарда раз больше Солнца! Ты этот объём представь!

Ёп:

– А ты представь, сколько таких звёзд во Вселенной!

Лудо:

– А ты представь, на скольких планетах есть жизнь! И какая она разная, наверно! Где-то динозавры, где-то огромные слизни! Где-то громадные рептилии! Где-то рай! Где-то крошечный ад, идут соляные дожди, грозы и тайфуны! Я читал, что в Сибири семьсот тысяч лет извергались вулканы!..

Ёп:

– От глобального потепления всё пропадёт! Первыми от перегрева погибнут насекомые, следом передохнет половина птиц, а другая станет мясоедами. Злаки без насекомых не будут опыляться, а без воды засохнут, отчего погибнет скот, а следом за злаками и скотом настанет гибель людей! Но рептилоиды выживут! Было уже не раз!

Лудо:

– Никто ничего не знает! Откуда взялась жизнь? Кто создал десять миллионов видов фауны? Почему динозавры разбухли до таких чудовищных размеров?

Ёп:

– А кто вытянул уши у большеухой пустынной лисицы так, что она слышит в три раза лучше, чем простая лиса? Почему не у всех лисиц вытянулись уши, а только у этих? Чем другие хуже? Где Дарвин? Если большие уши так хороши, так почему они не вытянулись у всех лисиц?

Лудо:

– А кто лишил акулу плавательного пузыря? С какой стати? Разве не рыба? У каждой плотвы есть, а у королевы – нет?

Ёп:

– А что раньше было: киты или планктон?

Лудо:

– Язык синего кита весит гораздо больше самого большого слона...

...Постепенно стало различимо: с белого неба падают редкие гигантские капли, от них величаво бегут круги по воде... Э, да это город Нальчик, Кабарда!.. Городской пруд. Тут как всегда крутятся барыги, словно псы в стае. Кока, купив шайбу чёрной мацанки³, обнюхивал её. Продавец – прыщавый пацан с чёлкой, в застёгнутой наглухо ковбойке и фетровой шляпе – запал на его чёрный кожаный дипломат: “О, красивый! Подари!” А Кока не дарит, жалеет, самому нужно, еле достал. Опять просит парень: “У, какой портфеляга классный! Давай сменяться, я тебе – шмаль, ты мне – портфель! А себе в Тбилисе ещё купишь, вы там все богатые!” А Кока не хочет, отнекивается. Отдай, дурак! Ведь дороже мацанки ничего нет! Так нет же, жаба заела! И в третий раз просит барыга: “Братан, дай портфель, я тебя шмальнойю не обижу!” И в третий раз отказывается Кока – сам недавно купил в сертификатном магазине, самому надо. Тогда парень в ярости выхватывает у него из руки мацанку и швыряет её в пруд, только круги по воде! Кока с воем кидается в мелкую воду, шарит вслепую, но ничего, кроме гнилого пластика и вонючих водорослей, не находит – под хохот барыг: “Ищи! Ищи! Глубже, глубже! Ныряй, жадоба, жмот! Жаба заела? Крохобор! Авось найдёшь чего!”

...Кока вскочил. Приснилось бывшее однажды...

Скинул кошку, уложился кое-как, стал думать об этом случае. Зачем тебе портфель, если в него нечего класть? И что лучше: иметь всё и не иметь гашиша или иметь гашиш – и не иметь ничего другого? Гашиш, конечно! Тогда почему не отдал портфель? А, тупая жадность! Скряга! Фраер македонский! Сейчас небось последнее с себя сменял бы на хорошую дурь, а тогда молод был, пижонил, вот и попутал движение. Сам виноват! Конечно, тех барыг стоило бы окунуть бошками в болото, но кто будет это делать? Он на такие подвиги не способен.

Иногда он думал: когда начался этот адский неостановимый, как космос, гон за кайфом? Уже в старших классах курили вовсю анашу, а учёба в тбилисском политехе, ГПИ, сделала из Коки полного наркушу. В его группе “Мосты и туннели” были одни парни, человек двадцать, из них только половина не была подвержена вечному поиску кайфа. А что делать? Была бы анаша в свободном доступе – курили бы природный продукт и были бы довольны, а так начали пробовать всё подряд, благо на Западе гремела хиппи-революция, до Тбилиси доносились её отголоски в виде рок-музыки, немыслимой без курева и таблеток.

Потом, работая в Горпроекте, Кока связался уже с настоящими морфинистами: они презирали анашу, варили прямо на работе, в кофейном углу, своё варево, отчего по всему зданию удушливо тянуло ацетоном и аммиаком. В конце концов их всех, включая Коку, выгнали с работы, о чём Кока вовсе не жалел: зарплата нищенская, да и скучно сидеть за чертежами, когда за окном голубое солнечное небо и друзья на скамеечке ждут тебя во двор, чтобы взорвать утренний косяк... Утром – косяк, и день – твой свояк!..

Под баюкающие мысли он стал засыпать: “Гашиш хорош... Хорош-ш гаш-шиш... ашиш... шиш... иш-ш-ш-ш-ш... ш-ш-ш-ш-ш...”

³ Наркотик из пыльцы конопли.

2. Отломыш

Утром Кока выскользнул из безлюдного дворика, залитого робко-стыдливом голландским солнцем, и позвонил Лясику узнать, стоит ли приходить. Тот отвечал убитым голосом. Что сказать?.. Вчера был очередной тарарам с полицией...

– А ты где изволишь обитать?.. Если ваше величество соизволит прибыть сюда на своих четырёх, то не исключена его встреча с Бараном, обещавшим принести что-либо приемлемое для души и сердца... Только не забудь про баяны, а то играть не на чем, а душа рвётся, просит...

– Ладно. Иду, – ответил Кока, не очень хорошо поняв из затейливо-витиеватой, как обычно, речи Лясика, что к чему, но имя Баран там присутствовало, значит, надо идти – наркуну ноги кормят, как барыгу – руки.

С Лясиком Кока познакомился в парижской кутузке, куда Лястик угодил за драку в арабском ресторане, а Кока – за чек⁴ розоватого героина, что был продан ему барыгой с такими же розоватыми глазами. Не успев спрятать свои иудины деньги, мерзкий дилер тут же сдал его полиции. Коку оштрафовали, а Лясику письменно приказали полгода в Париж ни под каким видом не являться.

У себя в Амстердаме Лястик промышлял разными делами и делишками: обирал по кофешопам богатых американцев, обкуренных до состояния сурковой спячки, опаивал и обворовывал японцев в ресторанах, помогал другим аферистам выносить из супермаркетов аппаратуру по подложным накладным, ходил разменивать фальшивые купюры, проводил какие-то мелкие операции с псевдозолотом из Китая. Но бизнес с ворованными кредитками был ему больше всего по душе: сыграть в дорогом бутике холёного богача, набрать побольше гуччишмуччи и без помех расплатиться стянутой только что кредиткой (их он получал от сноровитых оливковых карманников-арабов, день и ночь шнырявших в одурманенной амстердамской толпе). При его росте, мягком баритоне и знании языков этот театр ему хорошо удавался, тем более что провал ничем особым не грозил: никто в полицию не звонит, говорят: “Сэр, у вас проблемы с кредиткой, сорри, сэр...” – и всё. Ну, сорри так сорри, ссориться не будем, сор из избы выносить не след... повернуть кредитку в руках... ослепительно улыбнуться... закинуть шарф за спину... с шутками уйти...

То же самое – с фальшивыми купюрами. Если лавочники, халдеи и продавцы замечали, что банкноты жидковаты, или тускловаты, или колонны в разные стороны разъезжаются, то они тоже, вместе с “мистером”, “сэром” и “сорри”, возвращали их, не вдаваясь в разбирательства, на что Лястик возбуждённо всплескивал руками: “Что за безобразие царит в нашем столь несовершенном подлунном мире! Только что взял их в банкомате! Надо же, куда современный аферизм проник!” – и с улыбочивыми реверансами, с “пардонами” и “сорри”, шарф за спину, уходил.

С одного удачно разменянного фальшака ему оставалась треть номинала, а две трети отдавались меланхоличному восточному немцу Дитриху, который где-то в ГДР умудрился украсть запчасти для денежного станка, с немецким маниакальным упорством собрал его в гараже и штамповал теперь в Германии фальшивки, а его жена, уродливая носатая Гизела, баулами вывозила их в Голландию. Иногда станок давал сбой – тогда на купюрах выскакивали неведомые значки, похожие на чернильные помарки, которые хоть и напоминали отметки касиров, но в целом осложняли их сбыт.

Лястик жил в хрущёбообразном гетто, набитом беглыми восточными славянами и упёртыми мусульманами. Домá хоть на голландский манер и выкрашены в дикие цвета – жёлтый,

⁴ Доза.

морковный, лиловый, – внутри красками не отличались: в подъездах – серый цвет безнадежного безденежного убожества. Лясику его социальную квартиру оплачивала, как он говорил, “королева Беатрикс со товарищи”, а снимать лучшую хаверу он не мог себе позволить (деньги то были, то нет, зависело от фарта). Себя он называл “отломыш”.

Дверь оказалась не заперта. Кока проник в квартиру.

По всей гостиной – картонки и ящики с добытыми в бутиках дорогими вещами: джинсы, майки, фотоаппараты, туфли, бельё, очки, купальники, кроссовки вылезали из всех щелей. У стены томились три разнокалиберных телевизора. Стены завешены костюмами, куртками, томагавками, подарочными саблями. Со шкафа свешиваются шнуры и штекеры. Там же – тюки и мешки до потолка.

Посреди этого развала в халате на голое тело скорбно сидел Лястик и ел йогурт.

– Жены нет? – Кока опасно указал глазами на смежную комнату.

– Нет. Трудится на благо новой родины. Спиногрызы у тётки.

– Они разве тут?

– Кто – родители жены? – Лястик оторвался от йогурта. – Конечно. Пару лет назад я их сюда перетащил, а то они в Совке с голоду кочурились в руках наших посконно-суконных супостатов... Хотя смерть тётки многими может быть воспринята как вселенский праздник, я не из их числа. У меня тётка хорошо дрессирована. А тестя, перед тем как идти просить у голландцев убежище, я переделал в сарацина: принудил шахидскую бородёнку отпустить, – глаза у него и так, как у всякого русского, с чингисхановской раскосинкой. Намазы заставил наизусть выучить. Объяснил, как правильно раком стоять на коврике при молитве. На голову арафатку напялил, под мышку молебный коврик сунул. Какова рацея?.. Бывший инженер номерного завода из Каменска-Уральского, в арафатке и бородке, по моему наущению у голландского чиновника настырно интересуется, в какой стороне Мекка, это ему необходимо знать, без этого никак не жить... Слушай, золотко, Кокоша, случайно коньяка или водки у тебя нет? Башка трещит, словно стая кузнечиков! Мыслительный орган мучим отрыжкой... – Лястик с длинными смоляными волосами был похож на больного Тарзана в халате.

Кока усмехнулся предположению:

– У меня? Коньяк? Водка? Вот покури, если хочешь. Похмелье снимет, но вообще – слабоватая дурь...

Лястик всполошил рукой копну волос, пренебрежительно отмахнулся:

– Благодарствую. Я и сильную не курю, ты же знаешь. Каннабиум не для меня. Курение этой гадости сходно с застарелым онанизмом... А похмелье только йогуртом или герычем снимаю... Подождём, Баран обещал прийти...

Кока с ужасом вспомнил, что забыл купить шприцы.

– Слушай, я машинки не купил... – признался он и на вопросительный взгляд Лястика соврал: – Не было в аптеке... – Что вызвало скептически-косые взоры.

– В аптеке? Не было? Шприцов? Никаких? Ни инсулиновых, ни “бабочек”?

– Никаких! Пусто! – заверил Кока, сам приободрившись от своей лжи: при чём тут он, если не было?.. – Я и то и сё – говорю, я диабетик, боткинец, инфарктник, укол надо сделать, мне плохо, скоро в обморок упаду... А они ни в какую: сейчас полицию вызовем, грозят...

Лястик опять подозрительно покачал головой – кто тут из-за такой ерунды полицию вызывает?.. Шприцы на улицах бесплатно раздают.

Для верности Кока сообщил, что аптекарша уже начала набирать телефон полиции, он еле успел уйти, но Лястик, убедившись, что шприцев в любом случае нет, занялся йогуртом.

– А кто вообще этот Баран? – Кока решил окончательно увести разговор от своей оплошности. – Почему его Бараном называют?

– Фамилия такая неудачная – Баранов. Как же его ещё называть? Ты ж его видел... Это субъект такой... занимательно-показательный... Русский немец, отец Баранов, мать – немка.

Но золотая душа и доброе сердце. Родом откуда-то из Казахстана, из Большого Аркалыка или Малого Баши-Бузука...

И Лясик сжато сообщил, что Баран – один из двадцатиголовой семьи русских немцев, после перестройки в массовом порядке начавших переезжать на свою доисторическую родину Германию. Семья во время войны была сослана заботливым отцом народов подальше от народного гнева куда-то в казахские степи, а после перестройки перекочевала прямым ходом в Мюнхен, сменила кирзу на *Salamander*, ишаков – на подержанные “мерседесы”, варёную баранину – на свиные ножки в пиве. Ну, а Баран, уже в шестом классе подсевший на отраву, предпочёл перебраться поближе к кормушке, то бишь в Голландию, и даже для верности женился на бойкой упругой голландочке с беличьей мордочкой и лисьего цвета причёсочкой.

Они сообща выращивали на чердаке марихуану, снимая с каждой кадки травы тысячи на три гульдигов. Баран пополнял семейный бюджет поездками в Мюнхен, куда его дядя-столяр Адам регулярно привозил из Казахстана афганский героин. Новые германцы, собираясь переезжать в Германию, отдавали ему мебель для упаковки перед перевозкой на трейлере в Неметчину. Дядя Адам приделывал двойные стенки в шкафы и кровати, набивал пустоты порошком, сам ехал в кабине рядом с шофёром, а в Мюнхене сам распаковывал мебель, вынимал товар и снимал двойные стенки, а мебель, чистенькую, доставлял по назначению, так что хозяева даже не догадывались, что в их шкафах привезено несколько кило убойного афганского сахара. Удобно, дёшево, сердито! А поймают – он, Адам, ни при чём! Он только груз сопровождает, а что там внутри – откуда ему знать?.. Идите, ищите отпечатки пальцев на порошке!..

Тут из-за хлипкой стены стали слышны звуки пощёчин, женские вскрики, мужские гневные причитания, звон посуды и скрежет стульев.

Кока всполошился, но Лясик жестом успокоил его.

– Сосед. Как ему руку отрубили, так начал пить, шуметь и скандалить.

– Кто руку отрубил? Кому?

Лясик допил йогурт и с шипом потушил в пластиковом стаканчике окуроч.

– Соседу. Учителю биологии Билли.

– Дети отрубили? – ужаснулся Кока, впечатлительный и чуравшийся крови.

– Нет, какие дети? Дети, если что, просто забьют до смерти дрекольем! Дети в школу собирались, мылись, брились, похмелялись! – пропел Лясик.

Выяснилось, что любознательный учитель биологии Билли всю жизнь собирал деньги на свою мечту – поехать на фотосафари в Африку, посмотреть жизнь животных в их естественной среде обитания. Наконец, свершилось – отправился с женой и дочерью. Стали ездить по саваннам в открытом джипе. И вот в какой-то деревне остановились возле магазина. Проводник отправился за водой, а туристы ждали в джипе. Учитель Билли дремал, свесив наружу руку. Вдруг откуда ни возьмись выскочил огромный негр с мачете, одним взмахом отсёк до локтя учителю руку с часами, схватил её – и был таков!.. Учитель даже толком не успел проснуться. На вертолёт спасли, а то до ближайшего медпункта полсаванны ехать, да и там, кроме заражённых СПИДом ножиц и пары использованных гондонов, ничего нет. Пропащий континент!

У Коки мурашки поползли по спине.

– Из-за часов, что ли, отрубил?

– Не только – там ещё и кольцо было золотое, обручальное, на безымянном пальце...

Продадут – семья будет три месяца пшено с каким-нибудь дерьмом кушать. Жить-то надо! – Помолчав, Лясик добавил: – Небось и руку эту потом сварили и сожрали за обе свои ненасытные щеки, за милую душу... Вот тебе и на сафари съездил! Изучил жизнь зверей и скотов! А сейчас пьёт и психует всё время.

Ничего себе! Будешь психовать! И негр с буйволиной мордой, и широкий мачете, и кровавый обрубок руки – всё захоронилось в Кокиной голове. Почему-то всплыл рассказ

бабушки Меибэбо о том, как сталинские палачи тащили поэта Тициана Табидзе с перебитыми руками и ногами с одного пыточного допроса на другой, а он кричал в отчаянии на всю тюрьму: “Обезьяны, я вашу мать... Зачем вы превратились в людей?..”

Лястик с крихтением добрёл до окна, выглянул на улицу.

– Что-то нет Барана... А пора бы. – Взглянул на свою гордость – пятидесятилетний *Rolex*, удачно упавший в карман Лястика в одном из бутиков. – Вообще, Баран более или менее точен – насколько может быть точен плебей-селянин из далёких степей... Но всё бывает...

– Вот именно! – поддакнул Кока, слишком хорошо знавший, что всё случается, и это “всё” обычно почему-то чаще всего бывает чёрных оттенков. – С такой кликухой – Баран – жить тоже не очень приятно!

– Да? – иронично спросил Лястик. – А тебе с кличкой Мазила жить лучше?

– Не Мазила, а Мазало! Это типа забавника, затейника, – объяснил Кока, умалчивая о том, что “мазало” означает ещё и неумёху, фразера, у которого всё из рук валится.

Он тоже подошёл к окну, чтобы убедиться, что Барана нет.

И вдруг увидел на кромке тротуара чёрную кошку, недвижно смотрящую вверх. На спине у кошки что-то поблескивало. “Кесси?... Да нет! Откуда ей тут взяться? Что ей тут надо?” – удивился он (что-то жуткое пробежало по позвоночнику). Кошка кивнула ему, потом начала мыть лапку, изящно вытянув её, как балерина – ножку. Кока поспешил отойти от окна.

За стеной опять послышались тупые удары, визг и грохот падающей мебели.

– Эх он своей культёй шурует!.. Хватит, Зимбабве! – Лястик постучал пепельницей по стене, возня тут же затихла. – Бойтся.

– Будешь бояться – одной руки нет! Если б у меня одной руки не было, я б тихо сидел, – подумал вслух Кока. И тут на запястьях Лястика вдруг заметил красные полосы – то ли царапины, то ли порезы, под рукавами было не разобрать.

– Что с руками, Ляс? Что вчера было? Тарарам? Полиция? Из-за чего?

– Это следы от кандалов. Несусветные глупости, как обычно. Как ты можешь понять, нечестные деньги жгут сердце и карман. Долг утюгом красен... Вот я и решил обслужить свои гендерные интересы, то бишь пойти к блядам в бордель и потратить деньги, полученные за фальшаки, с блеском и фейерверками, кои соответствуют моему настроению. Пусть мне будет хуже, как героям толстовского “Фальшивого купона”! Старик и сам был отнюдь не чужд блуда, всех баб в округе перепортил, пока не успокоился по возрасту...

“Короче, Склифосовский!..” – думал Кока, которого утомляло ветвистое суесловие Лястика. Да что поделатъ – раз кайф маячит возле Лястика, значит, надо сидеть тихо, сторожить, поддакивать, не раздражать.

– Ну, не важно... – махнул рукой Лястик и опять всполошил волосы. – У меня была бутылка виски, подарочная двухлитровка. Сей напиток, как тебе известно, хоть и отвратителен на вкус, но в действии силён. Выпив под *Modern Jazz Quartet* половину фляги, – мои габариты тебе тоже известны, – остальное разлил по фляжечкам и, упоротый в дупель, отправился в рай земной, куда террористы своих смертников посылают, то бишь в бордельеро. Зачем взрываться, чтобы обрести семьдесят гурий?... Рай тут, на земле, под рукой для всякого, у кого есть бабки и яйца!..

В борделе Лястик выбрал дородную, сочную, статную польку с хорошим выменем и атласной кожей, делал ей праславянские комплименты, она тоже маслилась и текла, всё было о’кей, на мази даже без мази. Аксессуары, писсуары, блевуары... Во время дежурных ласк Лястик украдкой опустошал фляжечки, отчего ни так ни сяк завершить процесса не мог – уже самому надоело.

– Да что делать? Не оставлять же польку несолоно хлебавши солёной животворной жидкости? Небось оттого и кожа атласная, что литрами пьёт!

После часа неистовой любви полька начала недовольно шипеть по-змеиному, что свойственно этому жалкому народу: хватит, кончай, сколько можно, продырявил, за полчаса заплатил – а уже час не слезаешь, что я, резиновая кукла тебе, *lalka gumowa*?!

– Лалка Гумова – это её имя и фамилия? – Кока ухватил последние два слова.

Лястик расхохотался:

– Да нет, это по-польски “кукла резиновая”! А звали эту выдру-гидру то ли Лондра, то ли Лорна. Ну вот, я не отвечаю и продолжаю трудиться в поте лица своего, отчего блядина стала скользкой и злой. Как известно, секс – это грязная возня и собачьи фрикции! Особенно противны всякие чмокания и чавканья, будто свиньи в хлеву помои жрут! После полутора часов взбешённая полька стала вырываться из моих коленно-локтевых объятий и умудрилась нажать кнопку тревоги. И тут же явился голос за дверью, приказавший мне убираться подобру-поздорову. А на мои доводы, что я заплачу за излишек времени, голос отвечал, что девушка устала и больше не может. Тогда я резонно предложил голосу самому поработать за свою уставшую сотрудницу – не уходить же мне не кончивши?.. Этаким позорный конфуз со мной ещё не случался!.. Вот я и предложил, не в очень корректной форме, используя экспрессивную лексику, этому невидимому за дверью голосу закрыть собой амбразуру, то бишь сменить уставший персонал и самому удовлетворить клиента по полной программе, с заглотом и проглотом!

Лястик смолк, всматриваясь в улицу.

Коку охватило радостное предчувствие – но нет! Лястик недовольно поморщился и продолжал рассказ о том, что с вызванной полицией он тоже попытался объясняться через дверь, но его сетования были неверно истолкованы, полицейские вскрыли нехитрый замок и выволокли Лястика без штанов в пропахший спермой коридор, нацепили на него наручники и повезли в участок. По дороге Лястик пришёл в себя и по советской инерции предложил им взятку.

– Хотел им туфтовые деньги подсунуть? – удивился Кока.

– Нет, я же не полный кретин... У меня с собой всегда есть на всякий случай и настоящие... А они почему-то на это предложение вздыбились, как кони на Триумфалке. Стали орать, что они и так собирались меня отпустить – кому нужен пьяный придурок без штанов? – а сейчас составят протокол за попытку дачи взятки... В общем, после моих униженных “простите”, “извините”, “сорри” и “пардонов” они отвезли меня домой, выписав письменный запрет на двухнедельное посещение всех борделей Голландии и велев обходить за три версты то красное гнездо, где я учинил сие скромное буйство. А, вот и Баран на горизонте!..

Но Лястик обознался: вблизи тип оказался квадратного вида белёсым голландцем в спортивной пижаме.

– Чёрт, и голландцы уже в спортивном белье ходить начали! С наших придурков моду берут, – смущённо пробормотал Лястик, вспахивая пятернёй смоляную копну на голове и включая тройник в сеть, отчего вспыхнули все три разновеликих телевизора: обросший сивой щетиной абориген беззвучно долбил камнем ствол дерева.

– Гляди, абориген на бородатого Черномырдина похож! – засмеялся Лястик. – Такая же башка огромная!

– Ты когда был в Москве? – для поддержания беседы спросил Кока.

– В нашей златообильной столице? А вот как Совок развалился – не был. Я – отломыш, от ностальгии пока избавлен. Там быдловщина в почёте, чморизм, убожество... Бубонный ОМОН! Взяткофилия! Во все века одна цель: умыкнуть что под руку попало, нажраться, напиться и опустошить простату. Мы не можем овладеть своей географией, освоить пространства, которые предки огнём и мечом завоевали у соседей, для этого мы ленивы, тупы и глупы. Да весь Совок – безмозглое село мирового масштаба, потёмкинская деревня на понтах и объём-

ках! Но чую – придёт какой-нибудь дьяволёнок и ввергнет страну обратно в ад, ибо к другому месту не приучена. Для порядочного человека стыдно и зазорно жить в этом Кривокопинске...

– Это ты-то порядочный? – опешил Кока, не в первый раз удивляясь наглости этого прохиндея и проходимца, хоть и привык к тому, что Лясик своё бывшее отечество не устаёт крыть и ругать при каждом удобном случае.

Лясик просиял:

– А что? Я, как Робин Гуд, обираю капиталистов, которые в свою очередь всех нас уже давно обобрали! Я санитар общества! А другого такого безалаберного народа, как наш, нет. Мы агрессивны, как крыса в углу, и ничем, по сути, кроме самоуничтожения не занимаемся.

– Ну и на здоровье! Но зачем других в эту яму тянуть? Вы ещё ответите за Девятое апреля в Грузии!⁵ Это что за понты – сапёрными лопатками чужой народ рубить? – ввернул зло и колко Кока, забыв, что должен быть смирен.

Но Лясик серьёзно кивнул головой:

– Да, ответим! Ещё Серафим Саровский предупреждал: “Никогда не воюйте с Грузией, ибо у нас будет бой с Божьей матерью, это погубит Россию”. И за это ответим. И за многое другое. Мы – известные убийцы: всех туземцев перебили, хуже, чем испанцы в Америке. Посторынский синдром в генах сидит. Недаром мой отец уверен, что в России вначале рухнет дурная экономика, потом страна съёжится до Урала, а кончится всё новым китайским игом. Ведь для ига не обязательно ярмо на шеи напяливать – банковских писем и счетов достаточно, чтоб держать народишко в узде и повиновении! Китайцы всех переживут. А у нас ещё похуже Ельцина кто-нибудь явится, попомни мои слова! И что за дебильная страсть у людей – выбирать себе в вожди какого-нибудь хера моржового и поклоняться ему, как золотому идолу? Обожевлять? Исполнять все его дикие прихоти и выходки, а? Это какой век? Мой дядя самых честных грабил? Клешня Кремля крепко цепляет! Лучше уж сразу нашу несчастную родину назвать “Чаадавия”, а вместо Конституции взять “Философические письма”... Ты, надеюсь, читал Чаадаева, Петра Яковлевича? – вдруг подозрительно уставился Лясик на Коку светлыми наглыми глазами.

– Конечно. Псих, в дурдоме сидел... “Горе от ума” – это про него... Мне бабушка в детстве рассказывала. Пушкина дружан.

– Ну да, посидел в психонариуме... И оставить в несчастной Чаадавии одно министерство – по чрезвычайным происшествиям, все остальные будут просто не нужны, ибо со времён Кагановича ничего не обновлялось, всё пойдёт взрываться и гореть... Россия пока ещё защищена культурной оболочкой прошлых гениев, но если её удалить, останется вселенская пустота. В этой несчастной стране всегда светлое будущее, тёмное прошлое и серое настоящее... По себе знаю – русские легко идут на любой криминал. А почему? Потому что для Совка закон – пустое место, которое надо с детства уметь обходить. Убиваем не задумываясь – такие мы христиане...

Из-за стены накатил новая волна визгов и стуков – теперь колчерукий учитель гонял всю семью.

Лясик поискал глазами по стенам. Снял самурайский меч и застучал рукоятью по батарее:

– Эй, завязывай, Ливингстон хренов! Хватит, не то вторую руку откромсаю!..

Туземцы на трёх экранах взяли за громадные трубки, набили их какой-то массой и закурили, передавая друг другу.

– Дикари, а кайф понимают! – одобрил Кока.

Лясик отозвался:

– Да уж поумнее нас с тобой в этом деле будут.

⁵ 9 апреля 1989 года – день жестокого разгона мирной демонстрации в Тбилиси силами российских войск.

Помолчали. За стеной тоже стихло.

– Вот ты спрашиваешь, когда я был в Совке. А знаешь, мне опасно часто туда ездить, – сказал Лястик. – У меня там оживает детский шиз, навязчивые идеи – сделать какую-нибудь несуразную гласную гадость, типа дать увесистого пинка старушке на улице! Или громко испустить газы в театре в самый минорный момент! Или выбить из рук официанта полный поднос! Или сорвать с какой-нибудь матроны блузку! Запустить яичницей в повара! Плюнуть на блестящую лысину на эскалаторе! Высморгаться в чью-нибудь тарелку!

– Ничего себе! – удивился Кока. – Ты что, делал такое?

Лястик приосанился:

– Разок дал под зад одному хмырю. Впрочем, что в этом плохого – дать под зад хмырю?.. Но тянет, тянет на что-то скандальное, из героя – в изгоя... В общем, стараюсь не рисковать и ездить пореже. А зачем? И отсюда всё хорошо видно и слышно. Разворуют всё – и точка. – Лястик поболтал в руке стакан с остатками воды. – Не эта ли вода, в которой мыл свои грязные руки Пилат? Насчёт правды у него были проблемы... Да и у кого их нет? Рты у политиков полны лжи. Знаешь, в Древнем Китае был такой своеобразный детектор лжи, эдакий Полиграф Маодзедунович – во время допроса подозреваемому совали в рот горсть риса. Если после допроса рис был влажен, взбухший – всё в порядке, парень не врёт. А вот если рис был сух – значит, у подозреваемого рот пересох от вранья и волнения, и дорога ему – на плаху. Вот если нашему правительству напихать во рты сей злак, то он не то что сух останется – в опилки превратится! Демагоги на лгунах скачут, прохвостами под хвост подгоняют! Это добром не кончится! Мы опять, как и сто, и двести, и триста лет назад, погрёмся по своей “особой” загадочной колее и упрёмся, как всегда, в кучу навоза, в помойную яму, но будет уже поздно.

За стеной закрутился новый виток скандала, понеслись взвизги, рассыпались осколки битой посуды.

– Дай-ка по кумполу этому остолопу! Мне лень вставать!

Кока с опаской потянулся за самурайским мечом, но, не решившись взять, без затей задубасил кулаком в стену: “Эй! У! Э!” – отчего на него со стрекотом посыпались пустые вешалки, скучавшие на гвоздях в ожидании своих будущих матерчатых оболочек.

– Легче, Кокоша, стену снесёшь! Нужен нам сейчас бешеный однорукий гамадрил? Где же Баран? Сколько сейчас? – обернулся Лястик на шикарные стенные часы *Seiko*, тоже в каком-то бутике волшебным образом упавшие в сумку Лястика. – Пора бы принцу явиться на бал, а то Золушка зажалась!

Раздался звонок.

Они бросились к дверям, но это пришёл за шмотками дружок-сосед, марокканец Хасан. Кока разочарованно уселся на диван, а Лястик начал показывать товар. Хасан тощ, худ и лысоват, с хорьковой мордочкой. Постоянно скалился в щербатой улыбке и ворошил юркими верткими пальцами одежду. Лястик тихо пояснил Коке, что Хасану надо ехать на родину, в Марокко, куда он обычно отвозит дорогие вещи, купленные у Лястика за треть цены, а из Марокко везёт в тайнике в Амстердам несколько кило отборного пластилина – себе, братьям, на продажу. А гашиш на месте, в Марокко, в горах Атласа, заготавливает лично дедушка Хасана восьмидесяти лет. Сам Хасан пытался склонить Лястика к обмену шмоток на шмаль, но Лястик был к конопле равнодушен, считая её глупостью и свинством.

– А что, в Марокко ходят только в вещах из бутиков? – не понял Кока. – И почему у своих земляков-воров он не покупает?

– А я кто? Не вор? – обиделся Лястик. – Притом арабы не могут воровать дорогие вещи, их сразу секут в бутиках, у них на их чёрных бородатых мордах написано, что они воры, а я – сам понимаешь, белый человек...

Он решил Хасану рыться по картонам.

– *Cela, ira bien à ma grande-mère, car elle aime avoir chaud*⁶, – бормотал марроканец по-французски, рассматривая и ощупывая лыжный костюм от *Diesel*. – *Cela, est pour ma sœur, Esma!*⁷ – Поднимал на просвет блузку с узором, похожим на арабскую вязь. – *Cela, est pour mon grand-père*⁸, – повертел в руках мелкокалиберный приёмничек, чтобы дедушка в Марокко мог повесить его на ближайший куст конопли – под музыку веселее работается в поле.

Галантный французский язык звучал в устах плешивого араба слишком возвышенно, отчего сам араб казался ручным и неопасным.

Две пары плетёных мокасин отложены для племянников – пусть гуляют по Касабланке как люди. Маме Хасан выбрал тёплую шаль, а другой сестре – самые дорогие духи, штабелями стоящие под столом.

На всех вещах – бирки и цены, так что стоимость высчитать просто: сложить все цены и разделить на три. Вопрос вызвал только дедушкин приёмничек, бывший без цены, но Лясик великодушно согласился на тридцатку. Вышло где-то под триста гульденов.

С обезьяньими ужимками и прибаутками Хасан расплатился, подарил Лясику кусочек гашиша (барским жестом передаренный Коке), запихнул вещи в пакеты и ушёл, гружённый, как мул.

– Лиса Хасан. Василий Колбасилий. Рабы – не мы. Арабы – рабы. Мама мыла раму. Рама мыла маму. Рамаяна! – бормотал Лясик, с отвращением допивая стоялую воду из грязного стакана, а Кока с возбуждением внюхивался в кусочек желтовато-бежевого вещества, похожего на пластилин. Запах крепок и терпок, бьёт в нос струёй.

– А у него ещё есть? – осторожно спросил он.

– Что? Курево? У Хасана? А как же! Он этим существует.

– Знал бы раньше – не накупил бы трухи, – сокрушённо показал Кока свою неудачную покупку.

Лясик холодно пробежался взглядом по брусочку:

– М-да-с... Дерьмо-с, невооружённым взглядом видно-с... Нет, у Хасана всегда – первый сорт. Дедушка саморучно для всей семьи заготавливает. Надо будет – звони, Хасан безотказен. Перевернул всё, чёрт аллахский... На, возьми! – Подобрев ни с того ни с сего, Лясик протянул Коке стогульденовую фальшивую купюру. – И из шмоток выбери что-нибудь себе. Тебе ничего не нужно? – начал он показывать Коке рубашки и майки, но Кока, спрятав купюру, отмахивался:

– Нет, спасибо, зачем мне... Благодарю! Это раньше я пижонил, а сейчас – плевать. А у тебя ещё фальшаки остались? Дай пару штук, попытаю счастья.

Лясик скептически сощурился, ногой открыл ящик тумбочки:

– Бери! Но они на этот раз не того... не особенно удались...

Кока пощупал шуршащие стогульденовые купюры, которые даже на ощупь были нехороши – слишком тонки. Он спрятал несколько штук в карман, мало, впрочем, надеясь их разменять.

Лясик бросил ему на ходу:

– Бери чего хочешь! – ушёл в кухню за чаем, а Кока, вспомнив, как лишайная кошка Кесси тёрлась о его штанины, решил выбрать себе джинсы и начал рыться в вещах, которые до того уже основательно перерыл Хасан.

⁶ Это бабушке подойдёт, она тёплое любит (*фр.*).

⁷ Это сестре Эсме (*фр.*).

⁸ Это – дедушке (*фр.*).

3. Курьер из ада

Так прошло полчаса. Кока вяло ворошил джинсы – искал свой размер. Брал, примеривал, прикладывая к поясу.

Вдруг негромко стукнула входная дверь.

– Это чего такого, тюр⁹ открыт? Обана! Шмон был, нет? – удивлённо затоптался на пороге здоровенный мужик, оглядывая раскардаш. – Салам!

– Салам, салам, дорогой, алейкум вассалам! – Лясик кинулся усаживать мужика в кресло: Баран пришёл, бог пришёл!

Бог здоров и мощен, как бык. С головы до ног упакован в спортивный “Адидас” с генеральскими лампасами. Голова квадратна, коротко стрижен, лицо безмятежно, на пальцах – безобразные серебряные перстни с черепами.

А из передней слышится какое-то кряхтение. На коврик топчется деревенского вида баба в платке по брови, в резиновых ботах. Глаза раскосы. Потёртая пуховая блузка болотного цвета мужского размера. Мятая клетчатая юбка. На полу чемодан замурзанного вида.

– Кто это? – шёпотом спросил Лясик, вытягивая шею на скрип половиц.

– Чего? – не расслышал Баран, роясь в карманах пижамы.

Баба молча прошла до стола, тяжело села, обвела всех невидящим взглядом и уставилась в одну точку. Грубые черты скуластого лица напоминали о хлопке, дынях, палящем солнце и жёлто-золотистом плове.

– А... Это танта¹⁰ Нюра, тетюня моя. Онкеля¹¹ Адама жена. Из Мюнхика товар пригнала... Тож, бля, на ширку подсевши... – Баран шепелявил, путал звуки, вставлял немецкие слова, но понять было можно, благо говорил он мало, руками договаривая то, что был не в силах выразить без связки “бля”. Посчитав объяснение исчерпанным, он наконец выковырял из кармана целлофановый пакетик с желтоватым порошком. – Ну, давай баяны, счас мюзик играть будем! Ширлавки где у вас тут?

Кока потупился, а Лясик сказал:

– Баран, родной, нету шприцов.

– Как это, ёптель? Я, тудым-судым, из один конец на другой на такси пру, а у них баянов нету! Чего ты пуржишь? – начал нагреваться Баран.

Пыл спора охладила танта Нюра – она полезла в свои необъятные груди и вытащила из лифчика тряпицу, где обнаружился допотопный стеклянный шприц с железным поршнем и здоровенная игла.

Лясик со скорбью, мельком взглянул:

– Охо!.. Этим шприцем ещё, наверно, Троцкий с Бухариным двигались...

– Не хотите ширяться – не надо, – сказал Баран. – Ширлавки не купили – что теперь, тыры-пыры, делать? Тогда захюнить.

– Что? – не понял Кока, с тоской рассматривая свои плохо видимые вены.

– Занюхать, – пояснил Лясик, более сообразительный на Баранину речь, а Баран подтвердил стриженным черепом:

– Ну... Через назе¹²...

⁹ От *Tür* – дверь (нем.).

¹⁰ От *Tante* – тётя (нем.).

¹¹ От *Onkel* – дядя (нем.).

¹² От *Nase* – нос (нем.).

Танта Нюра ждала, уставившись в телевизоры, где три разнокалиберных человечка кроличьими зубами откусывали куски от шоколада *Milka*, прядая от удовольствия спаниельными ушами. Потом приподнялась и ткнула кулаком в спину Барана.

Тот отозвался, ковыряясь с пакетиком:

– Да, ёптель, счас. В ломке танта Нюра. Сёдни уже два раз шваркнулась – всё ей мало. Счас на банхоф¹³ уже ехали – останови, грит, сделать надо... На дорожку, пошосок... Ну и вот... Несите ложку, свечку, вассер¹⁴ кипячён, баян мыть... Вот, ёбанный кебан, и зажубрины на игла! – стал грязным пальцем с узким ногтем проверять иглы. – Танта Нюра, ты этим что, тудой-сюдой, ламмов¹⁵ ширяешь?

Баба не отвечала, сидя по-мужски, расставив ноги, плотно утвердив на полу боты и вперившись в экраны, где целовались в полете весёлые мошки, отведавшие разных соков фирмы *Frutta*.

– Отвернись, братва, танте Нюре стыдно, – сказал Баран.

Они отвернулись. Послышались звяки, шипение жидкости. Кока приоткрыл один глаз: Баран помогал танте Нюре – та невозмутимо задрала юбку и с размаха всадила иглу себе в бедро, прямо через синие мужские трусы.

Баран, заметив Кокин взгляд, пояснил:

– Она так привыкшая, под кож. Приход не жалует. У ней от приход блютдрук¹⁶ наверх скачет. И через нос тоже не всасывает – у неё гайбарит, что ль, иль гейморрид, хрен его раскуси...

Танта Нюра оправила юбку и достала из отвислого кармана кофты мятую сигарету, закурила. Не обращая внимания на просьбы Барана “оштавить сприц”, тяжело поднялась, протопала в переднюю, подхватила чемоданчик и хлопнула дверью.

– Куда её понесло?

– Такси её ждёт, на банхоф ехать, цуг¹⁷ у ей скоро. Привезла товар – и обратно, а то онкель Адам сердчает. Она казашка, подельница первый шорт! – Баран задрал большой палец вверх.

Лясик из вежливости откликнулся:

– Да, сразу видно, душевный человек...

А Баран рассказал: когда в селе случился пожар, танта Нюра по одному всех ягнят и поросят на руках вынесла, а цыплятами-утятами, спасая, набивала карманы.

Кока выглянул в окно – действительно, у подъезда стоит такси. Вот танта Нюра залезла в машину, уехала. Краем глаза Кока заметил чёрную кошку напротив под деревом – она смотрела вверх и, казалось, мечтала покатасть по небу пушистые клубочки облаков.

– Ну танта! Таковую поискать! – ошалело мотнул головой Лясик.

Баран с треском почесал затылок.

– Да, боевой. Ну, что будем делать? Через назе нюхать? – И Баран, сыпанув три бугорка на стол, по-бычьи наклонив голову к столу, одним глубоким вдохом смёл свой бугорок. Лясик сумел одолеть свою полосу в два присеста. А Коке понадобилось три подхода, чтобы вогнать в себя нечто, от чего ожил мозг, а тело завихрилось, полное волшебными игольчатыми кристаллами.

Все трое вдруг восстали из мёртвых, расправили плечи, словно впервые оглянулись в новом мире, отмытом и отодвинутым от всего, что было раньше. Лясик обнимал и благодарил

¹³ От *Bahnhof* – вокзал (нем.).

¹⁴ От *Wasser* – вода (нем.).

¹⁵ От *Lamm* – барашек (нем.).

¹⁶ От *Blutdruck* – кровяное давление (нем.).

¹⁷ От *Zug* – поезд (нем.).

Барана за божественный подарок. Кока целовал Лясика за дружбу и джинсы и тут же стал их примерять, качаясь и не попадая ногой в штанину. Изнутри накатывали ощущения горячей солнечной гармонии со всем, что есть в мире. И всё стало важным, нужным, интересным, посильным, лёгким, удобным, приятным, нежным, податливым.

“Какой Лястик золотой человек!.. И Баран – прекрасная душа!.. А танта, танта!.. Крокодилиха!..” – восхищался Кока. Ему вдруг стало позарез необходимо узнать мнение Барана о вишнёвых джинсах – скажи-ка, брат, не слишком режет взгляд сей вишнёвый сад?

Они жарко обсудили джинсы – да, режет, цвет блядский, и стали сообща искать другие, переворачивая коробки и спотыкаясь о разбросанные по комнате вещи. Вот, и эти чёрные слаксы хороши!.. И тёмно-синие!..

– И серые нистяк!.. С заклёпками – засибись!..

Из Коки пёрло наружу нечто, похожее на внутренние распорки радости и удовольствия. Ему стало жарко, он снял куртку и рубашку, остался нагишом.

А Лястик переговаривался через открытое окно с женой однорукого Билли – та печально сидела на балконе с подбитой скулой. Вяло поблагодарила за стуки по батарее, немного охлаждавшие домашнего кровопийцу, – правда, ненадолго, но что делать, больной человек, сейчас убежал куда-то. Лястик заверил её, что всегда готов помочь, и присоединился к Коке и Барану, занятым теперь выбором майки, подходящей к джинсам, которые ещё предстоит окончательно выбрать...

Несмотря на распахнутые окна, не хватало воздуха и пространства. Открыли двери на балкон, вышли гурьбой, вежливо уступая друг другу дорогу и яростно почёсываясь. Обрадовались синему небу, тёплому воздуху, шелесту деревьев. Баран чуть не прослезился, увидев внизу цветы в садике (“во, тюльпы на клымбе!”). Всё, что попадало в поле зрения, вызывало умиление и добрые эмоции: и сидящий в кресле-качалке голландец в панамке, и голубки на дереве, и их чудесный посвист, и собачка у стены, которая тоже, наверно, наслаждается бесподобной песнью птиц. С восторгом хвалили балконный фикус, трогали толстые упругие глянцевые листья, удивляясь мудрости солнца, без которого ни фикусу вырасти, ни семечку взойти...

Все трое беспрерывно прикуривали одну сигарету от другой или докуривали друг за другом бычки. Напрочь высохли рты. Лястик побежал за жвачками, заодно и чайник поставить, а Кока, встряхнувшись, стал с великим соучастием слушать полубредовый рассказ Барана о том, как какая-то бешеная белка покусала болонку одной бабёнки, отчего болонка впала в дурняк, без движений лежала на полу, а хозяйка в отчаянии попросила Барана что-нибудь с бедняжкой сделать.

– А что с ей делать? Кинул в багасник, а по дорога взял, да и выбросил в мюль¹⁸ на хрен. Бабёха узнала, сум подняла: зверь дикая, кричит, я думала, ты её до веретинара повезёшь, а ты!.. Идь и похоронь!.. Ага, из мюля пададь доставать – та ещё мяука!..

И Кока сочувствовал попеременно и больной белочке, и страдальце-болонке, и неутешной хозяйке, и бедному Барану и сам, в свою очередь, захлёбываясь от нетерпения, рассказал, что у них на улице в Тбилиси жила громадная крыса, которая охотилась на кошек: каждый день находили их растерзанные тушки, и говорят, она даже загрызла младенца в люльке. И вообще, крысы очень умны и вполне поддаются дрессировке, их можно запросто использовать для ловли мышей...

Лястик, готовя чай, с любовью расставлял на столе сервизные чашки, укладывал полотняные салфетки от *BVLGARI* (из одноимённого бутика), наполнял вазочку джемом.

– Братья и сёстры! Прошу! Что хотите послушать?

¹⁸ От *Müll* – мусор (нем.).

Кока, изнемогая от благожелательности, чесался всё активнее – взбудораженная кровь проникала во все тупички и капиллярчики, ворошила тело изнутри. Движения, истомно-приятельные, доставляли радость. Кожа зудела, и никакой чёс не мог успокоить этот приятный зуд. Неприятности, что висели над Кокой, улетучились. Будущее стало бесконечно спокойным. Прошрое не имело значения, а настоящее было золотым счастьем, переполняло снисходительной любовью ко всему сущему, несмотря на то, что приходилось часто бегать в туалет: его выворачивало наизнанку, но даже это казалось важным и нужным.

Лясик с Бараном затеяли играть на диване в шахматы. Но глаза игроков временами закатывались, фигуры смахивались на пол. Баран забыл, как ходит конь. Наконец, доска грохнулась на пол. Однако даже поиск фигур был интересен: смотри, куда она закатилась! А королева в углу стоит, стойкая! Пешки-плешки, кони-пони-макагоны! И мы молодцы, всё нашли, ничего не потеряли! Ну-ка, пересчитаем! Все тут. Можем и позицию восстановить, я всё помню, всё под контролем, всё под силу, всё путем! А хочешь, в домино порежемся?

Вдруг раздался настойчивый звонок и стук в дверь.

Лясик пальцем приказал молчать, на цыпочках подкрался к двери, выглянул в глазок. Кока тоже подобрался к глазку. На площадке – тип в фуражке. Но не полиция. Это главное. Почтальон, видно. Ничего опасного.

– *Hallo?* – спросил Лясик через дверь.

– *Ben jij mijnheer Schi-ro-kich?.. Wla-di-slaw?*¹⁹ – спросил по-голландски фуражечник казённым голосом.

– *Ja, en wat?*²⁰

Тип в глазке отдулся после сложной фамилии и, ворочая на весу папкой, щёлкая замочками и доставая бумагу, важно сказал:

– *Ik heb een melding voor je*²¹.

То ли от оптики глазка, то ли от матери-природы, но лицо курьера было странно вытянутым и занимало как будто две трети тела, скрытого под чёрным форменным плащом до пола. На руках – перчатки.

– *Waar? Wat? Waarom?*²² – нервно спросил Лясик.

Фуражечник издала показал лист с гербом, так, чтобы можно было разглядеть крупно и жирно напечатанные имя и фамилию Лясика.

– *Je moet daar vandaag zijn, je wordt verwacht,* – настаивал фуражечник, и, задрав рукав, посмотрел на блеснувшие большие часы. – *Dus, wees er om 19:00 uur!*²³

Лясик, переминаясь, расчёсывая грудь, строго ответил в том плане, что он вовсе не Владислав Широких, а его двоюродный брат, Владислава нету дома, уехал в Америку:

– Бросьте вашу бумажку в почтовый ящик – и дело с концом!

С тихими, сквозь зубы, угрозами курьер пнул ногой дверь, потом защёлкнул папку и начал спускаться, неся лист в отставленной руке то ли с брезгливостью, то ли с опаской. Спина сутула, даже как будто горбата. А из-под плаща виднелись лакированные задники допотопных сапог.

Вернувшись в комнату, Лясик стал возмущаться:

– Плохие хреновости! Что за субчиков набирают на почту работать? Хотя какая там почта – у почтальонов совсем другая форма... Не ты ли хвост привёл? – вдруг спросил он у Барана.

¹⁹ Вы господин Широких? Владислав? (нидерл.)

²⁰ Да, и что? (нидерл.)

²¹ Для вас у меня есть повестка (нидерл.).

²² Куда? Что? Зачем? (нидерл.)

²³ Выдолжны быть там непременно сегодня. Вас будут ждать ровно в 19:00 (нидерл.).

– Чего? Я? Хвошт? Ты чего дерзишь, ебанат?! Какие, бля, хвошты?! Как дам по башке – так уедешь на горшке! – угрожающе насупился Баран. Глаза похолодели, верхняя губа стала подрагивать.

Лясик не сдавался:

– Хорош сопло рвать! Может, за тантой Нюрой хвост?

Но Кока напомнил: при чём тут тётя? Посыльный фамилию Лясики назвал, ему повестка на 19:00, правда, неизвестно куда.

Стали думать дальше. Что-нибудь с ворованными карточками просеклось? Или с денежным фальшиком? Или вчерашний скандал в борделе? Но тогда пришла бы просто полиция, а не какие-то персонажи в чёрных плащах типа СС. И вчера, кстати, полиция проверяла документы Лясики и ничего не нашла. И что за форма была фашистская у этого, с позволения сказать, курьера?..

Тут Кока спохватился:

– А ты разглядел, что у этого свинорылого курьера в петличках и на кокарде было?

– Что-то серебряное блестело, я не понял толком, – обходя кучи одежды, отозвался Лясик.

– В петличках – кости, на кокарде – череп вроде...

– Иди ты! – отшатнулся Лясик. – Врёшь!

– Вот как у него! – указал Кока на кольцо Барана с черепом. – Видно, мода сейчас у молодёжи...

Лясик посмотрел на руки Барана:

– Да, но не у курьеров же?.. И он был совсем не молод. Впрочем, что за курьер? Булгаковщина какая-то! Или даже гоголевщина! Достоевщина! Ревизор из Петербурга, пожалте бриться!

На что Кока, выглядывая в окно, заметил:

– А из подъезда этот грёбанный курьер так и не вышел, между прочим...

Лясик осёкся:

– Как?.. Что же, улетел? Сквозь щели просочился? Глупости!.. Ты просто не заметил. Не в подвале же он сидит, со своими лычками-петличками?

Тут Баран, переспросив, кто такая “кокадра”, просипел, что он из-за этого шершавого обезьяна в фуражке вышел из кайфа, надо бы подмолотиться. Кто ж откажется?.. Лясику пришла мысль сей божественный фимиам не занюхать, а покурить. Кока был не против, но Баран насмешливо возразил, что лучше уж тогда вообще выпить, как пьёт один его знакомец-таец – с чаем и булочкой.

Меж тем за окнами стало темнеть. Застенчивое солнце, стеснясь своего робкого света, решило уступить небосвод привычным ворчливым тучам, с утра что-то недовольно буркавшим в невидимых закоулках.

Кока, с трудом доползши до туалета, долго стоял с расстёгнутыми штанами, но всё тело ниже пояса было словно сковано, отнято, обрублено. Всё вокруг съёживалось, меркло, мерцало, мешалось. По пути к дивану, закрывая помимо воли глаза, Кока видел мелкую серебристую сеть, накинутую на бархатную мглу. Ячейки шевелились, как сперматозоиды под микроскопом.

Лясик и Баран вперились в телевизоры, где в бесконечно жёлтой пустыне рогатый, с хитоновым панцирем скарабей загребущими лапами катил свой вечный навозный шар на восток. Лясик, красный, потный, расчёсывая икры ног, стал гугниво уверять Барана, что он, Лясик, был в Нубийской пустыне в тот самый день, когда вбивали первые сваи в углы будущей пирамиды Джосера.

– Да-да! Было, помню, ветрено. Из глубин несло песком и розовым светом, и наголо бритые, как ты, жрецы молились на этот свет, а потом помогали тянуть верёвки от сваи к свае, чтобы очертить громадный треугольник... А вот не кажется ли тебе, дорогой Баран, странным тот факт, что пирамида начинается треугольником, а заканчивается точкой в пространстве?... Страбон писал...

Барану это не казалось странным, он этих срабонов в гробу видал. “А скажи лучше, нет ли у тебя чего пожрать? А то голодняк прихватил”.

Но Лясик возвращался мыслями в пустыню:

– Жрецы молятся. Строители тянут верёвки, метят линии. Скоро чёрные точки рабов начнут свой крутёж по жёлтому песку, но пока пустыня чиста, только дюны и змеи... Впрочем, змея не виновата, что уродилась змеей... Это надо же было задумать такое – строить в пустыне такие махины?! Их же надо планировать, рассчитывать? Колоть и вытёсывать камни, волочить глыбы по воде, потом по сухим пескам, а потом – по воздуху, наверно? Вот, я помню этот бугорок, он лежит там уже пять тысяч лет! Мне известно его колючее прикосновение! – Подскочив к телевизору, стал Лясик тыкать в экран, где ветер гнал колючки по песчаному океану. – Но всё это потом. А сейчас у постройщиков перерыв, завтрак – лепёшки с сыром и мёдом, вяленое мясо, верблюжье молоко. Молоко накрыто тряпкой...

Притихший было с открытым ртом Баран опять начал спрашивать, нет ли чего зажевать, а то он с утра ничего не хавал:

– Пора бы эссен²⁴ хрямкнуть! Меня от ханки на голодуха тянет! – И, получив от Лясика разрешение, отправился на кухню, принялся там чем-то греметь.

Лясик встряхнулся, потёр лицо, шею, подвигал плечами, будто очнулся от сна, указал на экраны, где подросток в тоге, с венком на голове что-то беззвучно, но гневно приказывал слугам:

– Знаешь, кто этот субъект? Римский император Гелиогабал! Шиз и паранойя! Гелиогабал всех забодал! Этот семит-гомик протянул недолго: в четырнадцать лет стал императором, в восемнадцать был растерзан толпой и кинут в Риме в Большую Клоаку. Но за четыре года многое, ох, многое успел!

– Кто? Почему? Что? – не понял Кока.

И Лясик рассказал, что сей развратный и шизанутый малолетка только и делал, что казнил, разорял, отнимал у богачей виллы и драгоценности, приносил человеческие жертвы, наводнял Рим и Сенат выходцами из своей родной Сирии, издевался над патрициями и горожанами, заставляя поклоняться каким-то святым камням или часами наблюдать, как он на арене танцует и поёт в сопровождении хора нагих певцов.

– А однажды собрал друзей и врагов на пир, угостил на славу – ну, знаешь, фаршированные страусы, язычки фламинго в пряном соусе, отбивные из верблюжьих горбов и тому подобное. Потом поиграл для гостей на арфе, после чего приказал засыпать весь пир с потолка лепестками роз. И засыпал их полностью, по макушки! Гости, вначале кричавшие от восторга, стали задыхаться от пряного запаха и погибли от удушья, а он устроил массовые гадания по их внутренностям!.. Это сколько же роз надо ошипать, доставить на крышу, ссыпать с потолка?... Вот были люди! Не то что мы, черви слепые! В мизерном дерьме роемся! Лизоблуды и словоблуды!

– Звери тоже выбирают себе вожаков, – заметил Кока.

– Ну звери-то ладно, ума не имеют, на инстинктах живут, но люди?... Да что там вожаков!.. Бога выдумали!.. И молятся ему! И просят его! И падают ниц! И быют поклоны, исповедуются и причащаются! И храмы возводят! Это ли не примитивизм мышления? – И Лясик, не

²⁴ От *Essen* – еда (нем.).

дождавшись ответа, принялся перебирать диски. – Музыку, что ли, поставить? Вот, *Santana*, в самый раз... *Abrahas*... *Black magic woman*...

Но вместо ожидаемой “Чёрной женщины” вдруг на полную мощь грянула похоронная “Аве Мария”!

– Чёрт, что такое?! – Лястик не сразу нашёл кнопку выключателя, и мелодия зловещей загробно-гробовой музыки успела проникнуть к ним в уши, уложиться в сердцах.

Он вытащил диск:

– Хм... Шуберт... Погребальной музыки нам не хватало! Кто же этого Шуберта в санта-новскую коробку сунул? Дети, что ли? Они вроде к дискам не подходят. Шуберт – чебуршной, а Шопен – шелестящий! Вот *Pink Floyd*, он всегда хорош.

– Что за Суберт? – спросил с набитым ртом Баран, входя в комнату, отчего чавки и чваки заполнили паузы, оставляемые благородными звуками гитар.

Лястик подмигнул:

– Наворачивает, молодняк! И куда ему лезет? Мне сейчас кусок в глотку даже палкой, как тому паштетному гусю, не протолкнёшь! А он хлеб с картохой рубит!

– И с буттером²⁵, – поддакнул Баран: в правой руке – полбагета (помазан маслом, сверху – холодная картошка фри), в левой – хлебный нож с остатками масла.

Лястик и Кока молча наблюдали, как детина управляется с увесистым бутербродом. Покончив с хлебом, Баран облизнул пальцы и нож.

– Чего-то калт²⁶ стало, нет? – Полез в сервант и достал три вместительные рюмки. – Типнем-ка герыч чуток под молчок! Оживимся, тыры-пыры! Таиландец знакомый пьёт – а мы что, хуже?

Лястик безвольно шевельнул рукой. Коке было трудно отвечать – что-то тяжёлое, вязкое, грубое обволакивало его. Веки наливались кипятком. Приливы и отливы плескались в черепе.

– Может, отдохнём, подождём? Попозже? – вяло возразил Лястик.

– А чего, ёптель, хуже не будет! Давай по маленькой! – Баран сыпанул в рюмки порошок и залил водой.

Лястик тупо и недовольно рассматривал рюмки.

– Дружок, почему сие зелье такое жёлтое, как писи тёти Хаси?..

– Хрен знает, – равнодушно ответил Баран, – наверно, дусманы и мохажеды опиух через цитрон²⁷-кислота пропустили. Лекарство – первый шорт. Онкель Адам у афганец-поганец прямо первый рука берёт. Ну, чтобы не последний!.. – чокнулся Баран с рюмками на столе и залпом опрокинул свою.

Лястик с опасливым интересом наблюдал за ним. Кока тоже не решался братья за витую хрустальную ножку рюмки, где угрожающе покачивалась желтоватая жидкость.

– Да чего вы дрейфите? Кайне ангст!²⁸ Я мало сыпанул, чуток...

Пробормотав: “Чем вода мутней – тем рыбка крупней... Ну, если чуток... Червячка при-топить...” – Лястик глубоко вздохнул и быстро выпил свою рюмку.

Коке ничего не оставалось, как попытаться разом проглотить раствор. “Желудок запрётся на замок”, – ещё подумал он, морщась от страшной горечи, которая радовала Барана.

²⁵ От *Butter* – сливочное масло (нем.).

²⁶ От *kalt* – холодно (нем.).

²⁷ От *Zitrone* – лимон (нем.).

²⁸ От *keine Angst* (букв.: нет страха) – не надо иметь страха (нем.).

– Что, горько? Это да. Раз горько – это гут, процент высокий... Онкель Адам не промах, плохой товар не притаранит. Вот, по штюк брот²⁹ заешьте, чтоб герыч в брюхе хорошо открылся...

И сунул им по куску багета, они покорно сжевали.

– Какой-то обездвиживающий препарат, – пробормотал Лястик, опуская голову на грудь. – Весьма конфликтально... Концептуально... Одним махом семерых побивахом... Гелиогабал таблетки глодал... Малыши, хотите беляши?..

Посидев немного с закрытыми глазами, Лястик встрепенулся, завозился, стал активно чесаться и искать сигареты. Заметив в телевизорах трёх разнокалиберных гидов, которые водят туристов по собору, возбуждённо заявил:

– Терпеть не могу экскурсий! Все мечутся, как ошпаренные кошки, а чего золотые жопки ангелов фоткать? Христос, кстати, никаких храмов себе строить не просил, а тех, кто золото жрёт и серебром запивает, бичевал...

Кока застыл на стуле, превратившись в глыбу текучего вещества, которое куда-то сползает, утаскивая постепенно ноги, туловище, грудь; голова втягивается в обруч звуков – взлаивание гитары, рокот баса и качельный ритм барабанов: туда-сюда, прилив-отлив, восход-заход, приход-уход...

И опять кто-то вопит:

– Эй! Аллюра! Что с ним? Вас ист дас?³⁰

Кока пришёл в себя от вопля Барана и увидел, что Лястик сидит на диване, закинув голову.

– Музыку слушает, не видишь? Не ломай ему кайф!

– Да какой, тудым-сюдым, мюзик, он вайс³¹ весь! – Сделав звук тише, Баран стал бить Лястика по щекам. – Эй, братан! Проснися! Очинися! Вассер³² давай! Умер на хрен, бля буду! – Он стал изо всех сил дуть в лицо Лястика, но оно серело на глазах.

Видя, как безвольно катается по валику дивана чёрная копна волос, Кока поспешил за водой, не очень понимая, в чём дело. “Умер?.. Что за глупость?.. Торчит, как всегда!..”

Баран хлестал Лястика по щекам. Безрезультатно: голова моталась туда-сюда, лицо стало сиреневатого цвета. Кока плеснул водой в лицо, но Лястик не реагировал. Баран начал искать у него на шее пульс, как это делают в кино врачи и полиция, но найти ничего не мог.

– Зеркало надо! – вспомнил Кока.

– Да на хер оно! Его встряхнуть надо. А ну! – И Баран, приподняв Лястика, начал его трясти.

Но нет – покорное бездвижное тело! Словно спит с перепоя, никак не проснётся.

– Что вы тут махали³³, пока я хавал? – взъярился Баран на Коку, массируя Лястику мочки ушей.

– Музыку слушали. Я там сидел, он – тут.

Стали опять трясти, но тщетно: Лястик недоступен, как мертвецки пьяный.

– Надо скорую вызывать! – сказал Кока минут через десять, когда стало ясно, что ничего сделать нельзя. – Ты же по-голландски кумекаешь?

– Да, могу малость. Но какой лапса им весать? Здесь со скорой вместе менты приканают стопро, а тут... – Баран обвёл рукой комнату, где был полный раскардаш. – И брики всюду!

– Какие брики?

²⁹ От *Stück Brot* – кусок хлеба (нем.).

³⁰ От *was ist das* – что это такое (нем.).

³¹ От *weiss* – белый (нем.).

³² От *Wasser* – вода (нем.).

³³ От *machen* – делать (нем.).

– Ну, эти, цены. Да, бирки. Видно, что всё покрадено...

– А что делать? Не бросать же его так? Звони в скорую! – приказал Кока, а сам начал соображать: гашиш у него в кармане, фальшивые деньги, ворованные вещи, они с Бараном в диком кайфе, языком ворочать сил нет, сушняк долбит, старые проколы на руках, мозоли на венах... И труп в придачу!

Баран не знал номера скорой:

– То ли 333, то ли 999... Хрен знает – я их зову когда?

– Попробуй 112, по всей Европе идёт...

Баран негнушным пальцем тыкал в аппарат, а Кока в страхе смотрел на Лясика – тот, казалось, безмятежно спит. Кожа отсвечивает лиловым. “Ну, всё, умер!” – понял вдруг Кока, не в силах совладать с тёмной бездной, куда поминутно проваливался сам и был выводим оттуда только криками Барана на смеси неизвестных наречий – тот пытался объяснить по телефону суть дела. На том конце провода его, очевидно, поняли. Баран довольно внятно продиктовал адрес.

Встал вопрос: что говорить ментам? Куда деть кайф? Ведь будут всё шмонать!

Баран предложил: лучше, если он, Баран, вообще уйдёт, у него проколы на руках, а Коке что? – пришёл в гости из Франции...

“Ага, в гости пришёл, из Парижа! И проколов не меньше, чем у тебя! И мозолей полно!”

И Кока возразил, что куда лучше будет, если он, Кока, собрав все факты, уйдёт, а Баран останется ждать скорую. Всё равно Кока голландский не понимает – зачем ему тут мельтешить? Тем более что Баран – свой, а Кока – чужой, иностранец. Ещё обвинят, что он отраву привёз:

– У тебя же голландская виза? Прописка? Паспорт голландский? Говорить умеешь по-ихнему? Ну вот! А я что? Без языка, чужак, откуда ни возмись. Я на флажке у Интерпола! Меня ищут!

– Да иди ты, тыры-пыры, Интрепол! – заныл Баран. – Не уходи, я боюсь! – И обернулся на недвижимого Лясика, который сидел со зловещим лицом смертельно уставшего человека.

– Чего ты боишься? – возражал по инерции Кока.

– За шкирдык возьмут, вот чего...

Но вдруг пелена спала: Коке стало стыдно уходить (хотя он и считал это самым разумным – какая разница, кто встретит скорую). Только надо спрятать факты. Зарыть под фикусом!

Кока скомандовал:

– Версия такая: мы только что пришли в гости, видим – дверь открыта, а хозяин – вот он. Мы сами ничего не знаем, только вошли – и сразу позвонили!.. Вот, поставим на стол эту дырявую бутылку с фольгой, типа он что-то курил, ему стало плохо...

И Кока, напавив тишотку и куртку, взял у Барана пакетик с героином, вытащил остатки своего гашиша, стал по-собачьи рыть сухую землю в кадке под фикусом. Его била дрожь, секундами он не понимал, что с ним, где он, что делает. Тело чесалось, рот пересох до невозможности звука. Его шатало и тошнило. Вырыв углубление, он запихнул туда факты и завалил землёй, утрамбовав поплотнее.

В комнате Баран намеревался снять с Лясика *Rolex*:

– Ур³⁴ снять! А то пропадут в этой мяука!

– Оставь! Никто их не тронет! Это не Казахстан. Оставь!

– Это... Того... Мне чего?.. У меня часов – выше крыши, вот, – задрал Баран рукав пижамы, показывая свои часы размером с блюдечко, а Кока нащупал в кармане пахучий катышок от Хасана. Надо бы его тоже спрятать...

³⁴ От *Uhr* – часы (нем.).

Озираясь, он краем глаза вдруг заметил, что Лястик будто шевельнулся. Потрогал его за руку. Рука теплая, но сам Лястик всё так же презрительно-молчалив, слеп, нем и глух. Коке стало жутко. Он отдернул руку.

И в этот момент в дверь властно зазвонили и застучали.

Баран протопал открывать.

В комнате возникли два полицейских: один светлый, голландского образца, с конским хвостом из-под фуражки, другой – чернявый и курчавый, арабского покроя (как обычно, парой, чтобы больше понимать).

Не обращая внимания на кавардак, Барана и Коку, ничего не спрашивая, они подбежали к Лястику, жестами приказали отодвинуть журнальный столик, а сами сволокли Лястика на пол. Содрав с него халат, сняв часы, чернявый стал делать искусственное дыхание, а светлый что-то прочирикал по-голландски. Что – ни Баран, ни Кока не поняли.

– Раша? О!.. – неодобрительно покачал головой светлый коп и жестами спросил, что Лястик делал: пил водку, кололся, глотал, курил? – попеременно глядя на Коку и Барана (тот на все вопросы неопределённо кивал головой). Потом нагнулся над Лястиком, рассмотрел вены – явных проколов не было, а старые пятна и мозоли не заинтересовали копа. Он разогнулся и стал что-то гневно говорить.

Баран, набычившись, тихо объяснил Коке:

– Хотут знать, что за кайф был, чтобы это... ну... как его, тудым-судым... шиворотка сделать...

– Сыворотку? Скажи ему!

– Хороши мульки – своим язык такой слова скажи! – ошетинился Баран. – Сам скажи!

Тогда Кока указал на бутылку с фольгой и полувопросительно предположил:

– Крэг? Хероин? – и жестом показал, что Лястик, возможно, курил.

Светлый коп поцокал языком и стал что-то говорить по рации.

Чернявый коп начал резко поднимать и опускать руки Лястика – никакого движения на сиреневатом лице, кроме безмятежного замкнутого счастья.

В комнате сгустилась напряжённая тишина. Слышно было только дыхание чернявого, писк рекламы в телевизорах и отчётливые щелчки стенных часов: 18:32... 18:33... 18:34...

Наконец чернявый понял, что ничего не в силах сделать. Он разогнулся и отошёл к окну, по пути отложив в сторону самурайский меч и мельком, но цепко оглядывая стены. А светлый коп, что-то буркнув сквозь зубы, старательно обходя Коку и утвердив руку на пистолете, приоткрыл дверь в соседнюю комнату, завернул туда с опаской. Не снимая руки с рукояти, неслышно проследовал в кухню. Погремел там посудой. Вернулся. Что-то пометил у себя в блокноте. Затем вынул маленький фотоаппарат и сделал снимки стен, развала вещей, самурайского меча, ящиков и баулов.

Гнетущая атмосфера душила. Коке нестерпимо хотелось пить и чесаться. Он тихо, не привлекая внимания, переместился бочком к двери, незаметно вылез на балкон и тут же стал яростно скрестись, что не укрылось от чернявого (тот внимательно осматривал стены, вещи, ящик с парфюмерией).

Баран что-то пытался объяснить полицейским, но они злобно молчали, в разговоры не вступали – казалось, они чего-то напряжённо и угрюмо ждут.

Прибыли врачи. Шустрая медсестра сразу начала разматывать какой-то провод. Седовласый врач в зелёном халате настраивал на ходу аппарат. Молодой санитар стучал в прихожей складными носилками.

Провод включили в розетку (на экранах разом вырубилась румяная дети на зелёных лужайках), стали готовить предметы, похожие на утюги.

Кока, оставаясь на балконе и продолжая остервенело чесаться, видел, как этими утюгами начали тыкать и бить Лясика в грудь, сопровождая удары отрывистыми приказами и восклицаниями. Санитар щипцами держал язык. Медсестра регулировала что-то на аппарате, а врач утюжил Лясикину грудную клетку. Но никакой реакции.

Хмурые полицейские заняли позиции у дверей. Не отрываясь, наблюдали за врачами и готовились, очевидно, арестовать Коку и Барана, если усилия лекарей окажутся тщетными.

Кока пытался смотреть на Лясика, но голова опускалась, ноги подкашивались. Сесть на пол не решался – стрёмно. Не хватает ещё в полицию загреметь!.. Да вот же она, полиция!.. Надо было уйти!.. Интерпол!..

“Да какой Интерпол, полиция! Лястик умер, ты не понимаешь?” – закричал вдруг голос, от которого Кока затряс головой и зачесался сильнее. А вместе с чесоткой приходили другие гниловатые мысли: да, умер, но он, Кока, при чём?.. Разве он заставлял Лясика нюхать и пить?.. Нет, это Лястик его пригласил и заставлял!.. А теперь что?.. И наваливалось отупелое безразличие: “Лястик умер. Я умру. Все умрём – ну и что?” – перебиваемое надеждой, что, может, Лястик не умер, а в глубочайшем кайфе?.. И придёт в себя?.. И копы никого не арестуют?..

И опять он вытягивал шею и рассматривал в просветы между людьми Лясикино распротёртое тело в трусах.

В довершение суматохи появился субъект, у которого вместо левой руки из-под рукава домашней майки торчала аккуратная культия. А, сосед Билли, любитель зверей! Увидел открытую дверь, суету, решил помочь.

Врач, безнадежно опустив руки, спросил у него:

– Вы родственник? Сосед? – и велел срочно звонить жене пациента, пусть побыстрее явится сюда, на что Билли ответил, что она работает недалеко, скоро будет, и побежал исполнять, а врач продолжил прикладывать утюги к груди Лясика, хотя остальные стояли молча, бессильно опустив руки. Копы у дверей перекидывались тихими словами. Светлый, вынудив блокнот, что-то вписывал в него.

Баран боком протиснулся на балкон, закурил.

– Сучья морда безрук! Стуканул дохтуру, что Лястик шировой. А, без разница! Капец, ничего не можут, шлюсс³⁵... Такой канючий канитель... – Баран побагровел, глаза налились кровью.

“И я наверняка не лучше выгляжу”, – подумал Кока, а вслух без особых надежд пробормотал:

– Вытащат! И не таких возвращали с того света!

И опять мысли раздваивались: одни текли в сторону Лясика, и Кока смахивал слёзы, другие трусливо удалялись в область страха: “Нет, надо было с фактами уйти – и всё! Чем я тут могу помочь? Что могли – сделали, ничего не помогло. Разве я виноват, что он освинячился?.. Неприятности могут быть большие!.. Лишние люди – лишние объяснения...”

И в этот миг от людей вокруг Лясика изошёл общий всплеск радостных звуков. А Лястик, хрипло захлебнувшись воздухом, стал дробно дышать и был тут же поднят и посажен на диван!

Он непонимающе водил глазами. Трогал волосы. Рассматривал грудь со следами утюгов. Что-то спросил по-голландски. Ему никто не ответил, зато последовал взрыв хохота. Атмосфера на глазах разряжалась. Все вдруг стали разом говорить, поздравлять друг друга, смеяться, шутить.

Полицейские, нахлобучивая фуражки и явно собираясь уходить, спросили что-то напоследок у Лясика. Тот с натугой ответил несколько фраз, что вызвало новый прилив хохота.

³⁵ От *Schluss* – конец (нем.).

– *Was hat er gesagt?*³⁶ – решился по-немецки спросить Кока у светлого копа, чтобы показать, что он ничего не боится и стоит тут на равных.

– *Er hat gesagt, dass er mit Heroin Selbstmord machen wollte*³⁷, – весело отозвался коп, добавив: интересно, сколько раз в день он так кончает с собой?

И полиция, с шутками и прибаутками, исчезла – без всяких арестов, допросов, вопросов, обысков, не заглянув в документы, не проверив вены и карманы и передоверив всё медикам: главное, что наркоман жив, а дальнейшее – не забота органов. “Видать, это у них тут обычная вещь – передоз...” – с облегчением думал Кока, осторожно приближаясь к Лясику.

Тот сидел на диване, уставившись в пол, закрывая временами глаза и всхрапывая, – тогда медсестра трясла его, не давая уйти туда, откуда его только что насильно воротили. А врач сделал Лясику укол в плечо.

– Вот и укололись! А ты говорил – шприцов нету! Герыч будет – а шприцы найдутся! Не так ли гласит народная мудрость? – с кривой ухмылкой шутил Лястик всё ещё синими губами.

Кока в порыве радости хотел обнять его, но медсестра не пустила:

– Баста! – и начала обсуждать что-то с санитаром, гремевшим носилками.

Но Лястик не желал никуда ехать и даже попросил закурить. Врач, покрутив пальцем в перчатке у седого виска, строго сказал что-то в том роде, что Лястик был в состоянии клинической смерти и его надо срочно везти в больницу на обследование.

– Это вы их вызвали, чтоб меня пытать? – недовольно спросил Лястик, трогая на груди следы от утюгов.

– Ляс, ты в своём уме? – удивился Кока. – Ты умер! Мы не ментов, мы скорую вызвали, а менты раньше врачей приехали... А ты... А ты где был?.. Там?.. – по-детски вырывалось у него.

– Да, там был! И видел трёх презренных ненасытных свиней, жрущих всякую паскудную падаль... – Лястик начал оглядываться. – Сколько времени я был вырублен?

Кока указал ему на стенные часы:

– Семь уже... Кстати, тебе курьер сказал в это время явиться куда-то...

– Вот и явился не запыхавшись! – нервно стащив со стола пачку *Marlboro*, попытался закурить Лястик, но медсестра отняла сигареты.

Санитар подтащил носилки. Начали напяливать на Лясика халат. Воротившийся сосед Билли, в ажиотаже не зная, чем помочь, тоже стал одной рукой способствовать одеванию, хотя только мешал своей суетливостью, но никто деликатно его не останавливал – наоборот, “спасибо, вы очень помогли”, – и он продолжал активно орудовать целой рукой, казавшейся вследствие своей одиночности непомерно длинной и слишком ухватистой.

Тут в квартире возникла жена Лясика, Лита, баба-бита. Встревоженно осмотревшись, она кинулась к дивану:

– В чём дело? Что с ним? Что вы с ним сделали?

– Ничего, всё в порядке. Сердце прихватило, перестраховка... – начал было Кока, но Лита, поняв, в чём дело, набросилась с кулаками на Лясика. Её оттащили. Тогда она переключилась на Барана и Коку:

– Фашисты! Садисты! Мерзавцы! Сволочи! Вы его угробили! Ему ничего нельзя – у него больное сердце!

– Лита! Хватит! Они при чём? Я пирожками отравился! Давление, рвота, обморок... – стал защищать их Лястик, но жена не унималась и начала пихать Барана зонтом, спрашивая у врача, что с Лястиком и куда его везут.

³⁶ Что он сказал? (нем.)

³⁷ Он сказал, что хотел героином покончить жизнь самоубийством (нем.).

Делать нечего, Лясик жив, надо уходить подобру-поздорову – разъярённая баба-бита страшнее полицейских.

Стали помогать Лясику встать. Краем глаза Кока заметил, как Баран в суматохе незаметным движением смахнул со стола в карман Лясикины часы. На Кокин вопросительный взгляд буркнул:

– Чтобы не стерялись, – но часы отдал Лите, которая теперь о чём-то препиралась с врачом.

Начали помогать спускаться Лясику, не пожелавшему, чтобы его несли на носилках, что было очень кстати для санитаров: в узких проёмах лестниц негде развернуться.

Лясик обнял Коку и Барана за шеи и, пока они втроём с трудом шаркали по ступеням, он то вздрёмывал на ходу, то вскидывал голову, бормоча что-то невразумительное:

– Курьер из Петербурга... Баба в валенках... Кока, хочешь коку?.. А кока хочет Коку?.. Сучьи морды, дождётесь у меня... Как бы не так!.. Хороших людей люблю, а плохих – обожаю... Скрестим ужа и ежа... Бубонный ОМОН... Томное мохито... Шутки пьяного Мишутки... Такое мурыжево... В пещеристых телах живут белочки и ласки, а в губчатых – еноты и кроты... Не будем печаловаться... Опять прыг-скок из героя – в изгой...

Рот у него высох, он едва мог дышать, и попросил воды – “снять отличный сушняк”, тут же полученную от медсестры – та вместе с одноруким соседом Билли, который в меру своих возможностей поддерживал Лясика, тащила пациента вниз.

– Чего он мелет?.. – тихо заметил Баран, которого Лясик ласково шлёпал по затылку и хвалил: “Этот верный, преданный, самый человечный черепок”. – В натуре, того, шизанулся!

Похоже. Час на том свете никому даром не даётся. Пройдёт, наверно. Притом разговоры Лясика всегда такие тягучие, плющеобразные, с заусенцами и прорехами. Мелет что попало, как обычно.

Сзади, с грохотом и проклятиями захлопнув дверь, застучала каблуками Лита, собравшая на скорую руку вещи для больницы. Она крыла последними словами Коку, Барана и всех подонков, что истязают её бедного мужа и делают её детей медленно, но верно безотцовщиной.

– Ну Литуся, ну хватит, – взмолился Лясик, когда его выводили из подъезда. – Пирожками объелся... Бывает... Последняя свежесть... Собачатина третьего сорта рубится вместе с будкой... Ты же знаешь, всё, теперь полная завязка!.. Гелиогабал сказал – Гелиогабал сделал!..

– Да, как же, завязка! На неделю! А потом – опять двадцать пять! Я попрошу врача, чтобы направил тебя на лечение!

– А тут елчение по согласию – не хóчу и не буду! – вдруг ни к селу ни к городу задиристо вступил Баран, но на него шикнули, и он умолк.

Лясика уложили на носилки, впикнули в машину. С первого этажа глазели рахитичные албанские дети, со второго – пялилась пара по-сапожному чёрных негров. Выше кривлялись в окне цыганята. Лита, чертыхаясь и матерясь по-русски и по-голландски, полезла в кузов за носилками.

Кока с Бараном поглядели вслед огонькам, послушали сирену.

Баран вспомнил о героине:

– Где отравя? Давай!

– Отравя? Я же её под фикусом зарыл, забыл?

– А на хер херачего?.. Ктой тебя смонал?..

– А если бы?..

Баран с хрустом потёр череп:

– Ничо, потом возьмём... Дома есть маненько... Если чё – звони, заходи, – и, оторвав полоску картона от сигаретной пачки, накорябал свой телефон.

Обнявшись, разошлись в разные стороны: Баран пошёл через газоны ломать кусты, Кока свернул на канал. Сунув руку в карман, к радости своей, обнаружил, что кусочек, даденный Хасаном, ещё существует – вот он, жёлтенький и пахучий!

Коку била дрожь, он спешил, спотыкался. Тошнота и тяжесть, притихшие от стресса, вновь закопошились. “Быстрее бы дойти до психов!” Ноги плелись кренделями, нестерпимо тянуло чесаться, глаза захлопывались сами собой.

Вдруг на другой стороне улицы, на автобусной остановке он заметил человека в длинном тёмном плаще и фуражке: тот сидел на скамейке и, опустив голову, ел из картонки что-то длинное, вроде лапши. Рядом лежала папка.

Кока оторопел. Потом стал спешно уходить. А курьер что-то крикнул на странном языке – будто птица каркнула, отчего Кокины ноги сами собой понеслись быстрее, а внутри ёкнуло бабушкиным голосом: “Странны дела твои, Господи!”

Во дворике у психов, по счастью, никого не было.

Кока прокрался в подвал, залёг на своём месте и вырубился.

4. Великий мастурбатор

Очнувшись в полдень от дикой жажды, Кока вылез из подвала и вдоволь напился из крана возле стены. Дворик был залит неверным северным солнцем: только выглянуло – тут же зарделось, востепенулось, исчезло.

Кока пожелал всем доброго утра и получил в ответ приветливые кивки. Лудо выводил морилкой через трафарет на туалетной дощечке силуэт инвалида (тут одними квадратами и треугольниками не обойтись). Ёп, ероша свой нимб волос, при свете дня желтовато-пегий, ковырял детской лопаточкой землю под елью.

Они обсуждали новости: в Нигере разбился при посадке самолёт, сто семьдесят погибших. Боевики из ИРА взорвали бомбу в музыкальной школе. Голландский парламент опять провалил резолюцию по Судану, где полвека идёт жестокая резня.

– Что удивительного, что в Африке самолёт разбился? Они там на машинах без тормозов ездят. Дикари! – вступил в разговор Кока.

Хоть его и шатало от вчерашнего, а мысли горбились глыбой, он, по этикету, вытащил кусочек Хасановой дури, забил косяк. Никто не отказался, да и зачем? Мудрая пословица гласит: “Утром – косяк, и день – твой свояк!” Не следует нарушать режим и выпадать из ритма, хотя всю ночь Кока провалялся в полузабытьи, временами приходя в себя, хлебая воду из банки и тут же извергая её в ведро из-под краски. Кошка, недовольно урча и сверкая глазами, каждый раз устраивалась поудобнее в ногах.

– Что, субботник? Коммунизм? – поинтересовался Кока, ощущая, как несколько затяжек начинают ласково расползаться в голове, разбегаться струйками по телу.

Лудо сдвинул набекрень фуражку.

– Ёп червей ищет, в канале рыбу ловить вздумал. Он считает, что в рыбе разбирается... А ну, скажи-ка мне, Ёп, какая самая большая рыба на свете? – подначил Лудо и после короткого спора (кит не рыба) сообщил, что самой большой считается рыба кархародон мегалодон, белая акула, до шести метров в длину и весом до двух с половиной тонн. Жрёт поголовно всё, что на пути встречается, даже киты её боятся, оплывают стороной.

В ответ Ёп, хитро блестя глазами, спросил, а знает ли Лудо, какие два самых больших млекопитающих на Земле?

Лудо знал:

– Слоны и киты.

– А кто из них больше весит? – Был вопрос на засыпку.

Лудо опять сказал своё, но оказалось совсем по-другому: один кит весит как стадо слонов. А самый большой синий кит бывает и до ста пятидесяти тонн – это как тридцать слонов друг на друга поставить. И не странно ли, что самый большой зверь, кит, питается самым малым – планктоном, в день пожирая тонну этих рачков? И откуда столько этого планктона, чтобы утолить голод всех китов?

Кока, слушая их беседу не очень внимательно, думал: надо узнать, как Лясик. Но кому позвонить? Барану? Лите, бабе-бите? Она в лучшем случае пошлёт куда подальше, в худшем – в истерике наведёт полицию, с неё станется, однажды уже пыталась. И как бы забрать то, что зарыто под фикусом? Пойти туда? Нет, Лита прибудет сковородкой, терпение у неё лопнуло, это ясно. Но Ляс выжил, а это главное. Клиническая смерть, сказал доктор. А может, сам бы очнулся попозже? Наркуши часами так валяются, а потом приходят в себя. И зря панику били... Ляс бы отсиделся под музыку – и всё! Кажется, у него после этой комы крыша поехала: какую ересь он плёл, когда его к машине волокли?! Впрочем, а когда он серьёзно говорит? Всегда балаганит и гоношится, болтает что ни попадя.

Исчерпав золотой запас знаний о китах и слонах, Ёп разошёлся:

– Японцы всех китов переели, популяции исчезают, поэтому в аквапарках берут сперму про запас, пока узкоглазые последнего кита на кроваво-сырые стойки не пустили!

Лудо поддакнул: “Смотри ты: сами маленькие, а таких махин жрут!” А Кока не поверил: какая же это возня и канитель – брать у кита сперму?! И откуда Ёп это знает?

Но Ёп знал. Он выиграл в лотерею в секс-шопе видеокассету об одном очень известном зоологе, специалисте с мировым именем по отбору и внедрению семени, – если надо, например, взять сперму у бизона в зоопарке Дели или у слона из чикагского зоосада и оплодотворить бизоницу в Копенгагене или слоницу в Саудовской Аравии, то призывают этого всемирно известного мастурбатора, причём заказы расписаны на годы вперёд, как у поп-звезды, хотя вида он страшного: косматый, лохматый, бородатый, в больших очках.

Дело трудное. Это тебе не полововялого панду лечить или гневливого ягуара кастрировать. Со слонами, например, мастурбатор работает в спецодежде, в брезентовых нарукавниках, на голове – фашистская каска с большим козырьком, которая необходима: когда гроссмейстер суёт слону в задницу руку по плечо, дабы стимулировать простату, на него валится дерьмо из слабеющего от похоти слона. Но специалист работу не прекращает, только голову нагибает, на то и профессионал. Он не признаёт электроэякуляторов, электронных стимуляторов, дистанционных вибраторов и другой техники, он должен сделать всё сам. Помощник с пластиковым рукавом и ассистентка с бидоном ждут наготове.

И слоновий отросток начинает пухнуть, бухнуть, расти! Ассистентка (обязательно женщина) начинает двумя руками двигать туда-сюда это оживающее бревно. Слон доволен, хлопает ушами, пританцовывает, косит налитым кровью глазом. Мастурбатор, по колено в дерьме, продолжает свой геройский труд.

И вот слон встаёт на дыбы и с трубным рёвом испускает жёлтое семя в пластиковый рукав, напряженный помощником. Победа! Слон мотает головой перед ведром с морковью. Мастурбатор идёт в душ. Ассистентка ласковыми глазами смотрит на бидон с добычей, заботливо укладывая его в переносную морозилку. А помощнику надо чистить клетку, мыть каску, сапоги, брезентовый плащ, нарукавники, перчатки.

Кока, открыв рот, заслушался этим эпическим рассказом. Он съел два тоста в кухне у Ёпа, отчего в желудке всколыхнулось вчерашнее зелье, и тёмная истома растеклась по телу, забираясь во все закоулки.

Лудо, подавленный такими знаниями и, очевидно, прикидывая своё норвежское будущее, спросил, как же брать сперму у кита: его же в стойло не загонишь и цепями к клетке не прикуёшь.

– Что, водолазов нанимают? Аквалангистов? Или как?

Этого не знал никто.

Вкрадчивым шагом, нетерпеливо-нервно подрагивая хвостом, откуда-то бесшумно появилась кошка Кесси и благоразумно засела под кустом, зная, очевидно, что её лишаи при свете дня выглядят малоаппетитно.

Удивившись сходству всего живого в природе, стали обсуждать дальнейшие детали, мало знакомые широкой публике, но хорошо известные мировому мастурбатору (и Ёпу): например, с варанами острова Комодо надо работать в противогазе, потому что гадина в оргазме испускает такое облако вони, что можно задохнуться; какой-то дилетант-ветеринар свернул себе шею, упав со стремянки при попытке проонанировать жирафа; двухтонный носорог во сне (и во время брачных схваток) втягивает член в себя, вовнутрь, и вытянуть его за скользкий кончик крайне трудно. И вообще, у носорога на члене есть специальные распорки – они крайне нужны, ибо носорог не только долго и с трудом взбирается на самку, но и часто засыпает на ней во время соития, и вот тут-то его особые шпоры-распорки точно входят в пазы во влагище и не дают носорогу спадать с самки во время многочасового акта с перерывами на сон и отдых.

Кошка недвижно взирала на людей, думая о чём-то своём, сокровенном. Казалось, ей известно по теме спора куда больше, чем дискуссионкам.

Ёп, любовно укладывая червя в баночку, уверенно сказал:

– Мастурбатор этот такой опытный, что смог бы, наверно, взять сперму у динозавра! Или у птеродактиля! Или у саблезубого тигра!

Хоботы, шеи, хвосты, бивни, динозавры смешались в ослабевшем, впечатлительном и нестойком Кокином сознании.

– Хватит! Тошнит!

Но Ёп с голландской настойчивостью продолжал: великому онанизатору приходится много работать. Недавно в зоопарке Осло умер от разрыва сердца одинокий пожилой дикобраз Бубили, когда мастурбатор начал с ним работать. Дикобразы, на свою беду, не могут доставать до своих гениталий, поэтому лишены благ мастурбации. Вот и этот колючий Бубили скончался во время своего первого и последнего оргазма – от обилия новых, неизвестных доселе ощущений.

Ёп вдруг заявил, что курение травы – тот же онанизм, с чем Кока был согласен: суррогат, настоящего кайфа вроде оргазма опиатов с прозреванием сути своего блаженно-блажного бытия нет.

Потом стали спорить, кто самый долгожитель на земле? Ёп думал, что крокодил, живёт сто и больше лет. Кока предположил, что это баобаб, живёт три тысячи лет, ведь тоже живое, дышит? А Лудо (в связи с Норвегией много читавший о рыбах) торжествующе сообщил, что гренландские полярные акулы, *Somniosus microcephalus*, – самые долгожители на Земле. Эти каннибалы живут до пятисот лет, половой зрелости достигают только в сто пятьдесят, а большую часть жизни проводят в поисках партнёров.

– Во дела! Пятьсот лет ищет, кого бы трахнуть! Пятьсот лет в холоде и темноте! – изумились все, представив себе эту несчастную особь, обречённо бороздящую северные пучины: сменялись поколения, страны, народы, Шекспир ещё не рождён – а она всё плавает и плавает!..

После дури Коку разморило – вчерашняя отравка проросла новыми щупальцами в теле и голове. Надо узнать, где Лясик, и сообщить ему о зарытом под фикусом сюрпризе. Интересно, что он скажет? Но нет, по телефону говорить нельзя! Не то Лясик сам выроет героин, и Коке может ничего не достаться! Вот только где Лясик? Что с ним? Надо звонить Барану.

Кока устроился удобнее на скупом кусочке солнца под стенкой и снова стал слушать, о чём говорят Лудо и Ёп.

Теперь речь от оплодотворения логическим образом перешла к сотворению мира. Ёп думал, что тут поработал Бог, а Лудо был уверен, что природа сама себя создала, на что Ёп хитро шурился, ерошил свой нимб, возражал:

– А почему у жирафа выросла шея, а у буйвола, скажем, нет?

– Жирафы к деревьям тянулись, к свежей листве, – не очень уверенно отвечал Лудо, а Ёп саркастически смеялся:

– А буйволу или антилопе, что, не нравилось бы отведать свежей листвы? Ещё как! Но шея почему-то вытянулась только у жирафа! Почему?

Действительно, почему только у него?.. Почему у слона ни с того ни с сего нос сросся с верхней губой и вытянулся до земли, а у тапира, к слову, отпал?.. Куда делись крылья у страуса?.. Кто насадил иголок в ежа и дикобраза?.. Кто вставил ящерицам и крабам глаз-перископы?.. Кто и зачем сделал кротов гермафродитами, а пингвинов – педерастами?.. Кто раздавил и сплющил камбалу и ската?.. Кому понадобилось создавать сто видов медуз или оттягивать у пеликанов метровые мешки под челюстью?.. Кем налиты краски в осьминога и хамелеона, притом что сам осьминог страдает монохроматизмом и цветов не различает? Кто создал инстинкты – для каждого жука и слона свои, разные, подходящие и необходимые только

ему и его виду?.. Или окрас шкур – откуда ферменты знают, как им надо сложиться в песочный цвет, чтобы лев не отличался от саванны?.. Или полосы у зебры?.. Пятна у ягуара?.. Для красоты в природе места нет – всё для дела, для чего-то, это уже люди со своими понятиями любят каким-то зверем или испытывают омерзение от вида гиен, мокриц или стервятников с плешивой башкой и морщинистой голой противной шеей, или умиляются оленёнку-бэмби, который для льва – только кусок живого белка, который надо задушить и сожрать...

Ёп, накопав ещё пару-тройку червяков, деликатно и заботливо уложил их в баночку, спросил:

– А кто счастливее – зверь или человек?

И сам же ответил: зверь счастливее, ибо не знает, зачем родился. Живёт как живётся, его не гложут мысли о смерти, морали, этике, философии... Зверь живёт здесь и сейчас, не ведая прошлого, не думая о будущем. Зверь проснулся, нашёл себе пищу, поел и лёг отдыхать – других забот у него нет. Нет вопросов “почему?”, “зачем?”, а только “как?”: как убить дичь, как найти сочную траву, как обрюхатить самку, как избежать клыков и когтей. Звери принимают жизнь такой, какова она есть, а не какой её придумывают себе вечно сомневающиеся люди. Это ли не счастье – принимать жизнь как данность и не пытаться её перекраивать, чем занят неутомимый хомо сапиенс, ведущий планету прямиком к смерти?

Потом заспорили, есть ли у животных душа? Лудо думал, что звери живут на инстинктах, Ёп был уверен, что душа есть у всего живого, а Кока подал голос: не у всех людей есть душа, есть такие бездушные твари и сволочи вроде Чикатило, которые делают с другими людьми такое, что никакому льву в его гривастую косматую башку не придёт!

Вечные вопросы! Ни на один из них за шесть тысячелетий не даны внятные и правдоподобные ответы, а только типа “Вселенная возникла четырнадцать с половиной миллиардов лет назад”. Откуда вам, микробной пыли на затерянном в безбрежном космосе малом шарике, известно о том, что непознаваемо? Особенно поражают эти полмиллиарда: с какого рожна горе-учёные посчитали – не четырнадцать или пятнадцать миллиардов, а именно четырнадцать с половиной?.. И что было за секунду до этого?.. И где и когда это произошло, если ещё нет ни Вселенной, ни времени, ни пространства?.. Откуда взялся материал для звёзд?.. Кто вскипятил триллионы триллионов тонн магмы для разномастных солнц?.. Как человек – ничтожная пылинка в бескрайней Вселенной – вообще может иметь хоть отдалённое понятие о космосе?.. Эта песчинка мыслит своими микро-категориями, а космос живёт по своим законам!.. Никто не знает и знать не может начал и концов!..

Кока задумчиво, как тот жираф, до которого всё поздно доходит, вспомнив детские беседы с бабушкой, решил зайти с туза:

– Это всё ерунда! Главное – как из неживого получается живое? Что заставляет живое жить, двигаться? Кто создал гены, хромосомы, геномы, годные через тысячи лет? Кто торил извилины в мозгу? Кто клеил цепи ДНК?

– А молекулы, атомы, электроны, нейроны? – поддержал Лудо. – Это надо же – для каждого спермоиспускания готовить сорок миллионов сперматозоидов, чтобы только один добежал до цели! Кит за раз три литра эякулята выпускает – это сколько же сперматозоидов? Миллиарды! Кто их штампует?!

Они посмеялись, представив себе, как Бог кропотливо готовит сперму для каждого самца. Да и сам этот Бог... Откуда он взялся?.. Из чего состоит?.. В любом случае – он щедрый хозяин.

– Неисповедимы пути твои, Господи! – вздохнул Ёп и заметил, что и с человеком не всё чисто: может, он и развился из обезьяны, но почему тогда одни обезьяны превратились в людей, а остальные остались куковать в приматах?.. И где черепа переходного периода от обезьяны к человеку?.. А то человеческих черепков навалом, обезьяньих – полно, а вот от миллионов

лет эволюции почему-то ничего не осталось, а их должны были быть тоже миллионы! И кто вообще решил оторвать обезьянам хвост, вытянуть череп, заменить когти и клыки на зубы и ногти?... Нет ответа, аллилуйя!..

А Кока опять вспомнил проклятия поэта Тициана в адрес обезьян, так опрометчиво ставших людьми. Мало того! Бабушка говорила, что за смертью Тициана последовала вторая смерть: НКВД распустил по Тбилиси слухи, что Тициана сдал органам его друг, поэт Паоло Яшвили, после чего тот, в полном охотничьем костюме, с ружьём наперевес, явился в Дом писателей, что в Сололаки, родном районе Коки, на улице Мачабели, и застрелился на трибуне.

Время от времени Кока пил горячий чай, после чего вчерашнее просыпалось с новой силой, заставляя любить всё вокруг: двор, кошку, старый пенёк, людей. И Кока сейчас был благодушно уверен, что Ёп, наконец, напишет свой роман про всё на свете, а Лудо когда-нибудь отольёт в бронзе головы именитых голландцев и станет известным скульптором.

Постепенно в нём проснулся голод: он ведь толком не ел уже пару дней. Стал представлять себе разные аппетитные блюда. Мысли метнулись домой, в Грузию, которую Лясик почти-точно называл “изящной страной красивых людей”.

– О, Тбилиси, обитель сладости! Где ещё в мире есть город, половина жителей которого с утра размышляют, куда пойти вечером: на свадьбу, именины, крестины, смотрины, мальчишник-девишник, день рождения бабушки или день смерти дедушки, а другая половина города с утра в хлопотах, чтобы достойно принять гостей? Где ещё есть такой город? Такие великие хинкали? Венценосные хачапури? Где царское блюдо чахохбили из того первого фазана, что был убит Вахтангом Горгасали? Где ещё свадьбы так веселы, а похороны так торжественны и достойно-печальны? – вопрошал Лясик, и Коке нравилось, что Лясик хвалит его город.

“О да, чахохбили!.. Хинкали!.. Харчо!.. Хаши!.. Хашлама!.. Солянка острая!.. Чакапули!.. Сациви!.. Мцвади!.. Лобио с орехами!.. Чихиртма!.. Чанахи!.. Кучмачи с гранатом!.. Сом под уксусом!.. Бурваки!.. Мцхетские пирожки!..” – У Коки, несмотря на сушняк, потекли слюнки. Да, самое лучшее на свете – проснуться утром на каникулах: из кухни тянет кинзой и реганом, бабушка готовит аджапсандак из первых баклажанов, а со двора уже слышны крики детей, гулкие звоны мяча и цоканье пинг-понгового шарика. И весь этот день – твой! И солнце будет всегда! И жизнь впереди!.. Эх!..

Кока помнил всем телом и душой то ощущение безмятежного блаженства и покоя, какое накатывало на него только в детстве, в разные минуты: утром по дороге в школу, когда слабое, но ясное солнце расчерчивало на асфальте узоры, и Кока прыгал через них; или во дворе среди детей; или дома, возле зелёной лампы. В эти мгновения он, казалось, прозревал что-то важное, неуловимое, какое-то дуновение правильной жизни, когда ты делаешь то, что надо, отчего весь мир добр к тебе. И ты добр и ласков ко всем – от соседей до дворняжки Муры. И тянет тереться о людей, как кот Шошот, и преданно смотреть на них, как смотрит Мура, виляя хвостом и всем видом показывая, что не отказалась бы от хлеба с колбасой, уплетаемого детьми, которые часто сами вскладчину покупали горячий лаваш, утаскивали из домашних холодильников сыр, колбасу или варенье и с удовольствием уплетали всё это в укромном уголке двора, за деревьями, где были плохо видны родителям, запрещавшим им есть что попало. Но это-то и было самым вкусным! Тут с земли, инжир с дерева, бати-бути³⁸ из уродливого и порядком грязного хурджина разносчика Мито, лет двадцать носившего по Сололаки бати-бути, тыквенные солёные семечки и всякую другую вкусную разность...

Постепенно Кока пришёл к мысли выйти в город поесть и заодно заглянуть на главпочтамт возле дворца королевы Беатрикс – нет ли денег от матери, она обещала выслать с зарплаты. Там же рядом кебабная Фати. Но денег – кот заплакал, да ещё франками, которые тут не

³⁸ Шарики из попкорна, склеенные сиропом.

берут. И несколько фальшивых стогульденовых купюр. Их надо как-нибудь разменять, чтобы поесть и купить еды для Ёпа и Лудо. Но как их менять?.. Страшно – а ну заловят?.. Тут и Интерпол, и фальшивомонетничество... Срок... Тюрьма... Камера... Типы в паутине...

Кока трусил. Он вообще не отличался большой смелостью и часто в детстве подолгу кого-нибудь боялся: бабушкину чернобурку с выпуклыми глазами (хоть и знал, что лиса мертва), злого соседа с костяной ногой, строгого завуча в чёрном костюме, наглого районного морфиниста Гнома, снявшего с Коки джинсовую куртку, шайку курдов, постоянно отбиравших мелочь, дерзкого соседского подворовка Джемала – тот за что-то прицепился к Коке, плюнул на свои пальцы и ткнул этими пальцами Коку в лоб, а Кока, вместо того чтобы обрушить на него бутылку или урну, смолчал, и так, оплётанный, остался стоять, а потом долго обдумывал план мести, но так ничего путного и не придумал, тем более что Джемал, в добродушно-благодарном состоянии встретив Коку, обнял его и даже попросил прощения, достав “братскую” мастырку, отчего все планы мести улетучились из Кокиной головы. Мастырку они выкурили, а потом при встречах грели друг друга, чем могли: дурью, таблетками, сонниками³⁹.

Но делать нечего, надо идти. Акула, если остановится, тут же пойдёт ко дну – а он далеко не акула и давно уже на дне.

Натянув куртку, сообщил, что идёт чего-нибудь купить поесть, на что Лудо одобрительно кивнул, а Ёп из-под дерева вежливо возразил:

– Зачем? Я уже почти накопал червей, наловлю рыбу, сварим уху...

“Ага, когда рак на горе свистнет, ты её наловишь!” – хотел сказать Кока, но не стал. Проверил, на месте ли купюры, и отправился со двора, с холодком в груди представляя себе, как будет менять фальшаки и чем это может закончиться. Слово “тюрьма” тревожило и теребило душу, освещая её тусклым опасным мертвенным светом.

³⁹ Слотворное.

5. Нежданно-негаданно

Около получаса Кока бодрым шагом двигался по каналу, на ходу опасливо оглядывая витрины в поисках какого-нибудь захудалого ларька (где нет машинки для проверки денег). Наконец наткнулся на лавочку с водой и мороженым. Надо рискнуть.

Кока покомкал в кармане купюры, дабы они имели вид б/у, и храбро устремился внутрь. По стенам – обычный набор: соки, воды, шоколадки, сувениры, чашки с синими мельницами, брелоки с миниатюрными сабо. За прилавком – высокая голландочка с бритой головой и здоровенной золотой серьгой что-то отмечала в бумагах.

Кока взял бутылку воды и невзрачный бутерброд в пластике, порылся для вида в карманах, протянул купюру, присовокупив по-немецки:

– Простите, меньше нету! О, какая красивая у вас серьга! – вспомнил он поучения Лясика: отвлекать продавцов в момент подачи фальшака. – Знаете, почему пираты носили в ухе золотую серьгу?

– Нет, не знаю. – Голландка улыбнулась ему и, не глядя сунув деньги в железную корбочку, начала отсчитывать сдачу.

– Чтобы его на эту серьгу похоронить, если его убьют! – заключил Кока и, увидев недоумение на лице продавщицы, добавил: – Шутка!

– Вот оно что! – Она протянула ему девяносто гульденов с мелочью, с некоторой опаской поглядывая на черноволосого, небритого, странноватого парня.

Кока еле сдерживал себя, чтобы не схватить деньги и не сбежать. Медленно взял сдачу, небрежно сунул в карман, с улыбкой пятясь и благодаря, выбрался из лавки, а на улице припустил полным ходом, ощущая себя агентом 007 после удачной операции.

Бутерброд и несколько глотков воды так раззадорили его, что он перебежал через канал и беспечно сунулся в марокканский магазинчик, где выбрал три яблока и без страха отдал фальшак.

Не тут-то было! Арабообразный продавец подозрительно похрустел бумажкой, взглянул на просвет, постучал себя пальцем по виску, смял и кинул купюру на пол, грубо вырвал у Коки кулёк с яблоками, а его самого сильно пихнул в сторону двери.

⁰⁴! اباعد ، أنت مجنون ، إنه نقود مزيفة!

И Кока затрусил прочь, радуясь, что обошлось без тумачков.

За углом он оклемался, двинулся к главпочтамту, но по пути ему встретился греческий ресторан, где блюда вживе были выставлены напоказ: тут и жареные баклажаны, и всякие котлетки типа кюфты, салаты с сыром и оливками, креветки, жаренные рёбрышки, куски рыбы в томатном соусе, барашек с черносливом.

Кока, сглотнув слюну, рассудил, что лучше сперва перекусить, а почтамт не убежит – он тут, за углом, открыт до шести. Но как отсюда тащить все эти баклажаны и салаты для психов?.. Нет, лучше в “Фати-кебаб” взять хавку с собой.

Хозяин Фати стоял за стойкой у конуса с мясом; конус медленно вращался, и Фати длинным ножом срезал с него душистые аппетитные мясные стружки. Он кивнул Коке и повёл зажатым в руке ножом, сказав на ломаном немецком:

– Садись, где хорошо. Что пить?

– Пиво и стопку анисовой.

– О’кей, будет.

После анисовой Коку разморило вконец. Он блаженно улыбался, думая о девяноста гульденах и о том, что можно выкроить полтинник на поход в квартал красных фонарей. Там, если

⁴⁰ Убирайся, дурак, это фальшивые деньги! (араб.)

хорошо поискать, можно и за тридцатник найти девку, особенно среди тайландочек, которых Кока очень жаловал. Впрочем, женщины не были у него в приоритете, он прекрасно научился обходиться без них. Когда нет наркоты – ищешь её, не до баб. А когда нашёл – опять не до баб, ибо ничего уже больше не надо, наркота заменяет всё. Нет, он отнюдь не бабораб, как многие вагинострадалицы, день и ночь болтающие о сексе и трахе...

За столиком напротив молодой чернявый парень поедал кебаб. Лицом напомнил Коке одного тбилисского типа по кличке Кошка. Этот Кошка то ли сам пускал план, то ли был где-то близко от пускателей, от “дырки”. Каждое утро под его окнами собирались жаждущие. Ждали, переговаривались: “Кошка пока спит, его нельзя будить, рассердится... Кошка душ принимает... Сейчас завтракает... Печенье с мёдом кушает, нельзя беспокоить... Говорит с матерью у окна... Атас!.. Выходит!” Кошка выплывал величаво, как император, царским жестом просил принести молоко для кошки или свежий шотис-пури⁴¹ для матери. “Конечно, принесём! И масло с гуда-сыром добавим, лишь бы ты, Кошка, взял нам хороший жирный сильный план, вот деньги, пятьсот рублей, пять пакетов!” Кошка брал деньги, снисходительно бросал: “Ладно, посмотрим, если осталось!” – и уезжал на такси в неизвестном направлении; через час-другой с триумфом возвращался, раздавал пакеты, жаждущие тут же разбегались по хатам – курить, а Кошка отправлялся в дворовую беседку играть в нарды с соседями...

Вдруг в кебабную шумно, двери нараспашку, вошли двое. Один – коренастый, очень широкий, в дублёнке до пят, с кульком в руке. Лоб скошен. Сильная нижняя челюсть. Рот похож на закрытый замок. Надо лбом торчит вихор. Другой – высокий, в очках тонкой золотой оправы, в элегантном плаще.

Лица показались знакомыми. Господи! Да это же бандит и грабитель Сатана, отнявший пару лет назад у Коки паспорт в аэропорту, из-за чего Коку сейчас ищет Интерпол! А второй – Нугзар Ахметели, вор в законе по кличке Кибо! Их не хватало!.. Что им тут надо?.. Говорили, Сатана долго сидел на зоне где-то в Сибири, а Нугзар снял с себя воровскую корону... Откуда они? А, наверняка с главпочтамта!..

Сатана уже шлёпал к его столу.

– Ва, кого я вижу! Как тебя... Масхара⁴², что ли? Давно не виделись! Вот так номэр, чтоб я помэр! – добавил по-русски.

– Мазало. Я Кока, – опешил Кока.

– Да, конечно, Мазало! Как я мог забыть! Лац-луц – и Кока! – Сатана со стуком кинул на стол свёрток, со скрипом и скрежетом уселся напротив. – Помню. Ты ништяк меня тогда паспортом подогрел. Прикинь, Кибо, он мне свой паспорт для побега дал! Ма-ла-дэц на овэц! – опять по-русски продекламировал Сатана и хотел потрепать Коку по щеке, но тот отклонился. – Свой парень, ораера!

Нугзар осклабился, молча кивнул, сел.

– А ты по какому паспорт приехал? – рискнул спросить Кока. – А то мне сказали, что меня, то есть тебя... нас, короче, Интерпол ищет...

Сатана ухмыльнулся, стал крутить клок волос:

– Да на хер мы Интерполу сдались! Не дрейфь! Твою стрёмную палёную ксиву я давно выкинул... Да ты, в натуре, не бойся, бабульки у нас есть! – Он положил руку на сверток. – Вот. Баксы. Менять надо. Лац-луц – и гульдены!

– А чего мне бояться? – невольно вырвалось у Коки.

– Ну, что мы тебе на шею сядем, – ласково клацнул Сатана зубами. – Ты где живёшь? Здесь?

⁴¹ Грузинский хлеб особой формы.

⁴² Шут, паяц (*груз.*).

– Нет, в Париже.

Сатана ухмыльнулся:

– Смотри на него! В Париже! А в Тбилиси где обитаешь? В Сололаки? Знаем такой убан⁴³.
Михо Большой его держит. Слышал?

Кока обрадовался:

– Конечно, хорошо знаю его! Он старше меня. Через улицу живёт. С корешами постоянно во дворе в карты режется...

Фати принёс меню. Нугзар, не открывая его, мельком взглянул на Коку:

– Что посоветуешь? Что-нибудь на наше похожее у них имеется? А то Сатана соскучился по острому и горячему.

Говорил Нугзар негромко, но веско.

Кока кивнул:

– Вроде острой солянки есть, гуляш-суп турецкий.

– Это хорошо. Пусть побольше перца и соли положит. Но гульденов нет, одни доллары. Он возьмёт? – посмотрел Нугзар на Фати.

Кока перевёл вопрос с грузинского на немецкий. Фати из-за стойки ответил:

– Да, давай. Я Турция собирался. Не фальшив?

– Чего?.. Фальшь?.. Мы что, на таких похожи, а?.. – уловил слово Сатана, нагло глядя на кебабщика выпуклыми глазами, передёргиваясь и двигая плечами. – Ты скажи этому чучмеку, чтоб на голову не садился, не то лац-луц, синг-синг – и опере! – добавил загадочную фразу.

– Он просто так, – защитил кебабщика Кока. – Много фальшаков ходит. Что заказывать?

– Ударим по кишке? Пусть принесёт сыр, закусь, какая есть, а потом солянку, да поострее. Да, и вина, бутылок пять, – перечислил Сатана и уставился на Коку бычьими глазами. – Может, ты анаши хочешь? У нас есть. – И не обращая внимания на людей, выложил на скатерть чёрный смолистый кусок. – Кури. Афганская дурь.

У Коки хватило ума отщипнуть малый кусочек.

– Спасибо. Потом вместе покурим.

И Сатана выпучил глаза, пряча кусок.

– О, вы сололакские такие вежливые! Спасибо!.. Вместе!.. Опере!..

Фати принёс поднос с закусками, открыл бутылки (столько вина у него за месяц не заказывали). Сатана, засучив рукава, велел Коке спросить у халдея, нет ли у них сала с чесноком, он в сибирской зоне привык, но Кока ответил:

– Вряд ли. Это турки. Мусульмане. У них даже кебаб из курицы.

Нугзар, поглядывая вокруг, вдруг произнёс с расстановкой:

– Я вспомнил, откуда я тебя знаю. Мы как-то под Новый год у Джимы Магуларии встретились. Тогда, помню, набилось в хату человек двадцать, все в ломке, ждали ширку, кто-то поехал за ней на Красный мост...

– Да, привезли ровно в двенадцать, часы как раз били, – рискнул вставить Кока. – Ещё девка какая-то от кайфа чуть не умерла, откачивали...

Нугзар кивнул, поднял бокал:

– Да, Марика. Она так и умерла потом от передоза... Царство ей небесное! И Джима... Как глупо погиб! Тринадцать лет отсидел, и ничего, а тут пьяная свара в ресторане – и всё, конец!.. – Нугзар перекрестился. – Своего будущего человек не может угадать! Дышит, надеется – а на другой день вдруг такое!

Сатана, уминая ложкой хлеб, накрошенный в суп, кивнул рогатой лопухой головой.

⁴³ Район (груз.).

– Точно! На тюрьме говорили, что Джима в ресторане по пьяни ради приколюхи шмальнул в потолок, а там молодняк с бабами гулял – с испугу всю обойму в Джиму и выпустили. Светлая память Джиме! И Гиви, что по три раза в день брился! Бату Махарадзе! Шермадину-бородачу! Пока я сидел, много людей померло. Пусть земля им будет пухом!

– А небо – землёй! – добавил странную фразу Нугзар.

Выпили. Сатана, расправляясь с салатом, спросил с набитым ртом:

– А за что Джима тринадцать лет отмотал? Он, кажется, два раза сидел?

Выяснилось, что как-то раз Джима с ребятами поехали к татарам в Марнеули за опиухой. Ширнулись на месте будь здоров, а на обратном пути, увидев стадо баранов, остановили машину и пошли ловить шашлык. Поймали барана, начали его зачем-то тут же резать, но показали пастухи с ружьями. Они, ошавев, взвалили недорезанного барана на плечи и побежали, но их поймали – и всё: суд, грабёж народного имущества, сговор, группа, в итоге четыре года.

– Ничего себе! – усмехнулся Сатана. – За барана – четыре года! А ещё девять?

Нугзар спрятал улыбку.

– А второй раз похуже... Джима уехал в Дагомыс и отдал ключи от своей хаты одному кенту, а тот привёл на хату какого-то клиента, опоил его сонниками, запихнул в большой чемодан, закрыл на замок и ушёл. Денег, что ли, от семьи требовал, или долг у того был, или что-то в этом роде. В тот же вечер менты случайно повязали этого кента за драку в хинкальной, а клиент так и умер в чемодане. Джиме, как хозяину хаты, дали девять лет за пособничество, хотя он, когда приехал и обнаружил чемодан с трупом, сам всё рассказал ментам...

– Я бы просто выкинул чемодан в Куру – и концы в воду. Чего в ментовку идти? – вставил Сатана. – Этого не хватает – в ментовку на своего кента стучать! Это разве по понятиям? Нет! Западла с ментами одним воздухам дышат!

Нугзар пил по полстакана, ел мало и очень разборчиво: к мясу с чесночной подливкой не притронулся, из салата к себе на тарелку выбрал морковь и свёклу, съел пару аккуратных бутербродов с сыром, три маслины, половинку печёного баклажана, после чего долго утирался салфеткой и ходил мыть руки, пока Сатана добивал еду и допивал из всех бокалов.

Так просидели у Фати около часа. Выпили несколько бутылок вина за обычными разговорами – кто где жил в Тбилиси и кто кого знает. Выяснилось, что Нугзар обосновался в Голландии, в пригороде Амстердама. Сатана после долгой отсидки теперь отдыхает. Он вспомнил кое-кого из общих тбилисских знакомых. Поинтересовался, знает ли Кока, как поживает Арчил Тугуши. Рыжик? Как не знать! Рыжик Арчил сейчас цех открыл, бабки зашибает. Это почему-то обрадовало Сатану.

– О! Тебя нам господь послал! Вы же с Рыжиком кенты?

– Можно сказать, – неопределённо ответил Кока, не понимая, куда тот клонит и при чём тут господь и Арчил Рыжик.

– Очень хорошо! А где вообще тут, в Амстердаме, куткуются грузины?

Кока этого не ведал.

Сатана настаивал:

– Ну, где они шарятся? Где у них стрелки?

– Не знаю. Тут вообще мало кто куткуется и по стрелкам бегаёт. Зачем? Кому надо – идёт и берёт. Да и мало кто ширяется – всё больше нюхают или курят. Даже пить начали, с водой или вином.

Сатана удивился:

– Иди ты! Пить? Ширку? А, молодняк!.. Вены жалеет... Они хлипкие все тут. Я не такой был. Я всякое любил. И куда только за кайфом не ездил! Где только не брал! Ребята скидывались, а я летал, притаранивал. Раз из Минводы летом вылетаю, в чемодане кияга анаши, ребята из Нартана помогли взять дёшево. Стою, а регистрации всё нет и нет! А мне от чемодана

надо избавиться, сдать его побыстрее, цветных полный зал, так и шныряют, суки погонные! И столько их, будто война идёт!

И Сатана, заглатывая мясо, продолжал. Вот объявляют его рейс, но в другой секции. Люди толпой поплёрли искать, он – за ними. И загоняют всех в какую-то боковую дверь, в малый зал. Набилося человек сто, как на тюремной пересылке: все с багажом, с детьми. Крики, плач, жара, бардак, никто не знает, в чём дело. Дурь в чемодане нагревается, пахнуть начинает... Наконец баба в форме за стойку села, мент с пищалкой у железки встал. Начали пропускать. И вдруг Сатана видит – весь багаж через телевизор пускают!.. Он-то надеялся чемодан сдать, а тут такое!.. В чём дело? А самолёт заменили, с собой багаж брать надо, вот и проверяют... Кипятком ошпарило – как чемодан с килягой анаши на ленту ставить?.. Увидят же!.. На поезде поеду!.. Рванул назад, через толпу. А у дверей менты никого из зала не выпускают, даже тех, кто воздухом подышать хочет. Билет проверили и завернули назад – иди, мол, вон твоя ебучая регистрация идёт! Всё! Ни вытащить, ни выкинуть, людей вокруг полно, даже урны нет, чтоб сунуть. Мышеловка... Ты бы что сделал, Кибо?

Нугзар пожал плечами:

– Трудно сказать. Ты говорил, там бардак, много людей. Можно было тихо вытащить факт и бросить его где-нибудь в уголке. Главное – в панику не впасть. Пока псы-архангелы тебя не приняли – есть шансы.

Сатана поднял здоровенный большой палец:

– Вот! Правильно! Без паники! Но кило шмали! Жаль бросать! Но и червонец чалиться неохота! Не хочется опять за колючку!

И дорассказал. Он стал ливер держать, наблюдать незаметно. В это время в другой половине зала люди появились, рейс какой-то прибыл, новый шум, гам. Мент и баба стали чаще по сторонам смотреть. Отвлечь вас, гнид, надо, когда чемодан пойдёт через телевизор, но как? У него был перочинный нож, колбасу резать. Он его вытащил и, когда чемодан пошёл по ленте к телевизору, незаметно резанул себя по руке, во весь голос закричав: “Помогите! Кровь! Умираю!” Все всполошились! Кровь на пол капает! Баба кричит менту: “Отведи пассажира в сторону!” – а его чемодан уже с другой стороны телевизора выплывает! Руку мент перевязал платком, Сатана подарил ему спасительный нож и спокойно долетел до Тбилиси.

Кока размяк от вина и уже без особой опаски вставлял мелкие реплики, даже рискнул между делом спросить, по какому паспорту Сатана приехал, но тот приложил палец к губам:

– Тс-с... По хорошему паспорту, по самому ништяковому, орера... А путёвая ширка тут есть? Я хотел одного барыгу кинуть – да Нугзар не позволил, говорит, здесь не принято. Упёрся, как трамвай в депо, – нет и нет. Лекарство надо хорошее, а то я утром здешним шваркнулся – мало понта. И прихода нет.

Нугзар недовольно воззрился на него:

– И куда тебе сейчас лекарство? Поел гору и выпил море! – Но Сатана заупрямился, сказав, что подмолотиться не мешает, и если Кибо не хочет, то пусть сидит тут и смотрит на турка с длинным ножом, а он с Кокой пойдёт к барыгам и своё сделает.

– Лучше быть богатым и живым, чем бедным и мёртвым! Пошли, Масхара!.. Тьфу, Мазало!.. Чаи пит не будэш – где сили возмиош?

Пришлось допивать вино, идти к площадке за собором, где вечерами шла торговля. Это место в городе знали все, и Кока был уверен, что полиция за этой точкой тайно наблюдает или, чего доброго, снимает скрытой камерой – героин и кокаин в Голландии запрещены.

– Вон они! – Указал на тени у турникета возле собора.

Сатана покопался в свёртке, вытащил несколько купюр, потом, отдав свёрток Нугзару, распахнув дублёнку и поправив за поясом пистолет, в одиночку зашагал к теням.

– Пойти с ним? Он знает какой-нибудь язык? – спросил Кока.

Нугзар усмехнулся:

– Он такой язык знает, какой барыги всего мира отлично понимают! – И, медленно сжав кулак, молча погрозил им в воздухе.

Тени всколыхнулись, обступили Сатану, стали что-то вытаскивать из карманов, светить фонариком в ладони. Сели на корточки, что-то обсуждая. Вот ударили по рукам. Сатана вернулся с горошинами жёлтого цвета.

– Вот, говорят “гут хероин”. Десять грамм. Где поправляться будем?

– Не знаю. Я этим не занимаюсь и тебе не советую. Вывернет наизнанку, – досадливо ответил Нугзар.

Кока встрепнулся:

– Зачем ширять? Можно занюхать.

– Что? Лекарство? Занюхать? Ты чего? – от души обиделся Сатана.

Нугзар заметил:

– Кокаин же нюхают! Не всё ли равно, как эту дурь в себя вогнать? Хоть через задницу...

– Это ты кому советуешь через задницу? Мне? – замер Сатана.

Нугзар усмехнулся:

– Вообще говорю. Главное, чтоб в тебя попало, а как – не важно.

– Что-то, Кибо, я твоих речей не понимаю, не врубаюсь в твой базар! – начал накаляться Сатана.

Кока, чтобы разрядить обстановку, решил вставить:

– Можно нюхать. Ничего, кайф даёт. Можно даже пить...

Сатана крутанул клок волос:

– Давай. Раз-раз, лац-луц – и готово!

Нугзар ушёл в ближайшее кафе, а Сатана и Кока пристроились на приступочке дома и, не обращая внимания на толпу, вложили шарик в фальшивую купюру, камнем растолкли горошину.

После мощной затяжки Сатаны порошка осталось совсем мало, но и этого хватило Коке, чтоб погрузиться в негу. Он с трудом расслышал приказ Сатаны сидеть и ждать, пока тот не оттрахает какую-нибудь шлюху из витрины.

– А потом ты мне нужен – по магазинам пройтись. Лац-луц, орера! Сиди тихо! Потом ещё подмолотимся! Баба с возу – тэлэгэ лэгчэ, – щегольнул он очередной русской фразой, тоже, очевидно, выученной на зоне.

После затяжки ни рёбра ступеней, ни холодный камень не мешали Коке сидеть на лестнице, как на мягком троне. Мысли его тихо съехали на Тбилиси.

Да, раньше, при Василии Павловиче Мжаванадзе⁴⁴, в городе царила тишь да благодать. Начиная с апреля Кока ходил в школу в одной рубашке, а куртку надевал только в ноябре. Утром по полу квартиры бегали солнечные блики, пахло душистой мастикой и цветами, несло прохладой из коридоров, полных книг и картин. И мацонщик уже стучал банками на лестнице, и его сталинские усы поднимались в улыбке, когда он целовал Кокин кулачок с зажатыми монетками за две банки снежного мацони: “Диди бичи гаизарде!”⁴⁵

Пару раз в год случались убийства, и весь город обсуждал их, причём обстоятельства дел бывали известны горожанам куда лучше, чем прокуратуре. Ношение ножа было серьёзным преступлением, а о пистолетах никто и не помышлял, – вот знали, что у хромого Отара есть пистолет, хранимый в сундуке вместе с двумя потрёпанными порножурналами, их Отар давал смотреть за пачку иностранных сигарет. И все ходили к толстому мальчику Изе Бредису (отец

⁴⁴ Первый секретарь ЦК КП Грузии в 1950–1970-е годы.

⁴⁵ Расти большой! (груз.)

его работал в торговле) и покупали у него за рубль “Кент” и “Филип Моррис”, чтобы отнести Отару за просмотр журналов, и каждые два месяца толстый мальчик Изя Бредис с тревожным видом выходил на лестничную площадку и, кося близорукими глазами в сторону, сообщал, что теперь пачка будет стоить не рубль, а рубль двадцать...

Худшее, что могло случиться, – мелкие уличные потасовки, стычки с другой школой, лёгкие свары возле кино или хинкальных. Наркоманов в районе было по пальцам посчитать, и все они укромно сидели по домам за нардами, благо морфий им привозили на скорой помощи, как больным, – надо только подмазать районного врача и получить справку, что ты стал морфинистом не по своей вине, а попал в аварию, или у тебя рак, или туберкулёз позвоночника, боли. Ампулы можно было прикупать у медсестёр скорой.

Наркотики возникли в Тбилиси сразу после указа Шеварднадзе от 1974 года “Об усилении борьбы с наркоманией” – из этого указа все вдруг узнали, что заниматься наркотой очень выгодно! Цены подскочили, ибо возросла опасность загреметь на большой срок. И чем больше по ТВ и новостям шло информации (а среди людей – сплетен и слухов), тем стремительнее всё разрасталось. По своим домашним аптечкам стали рыться и шарить даже люди, далёкие от этих игр. Один из знакомых студентов ездил в Рачу⁴⁶ к дяде-ветеринару и привозил оттуда списанные двадцатикубовые ампулы пятипроцентного конского морфина, одна валила с ног двадцать человек...

– Эй, жив, партнёр? – услышал Кока.

Это подошёл Нугзар.

– Музыку слушаешь? – Рядом в кафе громко играл джаз.

– Да, приятно, – с трудом приоткрывая веки, ответил Кока, подтягиваясь, как в школе, когда входит учитель.

– Ну-ну... Сатаны нет? Я ещё погуляю! – И Нугзар удалился.

А Кока опять провалился в Тбилиси. И музыки в районе было много: в одно окно лился Бах, с другого балкона звучала скрипка, справа заводили народные песни, а мама Коки до развода часто играла Шуберта и Листа. Всё это мешалось с криками детей, стуком мяча, громкими разговорами, пением и сигналами машин. Наверно, это и было счастьем: жарким летним вечером лежать на тахте, когда открыты все двери и окна, благодатный ветерок гуляет по квартире, снаружи слышатся голоса, звуки нард, возгласы детей, скрип велосипедных шин, гулкие удары мяча. А ты уже набегался, ужин готов, а по телевизору покажут “Кабачок 12 стульев”, со стройными пани и весёлыми панами. И бабушка опять начнёт гадать: настоящие это поляки или только притворяются. Трепет птичьих крыльев, крики разносчиков, тепло, запахи лаваша... Вокруг всё хорошо, а впереди – вся жизнь. Больше ничего и не нужно на свете...

– Эй, Мазало, проснись! – Это Сатана стоит над головой. Нугзар маячит за его спиной. – Вставай! Пошли по магазинам! Корешам подарков купить. Вот пара штук гульденов, разменял. Ты же по-ихнему балакаешь?

Кока зашевелился, вставая со ступеньки.

– А... Я... Нугзар же знает голландский? Я лучше пойду... – попытался он отвязаться от этой истории, но Сатана строго обронил:

– Нугзар не любит с халдеями базарить, запахло ему.

И Кока сник, чувствуя, как из Сатаны струится зловещая осязаемая сила, обволакивает и парализует, заставляя подчиняться и не прекословить. “А, что с меня взять?! Мне нечего бояться! У меня ничего нет!” – думал он, шагая за Сатаной, – тот мощной лапой пробивал проход в людском скопище.

Время шло к пяти. Народу на улицах прибавилось. Многоликая толчея: туристы цепочкой, арабы по делам, бесконечные велосипедисты, пугающе вылетающие из-за спины. Какие-

⁴⁶ Провинция в Грузии.

то типы в пёстрых одеждах, парочки в обнимку, клерки в костюмах, безумные нищие. Обкуранные до остолбенения типы. Из витрин пелятся девки в бикини и чулках по ляжки. И всюду вьётся дымок марихуаны, хотя Кока её не жалуется.

6. Демократия!

По дороге решали, куда идти – выбрать костюмы, обувь, сувениры?

– Ты води нас в дорогие магазины, – говорил Сатана, расстегнув дублёнку и осоловело поводя массивной головой. – Чтобы ништяк вещи, а туфтовых нам не надо. Это чего? Китайский магазин? Не надо! Мы вчера в китайском ресторане обедали. Синг-синг, опера! Негодное хрючево! Суп из шести залуп!

Нугзар шевельнул уголком рта:

– Он там всех с ума свёл. Заказал пять порций супа, слил их в большую плошку для мытья рук, накрошил туда рис и съел. А потом утку целиком навернул. А их дурацкую водку – саке – выпил прямо из горлышка, целую бутылку, не отрываясь – все повара вышли из кухни смотреть!

– Ну и что? Их пять порций – что наша одна. Тоже мне, китайцы! Это же недоноски косоглазые, а не люди! – отмахнулся Сатана. – А в утке мяса вообще не было, одни кости. Этай уткэ мат эбал! – залихватски добавил по-русски. – И ещё эта херня безвкусная, бледные палочки... Да, спаржа!.. Как можно её хавать?.. У нас в камере её бы в очко спустили, а эти – нет, шамают, опера!..

В магазине он стал брать всё подряд. У кассы собралась внушительная горка вещей. Продавцы с одобрением и любопытством следили за ним.

– Что делать – три брата у меня, всем подарки нужны, – объяснял Сатана. – Потом отцу, друзьям, себе. Большой закупон!

Отправились в «Саламандер» за обувью. Их приход нарушил обычную тишину магазина. Начались примерки, Сатана никак не мог натянуть новые ботинки на свои опухшие ноги и купил оптом четыре пары чёрных туфель сорок четвёртого размера в надежде, что кому-нибудь подойдут.

По ходу дела крал мелкие предметы вроде ручек, счётных машинок и безделушек, терял свои вещи – в трикотажном отделе забыл пакет, а в туалете кафе умудрился оставить бумажник, но вовремя обнаружил пропажу и ворвался в кабинку, испугав насмерть старичка, зашедшего туда по своим простым, но долгим простатным делам.

Коробок и пакетов собралось столько, что решено было отвезти их на такси в гостиницу, а заодно взять напрокат машину. Спрашивать, зачем им машина, Кока посчитал излишним, и вообще хотел уйти, но Сатана не отпускал:

– Стой! Куда? С нами пойдёшь!

Кока попытался отговориться тем, что его ждут, но Сатана отмахнулся, как от мухи:

– Ерунда! Кто там тебя ждёт? Мы что, каждый день встречаемся? Вместе покайфуем, а потом иди куда хочешь. Кто держит?

На такси быстро доехали до гостиницы. Прокат машин оказался в холле. Нугзар и Сатана направились к стойке. Выяснилось, что помимо денег надо иметь права, адрес в Голландии и кредитную карточку. Сатана начал было спрашивать, что за карточка, а Нугзар, что-то подчитав в уме, спросил, сколько стоит машина, если купить за наличные.

– Чтоб ездила, конечно.

– Тысячи две-три, – подумав, ответил клерк.

На этом разговор окончился. Сатана приказал Коке:

– Подожди тут, потом в город поедем.

И они направились со свёртками и кулками в лифт.

Кока, выпив воды, устроился на диване в холле. Тбилиси не отпускал. Нугзар чем-то напоминал ему дядю Ларика. О, его дядя Ларик, великий человек! Майор милиции, он не

раз вызволял Коку из трудных ситуаций. Он – щит и меч семьи, защитник, добытчик и даже могильщик. С дядей Лариком необходимо обговаривать все житейские проблемы и мирские дела, ибо лучше него никто не знал, где достать финские обои и чешский кафель, свежую зернистую икру к именинам и барашка для поминок, бандаж из собачьей шерсти для бабушки и очки для дедушки. С одинаковым почтением его приветствовали мясники на Дезертирке⁴⁷ и нищие на кладбище Кукия, менты и биржевики, целыми днями стоящие “на бирже”, на углах недалеко от дома. Никто лучше него не мог ответить, почём газовые плиты и кто заведует квартирами в горсовете, сколько дать в лапу управдому и как найти приличных маляров, что подарить ректору с просьбой о каком-нибудь балбесе и сколько берут за уроки пения, где живёт самый лучший бальзамировщик и как отвязаться от военкомата, сколько стоит осетрина у бакинских проводников и как решить вопрос текущего бачка.

Двухметрового роста, он пятернёй поднимал с земли баскетбольный мяч, а женщины украдкой разглядывали его огромную фигуру и большие руки, тщетно скрывая в глазах немой, но жгучий вопрос. К тому же дядя Ларик был абсолютно лыс, а женщинам, как известно, нравятся лысые (наверно, блестящие шары голов подсознательно напоминают им залупу).

Всю эту “ерунду с перестройкой” дядя Ларик очень не одобрял: раньше все его боялись – ещё бы! Майор, комендант громадного корпуса МВД-КГБ (с подвалами и камерами), в высоких коридорах которого даже он казался среднего роста, хотя в его лапищах автомат Калашникова выглядел пистолетом. Прежде деньги приносили ему в конвертах и портфелях, а теперь приходится якшаться со всякими выскочками.

– Ибиомать! – сердился он. – Раньше только и радости было в Москву на пару дней слетать, в ресторанах покутить, девочек пощупать, а сейчас?.. Бензина нет, самолёты не летают, поезда не ходят, машины не ездят, денег нет!.. На хрен кому такая перестройка сдалась?.. Эти кастрюлеголовые не лучше прежних! Всё разворуют и смотаются, а нам расхлёбывать!

...Кока несколько раз открывал глаза, думая, не лучше ли сейчас встать и обратиться подобру-поздорову?.. Где будут его искать?.. И зачем?.. Но стыд от побега удерживал, хотя он и предчувствовал, что всё это добром не кончится.

Пока колебался, эти двое спустились. Нугзар прикладывался к маленькой бутылочке с коньяком. Сатана, красный и оживлённый, не переставая курил, крутил клок волос. С сигаретой полез в такси, но водитель указал на табличку с просьбой не курить.

– Я их мать!.. – загорячился Сатана. – Как это – нельзя курить?.. – И начал ругать и эти сраные правила, и эту ебучую Европу. – На хер мне это всё? – говорил он, обращаясь к Нугзару и, казалось, продолжая какой-то прежний разговор. – У нас где хочешь и кури, и пей, и пой, и плюй, а здесь то нельзя, это нельзя!.. Тюрьма, что ли?.. Зона?..

Нугзар скушаяще слушал. Когда окончился очередной пассаж, обронил:

– Решай сам. Твоя жизнь. Там ты или подохнешь от передоза, или пойдёшь на тюрьму, а тут можешь выжить. Я дам тебе первые деньги, а дальше сам смотри.

Сатана, остывая, буркнул:

– Не грузи, прошу по-братски!

– Грузят баржу арбузами, – не остался в долгу Нугзар.

Сатана схватился за спасительный клок:

– Не надо мне ихнего ничего! Не надо! Лучше я буду дома во дворе в Сабуртало в сексу⁴⁸ играть, чем тут на них шестерить! Или в Москву дёрну, там бабок навалом, всем хватит. Там всё моё, всё понимаю, людей знаю, все главные воры в Москве меня знают, а тут что? Всё

⁴⁷ Рынок в Тбилиси.

⁴⁸ Карточная игра.

чужое! Как собака – без языка! А я по-русски в зоне хорошо научился. Эст, гражданын начал-нык! – похвастался он.

– Каждый решает сам, – повторил Нугзар.

В центре на площади Беатрикс они отпустили такси. Нугзар был чем-то озабочен и невпопад отвечал на вопросы Сатаны.

– А такие серные бани, как у нас, тут есть?

– Нет.

– А горы тут есть?

– Нет, равнина.

– А чклинти-хвели⁴⁹ тут есть?

– Есть похожий, моцарелла.

Сатана торжествующе вцепился в свой вихор:

– Вот видишь! А что фашисты с бедным Валико сделали, помнишь?

– Что? – без особого интереса отозвался Нугзар.

– Как что? Забыл?.. – Сатана даже остановился от удивления. – Рэалние нэпониатки! Бедный Валико хотел в Германии “мерс” купить, у него мечта была – на “мерсе” шариться. И что? Большой хер пососал!

Выяснилось, что Валико, решив купить в Германии “мерседес”, пошёл в свою сберкассу в Тбилиси деньги снять, чтоб за машиной ехать. В банке ему говорят, что денег нет, и посылают в центральный банк, где тоже говорят, что деньги из Москвы не поступают, ни рублей, ни валюты нет, одни купоны, хаос, но они могут дать какой-то чек – по нему деньги где хочешь возьмёшь. Валико обрадовался – давайте чек! Вот добрался он до Франкфурта, зашёл в банк, где цветок нарисован, удивился – банк на банк не похож, очередей нет, людей нет, только два ффраера по телефону клювами щёлкают! Такая педерача! Он им чек показывает, те зовут кого-то. Приходит сопля в галстук, смотрит и говорит, что чек выписан на Америку. Валико удивился – как так?.. Начал просить: по-человечески разберись, как брата прошу, “мерс” купить надо, дети ждут, родня из деревни приехала смотреть. А он, фашист холуёжный, на полный отказ идёт – ничего сделать не могу, чек на Америку выписан. Что же, синг-синг, бедному Валико в Америку пилить?.. Тогда Валико начинает просить: брат, может, в Америку позвонишь, узнаешь, что к чему?.. Тот, галстучная падла, ни в какую... У нас бы стопроцентно позвонили, помогли. А тут – нет!

Нугзар туманно заметил:

– Наверно, не тот бланк заполнили в Тбилиси.

– Здесь, если тебе что-то полагается, – не откажут, – добавил Кока.

– Да показуха всё это! – в сердцах возразил Сатана. – Они тебя дурят, а ты веришь. Дурачок!

– Кто? Я дурачок? – опешил Кока.

– Ты, кто же ещё? Тебе что, давно не попадало, а? – нагло ощерился Сатана и грубо схватил Коку за отворот куртки, но Нугзар оттолкнул его руку:

– Прекрати!

Они забрели на летучий базарчик неподалёку от собора: лотки с фруктами и овощами, сыры, ширпотреб, дешёвое тряпье, сувениры.

Сатана бесцеремонно взял с лотка помидор и, махнув рукой обомлевшим продавщицам, попросил Нугзара попробовать его и сравнить с нашими, особенно из села Чопорти.

– Разве наши помидоры не самые лучшие в мире? В газетах тискали, что англичане приехали, попробовали наши помидоры и сказали – самые лучшие в мире! Разве не так?

⁴⁹ Молодой рассольный сыр (*груз.*).

– Так, так, – соглашался Нугзар, поглядывая по сторонам. – Знаем! – Но Сатана стал настаивать и почти насильно заставил его откусить кусок (хотя Кока видел, что Нугзару этого явно не хотелось).

По тому, как Сатана чесался и беспрерывно курил, видно было, в номере гостиницы он времени зря не терял. Его лицо из розового стало землистым. Неугомонный, он перезнакомился со всеми продавщицами и просил Коку объяснить одной приветливой голландочке, что самые лучшие помидоры растут в Грузии, в селе Чопорти, что помидоры надо класть черенком вниз, а не наверх, и что такой нежной кожицы, как у чопортских помидоров, он ещё в жизни не встречал.

– Как у вас кожа, такая мягкая, хорошая! Цацуля! – попытался он погладить продавщицу по щеке – та в испуге отпрянула.

Но Сатана не унимался.

– Вот, это разве яблоко? – Он быстро обглодал яблоко, а огрызок с размаху швырнул на землю, вызвав панику у прохожих. – Гадость! Орера!

Потом стали не спеша обходить собор. Сатана с интересом рассматривал курчавые от каменной резьбы стены. Притих.

– Вот это да... – вертел он головой, – вот это строили, а?... У нас таких нет...

Нугзар подтвердил:

– У нас другие, на тысячу лет старше... А ты что такой невесёлый? – спросил он у Коки.

– Да так, много всякого... – не стал тот вдаваться в подробности.

Нугзар повертел в руках очки:

– Ты один живёшь? Или с женщиной? Женат? Семья есть?

– Один. А женщины... – Кока махнул рукой, – они тут совсем другие...

– Свободные слишком? – усмехнулся Нугзар, а Сатана сказал:

– Сейчас у нас тоже полное блядство пошло. Целку в городе не найти. Пацаны на зоне всё мучались – как бабы себя ведут, пока они на зоне залипают?... Ревность, лац-луц! Руки-ноги поднимала, ничэво нэ пониала!

Сделали привал в кафе. Пока официантка ходила за чаем, Сатана вытащил из кармана дублёрки газетный свёрток, там оказался стеклянный шприц с иглой, заправленный жидкостью коньячного цвета. Нагнулся и под столом, задрав штанину, вколол в икру, бормоча:

– Всё равно прихода нет, можно и под кожу пустить. Ох!.. – Он успел сунуть пустой шприц в карман, прежде чем начал глубоко отдуваться, краснеть, расчёсывать голову, шею, грудь. Чухался всё сильнее, привстав со стула и бормоча: – Как это – прихода нету?... А это что?... Не приход?... Путиовая чухлама пашла!..

Наконец, побурев полностью, прохрипел:

– Мне плохо, воздуха нет! – рывком поднялся и, шатаясь, побрёл к выходу.

Нугзар молча положил на стол десятигульденовую, и они пошли за Сатаной – тот, качаясь, брёл между столов, задевая полой дублёрки сидящих людей, натыкаясь на стулья и разгоня официантов.

На улице Сатана пришёл в себя, отсиделся на скамейке. И они пошли дальше. Около большого универмага Сатана вдруг вспомнил, что обещал какой-то бабе купить в подарок чёрный лифчик и ажурные трусы с чулками в клеточку.

– Какое время лифчики покупать? Какие трусы? Ты что, спятил? На себя посмотри – еле идёшь! – недовольно возражал Нугзар, но Сатана только отмахивался, рисуя в воздухе округлые линии:

– Ляжки – во!.. Сиськи – шары!.. Обещал!..

Он вошёл в магазин. Они потащились следом. Поднялись на второй этаж.

Проходя мимо одной из стоек, Сатана смахнул что-то в карман. Это заметили не только они, но и продавец, вышедший из примерочной; он достал из нагрудного кармана рацию и что-то сказал в неё.

– Звонит охране или ментам, – предупредил Кока.

– Да. Я видел, – негромко ответил Нугзар.

Ускорив шаг, они нагнали Сатану, Нугзар зло зашипел ему в спину:

– Спят! Выкинь факт! Менты видят!

Но Сатана отмахнулся:

– Чего?

Они ещё ехали по эскалатору, а внизу их уже поджидали два полицейских.

– *Stop!* – сказал один из них. – *Laten we opzij gaan!*⁵⁰

Делать нечего. У Коки ёкнуло сердце: “Обшмонают, фальшаки найдут... Дури кусок у Сатаны... Шприц, героин, оружие...”

Их завели в комнату. Копы, молодые и розовощёкие, вежливо попросили Сатану выложить всё из карманов на стол. Сатана покорно выложил на стол два новеньких бумажника с ценниками.

– *Diefstal!*⁵¹ – сказал один коп.

– Какая кража? Мы как раз шли платить, вы нас остановили раньше, чем мы до кассы дошли! Мы просто заговорились! – сообразил сказать по-немецки Кока.

Сатана покопался в карманах дублёнки, усердно потряс полами, показывая, что у него ничего больше нет. От этой тряски из кармана выпал допотопный стеклянный шприц, зазвенел на полу, но не разбился.

– А это что такое? – уставились полицейские на пол.

– Диабет, – вполголоса проговорил Нугзар, сделав грустное лицо.

Сатана тоже развёл руками:

– Лац-луц – диабет!

– С детства мучается, – добавил Нугзар.

– Ваши документы! – кисло произнёс коп пониже, уставясь на Коку бессмысленно-синими глазами.

Кока показал французскую медицинскую карточку. У Нугзара и Сатаны с собой ничего не было.

– Нам нужны их паспорта! Где они? Кто они вообще такие? – спросил у Коки коп.

– Туристы, – ответил тот, а Нугзар подтвердил на голландском:

– Я живу в Нидерландах, а это – наш гость из Грузии. Может, слышали?.. Кавказ? Сталин? Шеварднадзе?

– Шталин?.. А почему ваш гость ворует вещи? – не повышая голоса, спросил полицай. – Где ваши паспорта?

– В гостинице, – выдал Нугзар.

– Сейчас едем туда.

Услышав это, Нугзар побледнел и украдкой запихнул свёрток с долларами поглубже в карман плаща. Но делать нечего – когда полиция спрашивает, где паспорта, надо точно указывать, где они, не то через пять минут тут будет десять полицейских. Коп пониже написал протокол, зафиксировав, что ущерб за два бумажника составляет 88,45 гульдена, а коп повыше, поколебавшись, разрешил Сатане поднять шприц, но жестом показал на мусорное ведро – выбрось, мол, грязный.

⁵⁰ Стоять! Отойдём в сторону! (*нидерл.*)

⁵¹ Кража (*нидерл.*).

Сатана ухмыльнулся, пряча шприц:

– Какой умный!.. Это дедушкин баян, счастливый; как выкинуть, орера?.. Э, мая дедушка! Ноу-ноу!

Коп пожал плечами. Нугзар вздохнул.

По дороге в гостиницу Нугзар и Сатана перекидывались тихими словами. В гостинице молча двинулись по коридорам. Остановка. Нугзар открыл дверь и отступил на шаг, но полицейские не вошли, сказав:

– Вынесите паспорта!

– Вот это порядок, – пробормотал Нугзар и исчез в номере. Остальные ждали у дверей.

Нугзар появился с бутылкой коньяка *Hennessy* и паспортами.

– Сувенир! – вместе с паспортами протянул бутылку.

Полицейские покачали белобрысыми головами: “*Is verboden!*”⁵² – и стали на портативном приборе набирать номера паспортов. Проверили. Всё в порядке. Записав номера, паспорта вернули.

– Обо всём остальном вас известят письменно! Ваш адрес у нас есть! – сказали копы Нугзару, козырнули и удалились. Им обалдело смотрели вслед.

– Не вошли!

– Не обыскали номер!

– Никого не обшмонали!

– Не повязали!

– Шприц вернули!

– Лекарства не нашли!

– Не искали!

– Известят!

– Письменно!

Кока вспомнил, что Лясик говорил: в Голландии, если украденные вещи стоят меньше ста гульденов, дела не заводят, только взыскание и штраф. Он сказал об этом Нугзару.

– А ты ругал демократию! – напомнил Нугзар Сатане.

– Ва... Демократия!.. Хорошая вещь, мамой клянусь! – протянул Сатана. – Это надо же! Явно видят, что мы в кайфе, – и ничего? У нас бы за один баян пять тысяч отняли! А тут – нет! Лац-луц – и демократия! Ну, пошли, по стаканчику за спасение! А этот, смотри, какой понтовый подельник оказался! – хлопнул он Коку по плечу. – Отмазал нас! “К кассе идём” – ха-ха! Молодец! Ништяк! Будет тебе премия!

– Скажи, тебе очень нужны были те сраные бумажники? – поинтересовался Нугзар, тяжёлым взглядом сверля Сатану. – Что, деньги носить негде? Я же тебя предупреждал! Нет – он тащит и тащит что попало, всякую дрянь! Я тебе сто бумажников куплю, если хочешь, но не позорь меня!

Сатана примирительно вздохнул:

– Хотел ребятам в районе подарить.

– Чуть нам срок не подарил! – И лицо Нугзара стало узким и холодным.

Сатана развёл руками:

– Лац-луц? Синг-синг? Что-та стали дэти зиабнуть, не пара ли нам дэриабнуть? – добавил по-русски и разлил коньяк по стаканам.

И все облегчённо выпили за демократию.

⁵² Запрещено! (*нидерл.*)

7. Разбой

Очнулся Кока под утро. Где он?.. Что это?.. Слабая полоска света из-под шторы... Стол, лампа, диван... Он лежит на раскладном кресле... Туфли сняты... Накрыт пледом... Из-за двери доносится храп...

Кока подобрался к двери, заглянул в щель. Так и есть!.. В полутьме видно: Сатана раскинулся на постели, храпит во всю мощь. На диване маячит тело спящего Нугзара. Комната завалена пакетами и вещами. Значит, он в гостинице, у бандитов в люксе, а не в полиции, больнице или морге, что уже хорошо.

Он на цыпочках вернулся на место, притих. Башка трещит с похмелья. Что было вчера? Как ножом срезало. Пили, курили, нюхали... Ничего особого не помнится. Пару раз Сатана куда-то уходил, приносил. Кока с Нугзаром играли в дорожные нарды и беседовали о разном. Кока отважился спросить, зачем Сатана спрашивал про Арчила Тугуши, на что Нугзар пьяновато махнул рукой:

– Ерунда! Сколько я его знаю, он всё время хочет кого-нибудь украсть для выкупа! Забудь! – И добавил странное: – Ты, я вижу, парень неплохой. Держись от Сатаны подальше! Он тебя до добра не доведёт!

Легко сказать “держись подальше”, когда сам Сатана держится поближе, не даёт уйти!..

Сейчас Кока хотел пить и в туалет, но долго не решался пройти мимо спящих.

Не выдержал. В носках, на цыпочках, пробрался в ванную и ошупью вернулся на своё место, на всякий случай проверив, тут ли карточка. По этой медицинской французской карточке после Маастрихта можно кое-как передвигаться по Европе. Тем более что в поезде Париж – Амстердам, так называемом кокаин-экспрессе, контролёры в основном ловят чёрных мигрантов, а на приличных людей мало обращают внимания, ибо знают, что приличные люди едут на выходные в Амстердам, везут с собой наличность, закидываются там дурью, посещают жриц любви в красном квартале, а к понедельнику возвращаются в Париж на работу. Чего их останавливать? Наоборот, пусть едут, пусть побольше валюты ввозят в Голландию, чтобы наша умная страна процветала!

Но зачем он тут? Что от него надо Сатане? И что с него, Коки, взять?.. Так, безденежный, безнадежный кайфарик, что и курицы не обидел с детства. Когда соседка попросила нарезать хохлатку, и он важно направился с ножом и курицей в подворотню, где обычно рубили на праздники головы птице, навстречу ему ринулась его мать Этери с криком, чтоб Кока не смел убивать живое существо! Никакое!.. Никогда!.. Досталось и соседке, хотя та удивлялась на весь двор: что такого, что он – не мужчина, курицы нарезать не может? А руки Коки навсегда запомнили беспомощное трепетание обречённого создания.

...Кока то проваливался в сон, то пробуждался, мысли путались. Вспомнилось, как Сатана кинул его с паспортом: в тбилисском аэропорту одолжил у Коки паспорт, якобы взять билет, потом исчез в туалет, а оттуда незаметно ушёл на посадку и улетел в Москву, а дальше в Париж.

Он всегда был такой, Сатана. В Тбилиси являлся в самые неожиданные моменты и отнимал всё, что видел! И никто ничего не мог ему сказать. Боялись, зная непредсказуемость ответа и его связь с опасными людьми. Даже Нугзар обходится с ним с некоторой осторожностью, а это говорит о многом.

Время от времени Коку посещала мысль тихо встать и уйти – Сатана опять что-то явно замыслил, в противном случае зачем бы он таскал за собой Коку? Чтобы порошком угощать? Смыться, пока они дрыхнут? “Нет! Это будет не по-мужски – по-блядски!”

От того, что не может встать и уйти, Кока чувствовал себя ребёнком: так однажды в детстве на набережной большие мальчишки играли в футбол, его поставили на ворота и не

давали уйти до позднего вечера. Кока чуть не плакал от бессилия, торча в проклятых воротах, но не отваживался бежать.

И ещё держала на диване мысль о том, что через пару часов начнётся ломка. Он уже несколько дней унавоживает своё тело, теперь уже герыч – хозяин-барин, а ты слуга, идущий туда, куда укажет владыка! Может, у Сатаны осталось лекарство?

Он ещё мельком думал о том, что за два дня трижды побывал на острие полицейского ножа: у Лясика с передозом, в арабской лавке с фальшаком, в магазине с ворованными бумажниками...

Когда Кока в очередной раз пришёл в себя, то услышал из-за двери голоса. И стал вслушиваться с волнением, надеясь узнать свою участь.

Голос Нугзара говорил:

– Если знаешь, почему не делаешь?

Голос Сатаны отвечал:

– Знаю, не ездю по ушам! Лучше скажи, что за картинки у тебя под кроватью лежат? Ну, которые мы переныкать должны?

Нугзар:

– Пока ты за колючкой был, я тоже пару гешефтов тут провернул. Но раньше, давно... Сейчас, ты знаешь, я в полном завязе... Есть маленький городок около Ниццы...

Сатана:

– Пиццы?

Нугзар:

– Ницца – город на море, богатый. Около него – маленький городок, а там – музейчик. Накол от Чёрного Гогии пришёл... Звонит он мне из этой Ниццы, где со своей бабой Наташкой отдыхал, приглашает приехать, дело есть, мол, хорошее. Я тогда уже тут, в Голландии, прятался от угро. Без денег был, решил съездить. То, сё, по барам в Ницце гуляем, и Наташка рассказывает про этот соседний городок, где есть музей, а там – несколько ценных картин. И висят они так, что нагло сорвать и унести вполне можно. Поехали туда, осмотрели. Пустили Наташку со стариком-сторожем пококетничать – она, путана, хорошо по-французски чесала, в инязе раньше училась. Старик нюни распустил, всё вывалил. Выяснилось – полиция далеко, к музею надо ехать по пешеходной зоне, всегда забитой людьми. Музей частный, маленький, на три зала. Охраняется стариком-сторожем и пожилым вахтёром. В общем, сделать можно...

Сатана:

– Ну и?..

Нугзар:

– Ну и ну. Закон знаешь: заходи тихо, бери мало, уходи быстро. Чёрный Гогия связал галстуками старика и вахтёра так крепко, что они не могли ни развязать узлов, ни оторваться друг от друга... Картины срезали, в окно сиганули – и всё! Я Гогии треть картин отдал, а остальные забрал. С тех пор лежат. Боюсь их продавать, они наверняка в розыске, а мне деньги сейчас не нужны. Надо их перепрятать. Неизвестно, что Гогия со своими картинами сделал, чтоб соучастие не пришили...

Сатана:

– Чисто сотворили, клянусь мамой! И чего в этих картинах? За что эти тупяки такие бабки платят, а, Киббо? Объясни! Миллионы? Козлы! Как за краски и кусок паршивой тряпки столько башлять? Машина там или дом – понимаю, но за краски, за кусок гнилого мешка? Лимоны, ора! На зоне пацанва говорила, одна картина может лимон баксов стоить!

Нугзар:

– Лимон? Лимоны! Много лимонов! Не за краски платят, а за энергию.

Сатана:

– Подожди, как брата прошу! Что за энергия? Лампочка, что ли?

Нугзар:

– Вроде. Вот ты же говоришь, ходишь, живёшь. Это энергия. Её ты получаешь из пищи и питья. А ну если тебе есть-пить не давать?

Сатана:

– Подохну стопро. Коньки откину.

Нугзар:

– А это что значит? Энергия кончилась. Если в машину бензин не залить – не поедет. То же самое и с картинами – когда их художник рисует, он в картины свою энергию вкладывает, а потом она постоянно на людей сочится...

Сатана:

– Не смеши меня! Сказки всё это! Энергия-шменергия! Если им так интересно на картинки смотреть, то чем фото хуже?

Нугзар:

– Тем, что на фото может попасть и хвост осла, и ухо собаки, и какой-нибудь пьяница, – короче, то, что тебе не надо, но в кадр попало, а художник, если рисует хвост, или ухо, или пьянчугу, то знает, зачем он это делает.

Сатана:

– Хватит мне уши греть, орера! Главное, что бобры за эту хрень большие бабки платят: положи десять лимонов зелени – и лац-луц, любуйся своим хвостом, сколько влезет!

Нугзар:

– Ладно. Заканчивай струшню. Если хочешь поймать этого придурка, надо собираться. Через два часа мы должны быть в аэропорту, его рейс прилетает в 12:37.

Сатана:

– А чего там делать? Синг-синг – и готово! Будет знать, как в Голландии станки для своего долбаного цеха покупать! Чэши фразера, пока линияэт! Гориачи бублыки длия нашэй публыки!

Нугзар:

– До машины два зала идти, полиции полно. Шуметь начнёт, хипеш поднимет, а тут ты с волюной? Оружие оставь. Не хватило тебе вчерашних ментов?

Сатана:

– Сегодня всё ништяк будет. Простая делюга. Я в аэропорт вообще не сунусь – будем в машине ждать, а он выведет...

(“Он – это я!” – понял Кока с холодком в животе.)

– ...Он с этим придурком из одного кутка, знаю я их всех, молокососы и фрэера. И они меня хорошо знают. Он выведет – а дальше моё дело, орера!

Молчание. Какие-то звуки, шуршание, стуки.

Сатана:

– Где баян? На столе не видно? Кибо, а ты почему с ширкой завязал?

Нугзар:

– Надоело. Я сейчас по-другому живу. Покоя хочу. И ещё одна просьба – не ругайся столько. Это плохо для человека и для всех вокруг. Я сам не ругаюсь и слушать этот мусор не намерен.

Сатана:

– Ты случайно в церковь не ходишь?..

Нугзар:

– И в церковь хожу, иногда. И тебе советую.

Сатана:

– Жгут отпусти... Медленно... На кончике сидишь... Всё, пускай!..

(Кока, поняв, в чём дело, рванулся было попроситься в долю, но успел всё-таки рассудить, что наверняка поздно – Сатана разве лекарства оставит?! Поэтому затих и стал слушать дальше. Что замышляется в аэропорту с его участием? Кого куда вывести? Ох, плохо!)

Нугзар:

– Надеюсь, завтракать не собираешься?..

Сатана:

– А что, можно! Уф, хорошо... Лёгкая рука у тебя, брат!..

Шуршание, щелчок зажигалки, запах гашишного дыма дошёл до Коки.

Мысль о том, что у Сатаны могла остаться дурь, пересилила все другие эмоции, заставила надеть туфли и выйти в комнату.

Нугзар лежал на диване. Сатана сидел у стола, где валялись обрывки целлофана, ложка, сигаретные фильтры, шприц с кровью, банки кока-колы, кусок чёрного гашиша, лимон, какие-то пузырьки и коробочки, зажигалка, сигареты, остатки еды, пустые бутылки из-под вина, коньяка, минералки.

При виде Коки Нугзар оживился:

– А, вот и наш юноша! Как спалось, партнёр?

Кока вежливо ответил:

– Хорошо, спасибо. – И не выдержал: – А для меня ничего не осталось? Раскумариться?

Сатана ткнул волосатым пальцем в целлофан:

– Есть малость. Будешь?

Кока благоразумно решил занюхать порошок, после чего расправил плечи и набрался смелости спросить, можно ли принять душ.

Сатана был благодушен:

– Конечно. И побрейся, если хочешь, – там новые лезвия. И свою рвань вонючую выкинь! Я тебе ништяк подарю! – Он порылся в груди одежды, кинул Коке рубашку с диковатыми чёрно-жёлтыми узорами. – И трусы бери, если надо! – Он пошевелил грудку, где среди прочего чернели стопки носков и связки разноцветных трусов.

“Твои трусы бегемоту впору! Да и странно как-то – трусы брать в подарок. Не с намёком ли?..” – подумал Кока, заходя в ванную и не зная, надо ли запираться. Закроешься – скажут: ты что, баба? Не закроешься – тоже как-то неуютно: а ну войдут, а ты голый! Засмеют же!

Стоя под душем, Кока вспоминал, как он первый раз встретился с Сатаной. Квадратный зверюга ворвался на хату, где они варили раствор ханки, бесцеремонно перелил себе в пробирку почти всё и без слов ушёл. И никто даже не пикнул, хотя их было пятеро. Только повторяли: “Что делать?” – и чуть не передрались за остаток.

После душа Кока, умыт и выбрит, в чёрно-жёлтой рубахе, скромно сидел на пуфике. Нугзар шутил, что в этом прикиде Кока похож на молодого босса мафии где-нибудь во Флориде. Сатана разрывал остатки жареной курицы, в порыве доброжелательности усиленно предлагая крылышки Нугзару и Коке, поминутно вскакивал, кружил по номеру, как пёс, от прилива сил, курил без остановки, кидал на стол обглоданные кости. Нугзар от крылышек сухо отказался, а Коке кусок в горло не лез из-за сумбурных мыслей, что именно задумано ворами и какая ему, Коке, отведена роль в этом явно опасном деле.

Но спросить не решился, только пробормотал:

– Мне домой надо бы...

Сатана, уплетая кусок багета, ухмыльнулся:

– Твой дом – тюрьма, ха-ха! Всем надо! Мне что, не надо? Мы тебя подвезём, куда хочешь. Не так ли, Кибо? Подвезём коллегу? – На что Нугзар неопределённо поморщился.

Сатана, смахнув объедки, начал одеваться. Искал свитер побольше, чтобы прикрыть пистолет за поясом. Ворошил одежду, приговаривая:

– Я тех не понимаю, кто носит волюну сзади за поясом. Ведь впереди всегда быстрее выхватишь? А?

На что Кока из вежливости согласительно наклонил голову, хотя понятия не имел о предмете, а Нугзар безучастно поинтересовался:

– Ты как волюну и бабки провёз? В чемодане? Сдал в багаж?

– Да, рискнул. Проканалю.

Они собрались. Кока ещё раз попробовал отмазаться, но Сатана пробормотал с угрозой:

– Уйдёшь, когда отпущу. От тебя много не надо. Одного человека позовёшь – и всё, лац-луц, готово, свободен! Нэ, лучше нюхни ещё, чтоб не киздел без дела, как Троцкий!

И сунул ему остатки порошка в целлофане. Кока взял, но твёрдо ответил:

– Меня правда ждут. И при чём тут Троцкий?

– Троцкий убил Ленина, Сталин убил Троцкого – лац-луц, оpera! Одевайся! – Сам Сатана напялил суровую куртку с нашивками *Security*.

Когда они вышли из гостиницы, Кока по инерции направился к такси, но Сатана грубо схватил его за руку:

– Куда! Нам туда! – и повёл к невзрачной машине, за руль которой уже садился Нугзар.

“О, вчера успели машину купить! Или украсть!” – подумал Кока, влезая на заднее сиденье. Надо же, всё доведут до итога, из всего найдут выход, можно только позавидовать. Сам Кока чуть что – посылал всё к чёрту, а эти – нет.

Поехали. По дороге Кока украдкой нюхнул щепотку. Закрыв глаза как бы в дреме, на самом деле напряжённо вслушивался в голоса Нугзара и Сатаны – вдруг выявится, что ими задумано? Нутром ощущал опасность.

Нугзар:

– Я отвык от руля, на велосипеде езжу. До бюро десять минут пешком.

Сатана:

– Бюро!.. Велосипед?.. Синг-синг, оpera?..

Нугзар:

– Здесь все такие. Сидят по конторам, бумаги пишут.

Сатана:

– Чёрт бы их побрал! Лучше расскажи, как ты про ту лимонную марку узнал?

Нугзар:

– Ты уехал, а я остался в Амстердаме один. Денег совсем ничего. Побрякушки никому не нужны. Думал – придётся за старое браться. А это значит – опять тюрьма, опять сидеть. Не хочу больше. Хватит! Ни в их шикарных тюрьмах, ни в наших вшивых зонах – нигде! А марку эту я тогда в столе у гинеколога взял... ну, которого мы с тобой обнесли... И попалась она мне на глаза, когда я уже вещи укладывал, чтобы назад в Тбилиси ехать. Решил отнести, показать. У первого же продавца в магазине марок руки затряслись – дрожь унять не мог. Предложил тысячу гульденов. Второй предложил две. Тут я понял, что надо проверять по-настоящему. Снял фото и послал в Королевское общество филателистов. И выяснилось, что это марка называется “Тифлисская уника”, в мире таких несколько штук, и стоит этот говённый кусочек бумаги много.

Сатана:

– Сколько?

Нугзар:

– Пол-лимона баксов.

Сатана:

– А тебе не кажется, что половина от этого пол-лимона – мои? Мы же вместе ломали ту хату!

Нугзар:

– Да ведь я мог тебе вообще ничего о марке не говорить! Ты знаешь, мне всё надоело – дела, деньги, бабы. Я сижу у печки, пью чай и читаю книги. Или смотрю новости, как мир с ума сходит. В зонах научился время коротать за чаем с книгой, спасибо большевикам. Приезжай и входи в полную долю – чего тебе ещё?.. Я буду и малым доволен. Купим тебе хату, жену найдём. Автомойку открой, бензоколонку или бар, бабки будут капать! Все гангстеры свои бары имели.

Сатана:

– Ты же знаешь – я могу жить только там, дома, в Тбилиси. Лац-луц – амба!

Нугзар:

– Там ты опять будешь не жить, а сидеть, даже если я дам тебе денег на какое-нибудь дело. Молчание, сопение, шуршание, треск открываемой пачки сигарет.

Сатана:

– Может быть. Но по-другому не могу. Что мне здесь делать? Если я не могу братьев повидать, с племяншами выпить, тётю поцеловать, с друзьями в нарды поиграть – для чего тогда жить, орера?.. Я в своём убане утром выхожу – все меня знают, я всех знаю, и отцов их, и дедов, и братьев знаю. А тут я как собака бездомная, орера! Ничего не понимаю! Их понтов не разумею! Погоновожатых шугаюсь! Их понятий не держусь! Всё чужое, брат! Да и какой из меня деловик? Или прогорю, или в карты проиграю.

Нугзар:

– Напрасно так думаешь... Тут надавить, там наехать – и есть бизнес, а это ты отлично умеешь. Я-то сам этим не занимаюсь, у меня фонд.

Сатана:

– Что такое фонд, гапицеб⁵³?

Нугзар:

– Такое место, где деньги собираются. А ты теряешь время на кидняки и всякую мелочёвку, хотя сидеть, если повяжут, тебе придётся много, как рецидивисту. Ты и так больше сидишь, чем по свободе бегаешь.

Сатана:

– Ну и что – выхожу же? Э, судьба такая, оставь меня! Я уже другим не буду. Это ты воровскую корону снял...

Нугзар:

– Сам снял. Ничего никому не должен! Бахва Гегечкори снял, Шермадин снял, а как их уважают в городе? Я за свои грехи расплатился сполна. Я другим стал. И тебе другую жизнь предлагаю.

Сатана:

– Нет, Кибо, тут я не жилец. Лучше я дома буду во дворе с соседями пиво пить, чем тут с этими петухами якшаться, лац-луц! Бесплезняк мне по ушам ездить! Пустоту рвёшь!

Нугзар:

– Твоё дело. Ты всюду по полжизни теряешь – а жив ещё! Сколько их у тебя? Из-за чего жизнью рисковать? Из-за отравы? Тут всё будешь иметь на блюдечке, только плати, а бабки я тебе гарантирую. Кстати, а почему тебя Сатаной прозвали? Что, в детстве детей обижал или кошек вешал?

Сатана:

– Каких кошек, что ты!.. Нет, просто я всё время вихры свои теребил, и они на голове рогом стояли. Вот как сейчас. Мать говорит: выйдешь во двор, сядешь под дерево, за всеми

⁵³ Заклинаю (груз.).

сведишь и волосы крутишь без остановки. А кличка осталась. Это потом, лац-луц, я оборзел, а в детстве тихий был. Тихий, но стойкий. Ничего не боялся. Впэриод и с пэснями!

Нугзар:

– А сейчас?

Сатана:

– А сейчас только смерти боюсь. Жить хочу. Жратва, питьё, девочки, кайф – что ещё надо? А мёртвый – что? Лежишь, как бревно.

Нугзар:

– Мёртвый не знает, что он мёртв. Ему всё равно.

Сатана:

– Нет, лучше я живой буду всё знать. Ещё успею в могилу. Лучше я сожру, чем меня сожрут. Близких я уважаю. С другими – так, по ходу дела... Вот недавно одного педрилу, птицу-говоруна с длинным языком, приговорили: в задницу дуло засунули и шмальнули... Самое то!.. Пуля блуждает в теле, все кишки рвёт, никакой эксперт не допетрит... И следов пороха не будет, надо только ствол поглубже засунуть... Да и кто будет в жопе у хмурого жмура копаться?.. Вон стрелка на аэропорт! Приехали!

Нугзар подрулил к бордюру.

Кока очумело смотрел кругом. Червь сверлил под ложечкой: “Вот, вот, вот, сейчас...”

Сатана, развернувшись всем телом, строго приказал:

– Сейчас иди, куда рейсы прилетают. Какой номер рейса, Кибо?.. Он через Москву летит?.. Ага, рейс 6417, из Шереметьева. Идёшь туда и встречаешь Арчила Тугуши, Рыжика. Он же из вашего кутка? Скажешь, что подвезёшь его, куда ему надо. По-любому приведи его сюда, в машину, а потом гуляй. Ясно? И не вздумай ему говорить, что мы тут, не то этот придурок обосрётся от страха.

– Зачем привести? – глупо вырвалось у Коки.

– Не твоё дело. У его отца долг перед серьёзными людьми! – И зловеще добавил: – Если вздумаете оба бежать, я вас из-под земли достану! А ваши семьи в Тбилиси вырежу на хрен, ты меня знаешь! Понял? – повысил голос Сатана.

“Может, и правда долг?” – думал Кока, в смятении вылезая из машины, как будто это имело значение или могло что-нибудь изменить.

Он шёл словно в забытии, растеряннo ища зону прилёта, лихорадочно обдумывая: “Что они хотят? Деньги у Арчила отнять, что ещё... Или его самого украсть, чтоб отец выкупил потом, – Нугзар же сказал вчера, что Сатана только и думает, кого бы украсть за выкуп... Ох, плохо!.. Но как сдать Сатане Арчила?.. Это же подлость!.. Столько лет кентовались!.. Что делать? Вернуться к машине, сказать, что Арчил не приехал?.. А ну узнает, что приехал?.. Чего доброго, бабушку зарежет в Тбилиси!.. С него станется... Или Арчилу всё рассказать?.. Но Рыжик от страха просто сбежит, а мне влетит по полной!..”

Встал возле ворот, откуда выходили прилетавшие, и стал тупо ждать, так ничего и не решив. Путанные мысли дёргались: “Да и как Арчила в машину заманить?.. Он знает, что я машину водить не умею. Сказать: я на чужой машине, могу подвезти, куда хочешь?.. Он поверит, обрадуется!.. Одно время мы дружили хорошо. Такой же безобидный кайфарик, как я! Нет, Арчила сдавать нельзя!.. Чистое блядство выходит!.. Здесь – блядство, там в машине – палач!..”

Кока стоял, заглядывая в лица людей и всей душой желая, чтоб Арчил не прилетел. Пусть Сатана потом списки проверяет. Он-то, Кока, при чём?

Вдруг он заметил в толпе человека в синей фуражке – тот что-то высматривал, вытягивая шею. “Не тот ли это курьер? – испугался не на шутку Кока. – За мной, что ли, следит?.. Что это?.. Что ему надо?.. И шинель длинная!.. И фуражка с кокардой!..”

И тут появился Арчил с сумкой через плечо. Он округлился, располнел, рыжую бородку отпустил – говорили же, цех открыл, бабок куры не клюют.

– Эй, Арчил! Рыжик!

Арчил Тугуши обрадованно дёрнулся к нему:

– Кока! Мазало! Откуда? Ты же во Франции?

– Да девушку встречал, не приехала. – И, помимо своей воли, понизив голос, не выдержал: – Слушай, Арчил, там в машине Нугзар и Сатана, хотят что-то отнять у тебя, меня за тобой послали...

Арчил вылупился:

– Вай мэ! Сатана? Нугзар? Откуда узнали?.. Что делать?..

– Откуда-то узнали. Видно, кто-то из твоих кентов в Тбилиси проболтался, а им сюда дали знать. У тебя есть с собой деньги? Кэш?

Арчил запнулся, заколебался:

– Да... Как... Ну... Есть... Линию для пекарни купить... Булочки... Две печки... Что делать? Убежать? – Он стал оглядываться, выбирая, куда скрыться, но Кока предупредил:

– Сатана сказал, если убежим, он перережет наши семьи в Тбилиси.

Это привело Арчила в полную панику.

– Уй мэ! Семейю! Нет, нет! – И вдруг замер. – А тебя они тоже будут шмонать?

Кока на секунду задумался.

– Не знаю. Не думаю. Они видели, как я одевался. Знают, что у меня ничего нет... Чего меня шмонать?..

– Стой! – Арчил отбежал к скамейке и стал снимать ботинки.

– Ты что, охренел? – зашипел Кока.

– Тут бабки. Спрячь! – Арчил вытащил из каждого ботинка по толстому конверту. – Вот. По пятнадцать тысяч гульденов. Папа дал. Они меня обыщут, ничего не найдут, отпустят. Я скажу, что без бабок приехал, просто осмотреться, – бормотал он словно в забытьи, тяжело дыша и в страхе повторяя: – Нет, бежать нельзя!.. Ни в коем случае!.. Нельзя бежать!.. Семейя – главное!.. Я буду в отеле *Novotel*, там заказан номер... Туда приходи потом, бабки принеси!..

Кока машинально сунул конверты в задние карманы джинсов.

Они пошли к выходу в толпе людей с чемоданами. Кока озирался и вообще мало понимал, что происходит. Какая-то пелена из страха и неуверенности накрыла его. От волнения рот пересох, он еле ворочал языком, но всё-таки спросил Арчила:

– У тебя ещё деньги остались? Сатана не поверит, что ты вообще без бабла в Голландию прилетел.

Арчил, задыхаясь от ходьбы, ответил:

– Есть пятьсот гульденов. Скажу, прилетел посмотреть, прицениться...

Вот выход. Машина, лица за стёклами. Сатана улыбается. Мотор урчит.

Сатана изнутри распахнул заднюю дверцу:

– Какая встреча! Кого я вижу! Рыжик, брат! Садись! – И Арчил обречённо полез внутрь.

Кока хотел последовать за ним. Но машина, взревев, сорвалась с места и умчалась с открытой дверцей, захлопнутой на ходу, а он остался стоять с разинутым ртом. Растерянно отошёл. Закурил. Плотные конверты в карманах давили. Он переложил их в куртку. Постоял. Мысли прыгали в голове, понимал только, что побыстрее сваливать надо.

Он юркнул в такси и поехал к психам.

По дороге опасно смотрел по сторонам, украдкой проверил конверты – набиты под завязку яркими стогульденовыми купюрами с симпатичной длинноклювой жёлтой птичкой на золотом фоне. Тридцать тысяч гульденов.

Кока тяжело вздохнул. “Всё это добром не кончится!” – внятно сказал в нём голос, который вступал в действие, когда всё остальное отказывало. От напряжения голова кружилась,

в ушах звенело, словно шум прибоя. Кока мотал головой, зевал, продувал уши, но шум не исчезал.

8. Elysia Chloratika

Он остановил такси за квартал до психов, осторожно прокрался по темнеющим улицам, шмыгнул во дворик, где, уютно освещённые вечерним солнцем, сидели возле пня Лидо и Ёп. На пне – две банки пива и огрызок багета. Ёп возился с диктофоном. Нимб отсвечивает золотом. Лудо, в морской фуражке, наносил через трафарет рисунок на дощечку для душевой: точки, капли, брызги – есть где разгуляться фантазии.

– О! Коко! Давно тебя не видно! Куда пропал? Пошёл еду принести – и на два дня исчез! Шикарная рубашка!

Кока выдохнул:

– Да разное... Земляков встретил. Твой велосипед в порядке? Я дам денег, поезжай, пожалуйста, купи продукты, поедем наконец.

Лудо согласно кивнул:

– Это можно. Что брать?

Сошлись на шнапсе, пиве, сыре, колбасе, жареной камбале и малосольно-сладкой сельди:

– И всего, что твой глаз захочет! – Кока важно протянул Лудо стогульденовую купюру, украдкой вынутую из конверта.

Лудо отложил дощечки, отогнал от них кошку Кесси, приделал к велосипеду переносную корзину и уехал, Ёп деликатно молчал, а Кока стал думать, куда спрятать деньги и что вообще делать.

Не было денег – плохо. Появились – ещё хуже. Тратить нельзя... Но как поступить?.. Поехать в *Novotel*, где Арчил?.. А если его уже раскололи, и он сказал, что деньги у Коки?.. И сейчас Сатана сидит в засаде, ждёт его?.. Неизвестно, что они с Арчилом сделали, когда денег не нашли... Бежать с деньгами? Не отдавать? Невозможно: за эти тридцать тысяч достанут всюду... Чего доброго, ещё бабушку зарежут...

Была и сторонняя, бочком, мысль – отправиться к Сатане, отдать ему деньги да ещё присокупить: вот, поделник, бабки, поделим по-братски. Но это была слишком опасная игра, хотя... красиво. Пришёл, принёс... А что? Они бы деньги у Арчила всё равно отняли, а так ты приносишь – может, и долю какую дадут, и с уважением отнесутся.

Но нет! Есть Арчил, Рыжик. Кока с ним дружил, вместе в разных передрыгах побывали. Никогда друг друга не предавали. Вот отдал же Арчил, не задумываясь, ему все деньги?.. Да, они всегда выручали друг друга. Надо найти Рыжика и вернуть конверты. “Ну, а пока можно немного потратить – Арчил не будет в обиде, если я из его кирпичей пару бумаг на еду и питье возьму!”

А что вообще, какие к Коке претензии? Они сами уехали, он даже не успел сесть в машину! Бросили его! А он, между прочим, как раз собирался им деньги отдать! Да-да! Собирался, но они же умчались! Что было делать – бежать за машиной?..

И мысль о том, чтобы плюнуть на всех, куда-нибудь закатиться и погулять на всю катушку, тоже была не чужда Коке: “Взять с собой хотя бы Лясика, с ним всегда весело. И дёрнуть куда-нибудь в Испанию или Италию!” И мысль о том, чтобы дать денег матери и бабушке, посещала его... Или попробовать себя на рулетке? Или на скачках в Баден-Бадене?

Мечты Коки разрастались: он стал думать, что бы он сделал, если бы в его руки попало не тридцать тысяч, а тридцать миллионов? Купить замок, построить там зоопарк со львами и жирафами?.. Завести гарем?.. Купить рок-группу и играть с ней на там-тамах и ударнике?.. Шпарить в пинг-понг и нарды?.. Есть каждый день шашлыки и хинкали?.. Нанять слугу для заделывания мастырок и медсестру для уколов?.. Что ещё? Всё, пожалуй...

Вернулся Лудо с ещё шипящей жареной камбалой из рыбного лотка. Тут же сельдь с мелко порубленным солёным огурчиком и луком. Ветчина, сыр, оливки, “русский салат” типа

оливье с половинкой крутого яйца. Водка холодная. Ёп сбегал за рюмками. Лудо полез отдавать Коке сдачу, но тот царским жестом остановил его:

– Оставь себе!

После первой рюмки расслабился и стал лучше соображать.

Так. Герыча, что дал ему Сатана, на сегодня осталось. Дальше – ломка. Значит, надо брать где-то. Арчил сказал, что он в гостинице *Novotel*. Вот туда завтра с утра и ехать. Но нет, не самому зайти, а послать кого-нибудь. Лучше Лясика, он наш человек. И поболтливее, умеет с персоналом работать. Да, Лясика найти. Заодно узнать, как он, вышел ли из больницы? И про фокус не забыть, хотя и без того негодного гашиша можно вполне обойтись, имея тридцать тысяч гульденов... Станным образом пачки денег стали как-то влиять на Кокины мысли – он как бы отдалился от мелких проблем и плыл к чему-то крупному, значительному.

После третьей рюмки мысли совсем прояснились. Какие вообще к нему, Коке, претензии? “Я позвал Арчила в машину? Позвал. Сатана сказал: «Позови и гуляй»? Позвал и гуляю. А про деньги не успел сказать – сами меня бросили. Деньги я спрятал – вот они, пожалуйста!.. Интересно, почему Нугзар уехал без меня? Не потому ли, что до этого в номере говорил: «Держись подальше от Сатаны», – и уехал, чтобы меня из этого дела выбросить? Похоже на то, хотя кто я ему? Один раз в Тбилиси вместе на хате лекарство ждали...”

А если Сатана спросит, почему им в гостиницу не принёс деньги?.. А забыл, в какой они гостинице! В тот день пили много! “Ах забыл? Пили? Сейчас напомним!” – рявкнет Сатана и... Ну, даст по уху, не убьёт же! Деньги заберёт. Дальше? Чего уж бабушку резать? Делать ему больше нечего!

Кока ел хрустящую рыбу, закусывал сельдью, угощал скромного Ёпа, подливал пиво Лудо:

– Давайте, ребята! За дружбу! Поживём пока! – И голландцы браво опрокидывали рюмки, а объедки бросали кошке Кесси – та, как собака, ловила их на лету.

И так оказалось приятно сидеть тут, среди нормальных людей, а не среди воров и бандитов, где опасны каждое слово, взгляд, движение! Не надо постоянно держать маску на лице, можно смеяться и шутить, не думая о последствиях...

Из расспросов обиняком, где в Амстердаме отель *Novotel*, выяснилось, что таких отелей несколько – какой ему нужен?

“Опа! Приехали! Я откуда знаю, какой?”

– А сколько их, проклятых?

– Штуки четыре, – думал Ёп, но Лудо склонялся к трём.

Стали думать, где взять адреса. Ёп нашёл у себя старую телефонную книгу, по ней выходило, что в Амстердаме отелей *Novotel* два: в центре и возле аэропорта Схипхол.

“Сто процентов этот, около аэропорта!” – отметил Кока и разлил остатки шнапса.

– Может, ещё бутылку возьмём?

– Нельзя, уже всё закрыто.

– Ну тогда анашу.

– Это можно, допоздна.

За дурью послали Ёпа. Кока величественным жестом дал ему стогульденовую, вытащенную на ощупь из конверта, а сам хотел спросить у Лудо, можно ли где-нибудь неподалёку снять комнатку, но потом передумал: не лучше ли из Амстердама с деньгами вообще уехать, пока Нугзар и Сатана тут шарятся?.. Но куда уехать?.. А Интерпол?.. В Тбилиси прорваться?.. Сатана туда собирается, говорил, что жить здесь не может и хочет домой, пиво пить и в карты играть!.. И соберётся, куда он денется!.. И тогда, если Арчил-Рыжик раскололся, ему, Коке, несдобровать. Крышка!.. Амба!.. Баста!.. Дно!.. Каюк, как говорила бабушка...

Ёп явился быстро, благо кофешоп – за углом. Он принёс несколько забитых джоинтов и кусочек гашиша, который тут же был спрятан Кокой, а косяки положены на пень:

– Курите, братья!

Ёп полез в карман балахона за сдачей, но Кока небрежно остановил его:

– Оставь себе! – И Ёп обрадованно схватил диктофон, отбежал к стене, что-то страстно надиктовывая на ходу.

Как всегда после дурацкой и глупой марихуаны, на Коку напала хандра с паникой. Он ощущал себя в замкнутом круге. Без выхода. Куда бы Кока ни тыкался – всюду тёмные провалы, дыры, ведущие в никуда. Тупой звон в башке. И перед Арчилом стыдно. И от бандитов страшно. И от Интерпола опасность. И денег отдавать жаль! И в Тбилиси нельзя вернуться – как ломку снимать? Там никогда ничего путёвого нет, за всё надо зубами грызться, а если что путёвое и залетает, то толстосумы-наркоманы скупают сразу всё под корень.

Может, сбежать в Германию? В тот маленький гостевой дом, гестхаус, куда он попал случайно пару лет назад и прожил два месяца?.. Если в хаусе ещё служит экономкой фрау Воль, она наверняка сдаст ему комнату. Они были в отличных отношениях. А за это время всё, бог даст, уляжется. Не будет же его Сатана вечно караулить? Они с Нугзаром, видно, так людей грабят: узнают из Тбилиси, кто, куда и за чем едет, сколько денег везёт, а здесь нападают и отнимают. Но Нугзар сказал, что он этим не занимается, фонд имеет... Ах, мало ли что он сказал! Поехал же с Сатаной Арчила ловить?! Кто их разберёт, сволочей, покоя от них нет! “Чтоб вы в тартарары провалились, шантрапа!” – так советовала Кокиным друзьям бабушка, которая изъяснялась поочерёдно на грузинском, русском и французском языках.

А Ёп и Лудо, уплетая рыбу, теперь занялись вопросом – почему буйвол бодается? Откуда он знает, что у него на голове рога? Он же в зеркало на себя не смотрит?.. И откуда знают рога, куда им расти и как изгибаться? Рог же – тупая кость?.. И что заставляет эту кость у всех копытных изгибаться именно так, а не иначе?..

Ёп, доедая свою рыбу, сказал, что есть существо, которое питается только несколько раз за свою жизнь. Это солнечный морской слизень – полуживотное, полурастение, энергию добывает фотосинтезом. Плавает в блаженстве в лучах солнца – и всё. Зовут это существо *Elysia Chloratika*, элизия хлоратика. Размером со слоновье ухо, оно похоже на огромный зелёный лист с упругими прожилками, словно рука пахаря со вздутыми взбухшими венами...

“Совсем как я!” – усмехнулся Кока, добывая джоинт и кидая кошке рыбы кости с головой.

Лудо задорно отозвался:

– Подумаешь!.. Есть существа, которые вообще живут вечно!

Тут ему не поверили. Но он настаивал: дескать, видел по телевизору передачу про бесмертную медузу *Turritopsis Nutricula* – это существо, достигнув зрелости, оседает на дно и превращается в полип, покрытый хитином, на нём образуются почки, в которых растут будущие медузы. Самое интересное, что подобные метаморфозы повторяются бесчисленное количество раз, так что смерть этой медузы возможна только от водных хищников. И вообще, медуза – самое таинственное существо на Земле. Она не имеет мозга и органов, но жрёт будь здоров целый день всё, что попадает: планктон, рачков, личинок, червей, икру и даже мальков рыб. В южных морях медузы могут достигать размеров человека и не побрезгуют им, если поймают своими ядовитыми щупальцами.

В той же передаче Лудо видел ещё один любопытный сюжет – про морского огурца: тварь пяти метров, мозга и глаз нет, а только нервы вокруг ротовой дырки. Дышит тварюга почему-то анусом. И зубы у неё не во рту, а в том же анусе.

– Видно, господь был пьян и перепутал отверстия! Но чтоб вы знали – миллионы лет все живые существа на земле какали и писали! И это количество миллионного кала по объёму

точно совпадает с массой Земли! А объём мочи в гектолитрах равен Мировому океану! Я уже прикинул! Всё сходится! – И Лудо начал что-то высчитывать, бормоча цифры и помогая себе на пальцах.

Ёп скептически возразил:

– Как же у комара мочу и кал посчитать?

Этого Лудо не знал. Запутавшись в расчётах, он стал смущённо прикуривать косяк, услужливо поданный Ёпом.

Щепотка кокса в ноздрю вернула Коке силу и чувство, что и он не последний человек на этом свете, может за себя постоять. “А что, в конце концов?.. Много будет Сатана выёбываться – пырну его ножом и сбегу в Париж, и всё, ораера! Разве я, в конце концов, не способен на такое?” – хорохорился он, хотя в душе знал, что даже по лицу ударить человека для него – проблема, от которой пришлось отучаться в неизбежных районных стычках, где “пирвели мушти”, “первым кулаком”, всегда были те, кто мог без сожалений первым ударить противника в лицо.

Кока мял кусочек гашиша, вдыхая любимый запах. Шалые мысли бродили в его утомлённой голове. Уехать далеко, тихо там сидеть. Героин бросить, дурь курить, в море купаться, с бабами хороводиться... Как Лясик говорит, свой эрекционер холить и спермограмму наблюдать... Тридцать тысяч надолго хватит. Если в месяц тысячу тратить, то это тридцать месяцев выходит, два с половиной года. За это время Сатану точно посадят. “А потом, когда бабки кончатся?.. Посуду в баре мыть?.. Что я умею?.. Ничего!.. Моим дипломом даже не подтереться – коленкор не позволит! – с горечью думалось ему. – И как уехать, если Интерпол ищет?.. Паспорт-то есть, в Париже спрятан, но какая от этого польза, если его нельзя нигде показывать, а то повяжут?.. Всюду плохо... Катастрофа...”

Ещё одна затычка прибавила Коке смелости. Не стоит падать духом. В конце концов, никто пока не в полиции, не в больнице, не в морге. И Арчил потерю этих денег переживёт, куда денется! Даром, что ли, такой толстенький да гладенький стал! И эти тридцать тысяч явно не последние у его папочки! Нечасто такая удача с неба падает – тридцать тысяч! Ими надо распорядиться по уму! “Хрен кому их отдам! Всё себе возьму! Выпишу Тею из Тбилиси, поедом на Канары...”

После очередного косяка Кока отяжелел. Навалилось безразличие. Он осоловело слушал, как Ёп доказывал, что не сегодня завтра летательные аппараты будут двигаться со скоростью света, а Лудо был настроен скептически – быстрее света ничего нет, и если такие самолёты появятся, они будут биться и создавать хаос в аэропортах.

– Он быстрее света прилетит – а диспетчер его не увидит! И вообще – почему Бог, создав нашу систему из десяти планет, заселил только одну?.. Камней и воды жалко?.. Зачем он, как прижимистый домовладелец, держит запертыми девять квартир и заставляет жильцов тесниться в одной, да ещё в самой малой комнатухе? Мог бы и на других планетах расселить, – запальчиво спрашивал Лудо, с чем Ёп вполне соглашался:

– Правильно! Тогда бы всем места хватило! И все бы жили, как кому нравится. На чёрном Плутоне – негроиды! На красном Марсе – краснокожие! На жёлтом Юпитере – косоглазые. На Нептуне – “зелёные”. На Уране – “коричневые”. На Венере – геи и лесбы. А на Земле пусть господствует белая раса, самая умная!

Кока, вспомнив араба, вытолкавшего его с фальшаком, поддакнул:

– И мусульман можно послать куда подальше, на Протоновы кольца, пусть там аллаху по пять раз в день всей планетой молятся!

Потом Ёп и Лудо стали обсуждать полезность и жирность материнского молока – по радио недавно рассказали, что некий пронырливый хозяин кафе в Нью-Йорке решил делать сыр из молока своей кормящей жены (у той было слишком много, девать некуда). Обозначил в меню как “Сыр из материнского молока”, и теперь отбоя нет от клиентов, желающих пола-

комиться экзотикой, на вкус напоминающей сладкий сыр. Приходила полиция, пыталась подвести это дело под статью “каннибализм”. Но судья не знал, что делать, – вызвал эксперта по маммологии, учению о вымени, но и тот не мог определить степень вины хитрого молочника. Да и кого, в сущности, винить? Мать, которая отцеживает лишнее молоко? Мужа, который сбивает это молоко, делает сыр и продаёт его?.. И по какой статье?.. Адвокат у молочника оказался ушлый и дошлый, толкнул речь, где венцом был факт того, что все христиане – априори каннибалы, ибо каждую неделю едят в церквях тело Христово и пьют Его кровь. Так в чём же грех делать или есть сыр из материнского молока? И Богоматерь грудью кормила Спасителя, посему на моём подзащитном нет никакой вины! И судья отпустил молочника под залог, напоследок строго предупредив не забывать платить налоги с этого весьма странного бизнеса. Так и стоит очередь в кафе за сладким сыром...

Вдруг возле запертой дверцы во дворик возникла фигура. Слабо освещена, но слышна: тихо бряцает щеколдой, пытаясь открыть дверцу.

Кока остолбенел: “Сатана? Полиция? Курьер?”

– Лудо, кто там?

Лудо бесстрашно отправился в темноту. О чём-то тихо поговорил. Фигура исчезла, а Лудо вернулся.

– Псих какой-то.

– Что ему надо? Кого искал? Он был в фуражке?

– Да. Искал хоспис.

– Это дешёвая гостиница?

– Нет, это место, где умирают. А гостиница – это хостел.

Коке стало страшно. Кто умирает? Где? Кто преследует его? Что за тип? Ищет хоспис, где люди умирают! Этого не хватает! Пусть сам подохнет, проклятый!

Он обратился к Лудо:

– Брат, я что-то неважно себя чувствую. Переночую сегодня в подвале? А завтра решу, что делать. Вот тебе ещё деньги, купи завтра нам еды! – вытащил наобум очередную стогульденную.

Лудо живо спрятал деньги в пистончик и пошёл за одеялом и подушкой.

Получив бельё от Лудо и вдобавок надувной матрас от Ёпа, Кока шатким шагом отправился в подвал. Кое-как устроился, согнав с лежбища кошку Кесси, но та не ушла, села в углу и вожаденно следила за ним, надеясь залечь в тёплых ногах этого доброго человека, давшего ей полрыбы.

Ночной косячок утихомирил Коку. Но он не забыл спрятать оба конверта с деньгами на самой дальней полке, под деревянными чурками, предварительно вытащив наугад несколько купюр – “на завтра”. Хотя завтра... Завтра надо искать Арчила и возвращать деньги, чего очень не хотелось. Ещё меньше хотелось ехать к Сатане и Нугзару и отдавать деньги с гордым видом подельника! И с ними эти деньги потратить! А что? Они Коку особо не донимали. Кока тоже знал своё место, не вылезал без повода. А так бы встал с ними вровень. Что он теряет? Для Арчила-Рыжика эти деньги по-любому потеряны. Хищник так и сделал бы...

И Кока стал представлять себе, как они втроём тратят эти деньги: Сатана будет хлопать его по плечу, кричать “Ма-ла-дэц! Джигари хар⁵⁴! Дэ-мо-кра-ци-а!” и заказывать пять порций супа, а Нугзар улыбнётся, назовёт партнёром и предложит сыграть партию в нарды... Не каждому удастся играть в нарды с вором в законе, хоть и бывшим. Но бывший, не бывший – разве это меняет дело?.. Нугзар – тот, кто он есть. И тому не поздоровится, кто с ним свяжется, о чём в Тбилиси все прекрасно знают.

⁵⁴ Ты крепкий парень (*груз.*).

Потом мысли потекли обходными путями. А если сказать Арчилу, что его, Коку, Нугзар и Сатана выловили и отняли деньги? Что Арчил сделает?.. А что он может сделать?.. Будет искать Сатану или Нугзара, чтобы спросить у них: “Вы мои тридцать тысяч отобрали у Коки?” Вряд ли! Он их боится как огня! Да, так есть шанс сохранить все деньги! Маленькая ложь родит большой куш. Соблазнительно! Но сомнительно. Надо всем лгать, а это Коке с детства давалось с трудом...

Он вставал, пил воду, оглядывался. Лунный свет проникал через окошко. Ему казалось, что предметы ожили и подслушивают его мысли. Электрическая розетка укоризненно пялится своим носом-пяточком. Морщинистые полки с дощечками хмуро предостерегают от чего-то. Тиски на верстаке что-то бормочут крутыми жвалами. Табуретка поскрипывает, словно на ней кто-то ёрзает. Убогий самодельный абажур похож на повешенного вниз головой младенца. Банки с красками тускло и затаённо шепчутся на верстаке...

Он лежал в полудрёме. Мысли расползались, как муравьи от кипятка.

Вдруг возник перезвон колоколов. И звон этот очистил Коку от всего лишнего, заставил звенеть вместе со звуками. Или это просто в ушах звенит?..

Под звон родилась новая идея: а что, если найти Арчила Тугуши в гостинице, пусть он скажет папе по телефону, что деньги отняли, а на самом деле вместе потратить их на сладкую жизнь? Жить – так жить! Когда ещё такая сумма подвернётся?.. А если Арчил заупрямится и скажет: “Давай деньги?..” Что тогда?.. Идти в свои нищие трущобы?..

И с этим ворохом мыслей под урчание кошки Кесси Кока провалился в полуявь-полусон. Слышал чьи-то голоса, смех, плач, но никак не мог понять, где он и что с ним происходит.

9. Подкидон

Утром Кока проснулся от щекотания в носу – неугомонная Кесси подняла пыль, поудобнее укладываясь у него в ногах.

Косые лучики скромно-пугливого солнца освещали верстак, банки с красками и кистями, стопки дощечек, тиски.

Из слухового окошка доносились голоса Ёпа и Лудо. Слышны были слова “*dinosaurus*”, “*ei*”, “*eiwit*”, “*dooier*”⁵⁵ и щелчки открываемых банок с пивом.

Кока прислушался.

Ага, понял он, продолжается обсуждение вчерашней проблемы, из-за которой психи ночью чуть не подрались: что первично – яйцо или динозавр? Лудо стоял за первичность яйца, поскольку оно проще по составу – желток, белок. Ёп возражал, что яйцо без скорлупы не могло сформироваться – растеклось бы по земле, а скорлупа производится динозавром.

– Во-первых, как белок обернул желток? Во-вторых, кто вложил туда генный код? Как из этой яичницы вылезает динозаврёнок с перьями, когтями, головой, гребешком, инстинктами и способностью нести такие же яйца? В-третьих, откуда взялась скорлупа из кальция? Выходит, динозавр – это целый сложный мир! Космос! Кстати, скорлупа помогает при кариесе, ожогах, поносе...

Лудо язвительно парировал, что он твёрдо уверен: в природе простое всегда возникало раньше сложного, и он не может себе представить, чтобы яйца появились позже птиц. И вообще, всё началось с яйца, какого бы вида и типа оно ни было! Да сама Земля – приплюснутое яйцо: сверху скорлупа коры, потом – белок мантии, а в ядре – желток магмы.

Кока успокоился и стал представлять себе, как неведомое Нечто в каждый желток заботливо вкладывают нужную информацию. “Это сколько же информации я съел в виде яичниц и варёных яиц? Сколько же глаз у этого Нечто, сколько рук, чтобы творить день и ночь, создавая каждый ноготок и пёрышко, крылышко и хвостик?..”

Он сел, шикнул на кошку – та выглядела лучше, глаже. Ещё бы! С тех пор как Кока разбогател, во дворе постоянно ели и пили, и ей перепало вдоволь.

Яйца! Динозавр! Скорлупа! Что ему надо тут, в этом подвале? У него же денег полно! Сидя на тюфяке, он проверил карманы. Вот последний комочек! Недолго думая, сглотнул зелье, запив водой из банки.

Но заботы не ушли. И первая была – ломка. Она скоро настигнет его. Вторая – что делать с деньгами? Где искать Арчила Тугуши? И искать ли?..

Кока покинул матрас, вылез из подвала.

– Привет, философы! Доброе утро!

– Какое утро, скоро день кончится! – сказал Ёп и продолжал беседу: – Вот Лудо давеча утверждал, что жизнь вышла из моря. А вот как она вышла? Просто так – захотела, взяла и вышла? Кто и, главное, когда создавал лёгкие у рыб, чтобы они могли выйти на сушу, – когда жизнь была ещё в воде или уже когда рыба вышла на воздух? Но с лёгкими рыба захлебнётся в воде, а без лёгких – задохнётся на суше! И когда у неё отмер плавательный пузырь – ещё в воде или уже на суше? Про ноги из плавников и уши из жабр уже и не говорю...

– Не пора ли позавтракать? – Кока выразительно посмотрел на пустые пивные банки.

– Сейчас съезжу, – вскочил Ёп. – Что привезти?

⁵⁵ Динозавр, яйцо, белок, желток (*нидерл.*).

– Десяток яиц и динозавра с перьями! – пошутил Кока. – Да что хочешь. И пару бутылок вина не помешает. Кстати, я один раз бухой в Тбилиси на рынке поскользнулся и грохнулся на стопку картонок с яйцами, разом разбил тысячу!

Посмеялись, хотя Коке тогда было не до смеха: базарные торговки подняли визг, стали звать ментов, пришлось отдавать в залог паспорт и привозить деньги за всю эту проклятую тысячу нерождённых цыплят.

Долговязый Ёп взгромоздился на свой дамский велосипед с увесистой корзиной на багажнике и отбыл в магазин.

Кока попросил у Лудо разрешения принять душ, тот величаво дал согласие.

– Конечно! А я пока тут приберу... – И начал собирать пустые банки в пластиковый мешок.

Пока Кока мылся, проглоченный комочек исправил ему настроение, но сквозь весёлые нотки проступало недовольство: почему он должен спать по подвалам, побираться по чужим углам, почему не может жить спокойно дома, в Тбилиси, где бабушка потрёт спину и приготовит любимые кучмачи с гранатом? Да, правильно говорит Сатана, пошла эта Европа на хрен! Надо брать эти тридцать тысяч и дёргать домой, в Тбилиси, а там разбираться. Но... Ему доверили деньги, а он что?.. Сбежал?.. Так не годится!.. По-блядски выходит!.. Да ещё через пару часов начнётся ломка, когда душа будет вытрясена из тела и – скомкана, изорвана, изломана – станет валяться в грязи и нечистотах... Надо искать лекарство. Но где? Идти на пяточок? Там подсунут неизвестно что! Надо найти Лясика, у него под фикусом зарыт пакетик. Потом с Лястиком ехать в отель, искать Арчила-Рыжика...

Во дворе Кока увидел, как Лудо отошёл к изгороди и что-то шепчет в стакан, как в микрофон.

– Ты чего?

Лудо недовольно шикнул, ещё что-то прошептал, а потом тихо объяснил:

– Мы с Ёпом делаем опыт. Ёп утверждает, что вода имеет память. Проверим сейчас. Я сказал что-то воде. Пусть теперь Ёп, когда вернётся, выпьет эту воду и узнает, что я сказал...

Кока удивился сдвинутости по фазе – это надо же: память воды!

– А алкоголь тоже... того... всё это может? – с иронией переспросил он.

Лудо безмятежно, но твёрдо ответил:

– Нет, алкоголь не может, он полностью пьян, спит. А воде – миллиарды лет. Мы сейчас купаемся в той же воде, в какой плавали ихтиозавры!

– Как? – Кока открыл рот.

– А так. Вода, как и золото, внеземного происхождения! Её на землю доставили богатые водой метеориты...

– Чего? Врёшь! – не поверил Кока. – Это сколько же метеоритов надо, чтобы заполнить океаны, создать реки, озёра?

Лудо снисходительно усмехнулся:

– Почитай литературу. Вода – внеземна. И тяга к воде превосходит страх смерти, поэтому хищники стерегут добычу возле рек, куда она сама, своими копытами, приходит, ибо больше идти некуда – или вода, или смерть от жажды... ну, и лапы хищника, кому не повезёт в этот день и час на этом водопое...

Вернулся Ёп.

Понавёз кучу не пойми чего: круассаны вперемешку с зелёным горошком, киви, молодой чеснок, селёдку в булочках, невзрачные салаты, манго.

Коку от вида всего этого воротило. Он решил уйти, несмотря на бутылку какой-то овощной водки в восемнадцать градусов. Получив разрешение позвонить, ушёл к Лудо в домик и набрал номер Лясика.

Лясик отозвался, но кисло:

– А, ты... Я как?.. Оклемаюсь... Ничего хорошего... Менты были, все товары с бирками из дома изъяли... Как скифы нажились... Попало в хлебало!.. Голые стены теперь, как в камере... Когда я подышал, менты усекли и в угрозыск информацию скинули... Что, зайти?.. Есть интересная новость?.. Ну, заходи, только побыстрее, Лита с работы может раньше прийти, сегодня пятница... Тогда мне несдобровать... Что-то лютует она последнее время, сил нет терпеть... Лютая Лита!.. Очевидно, идёт передел сфер влияния!.. Так сказать, свадебный маршбросок!.. И боюсь, как бы мне не пришлось условно-досрочно увольняться!..

– Приду через полчаса, развлеку тебя.

Во дворе Ёп и Лудо суетились возле пня, раскладывали продукты.

– Что, Ёп выпил воду? Угадал?

Лудо радостно отмахнулся:

– Куда там! Я загадал три слова: “горы”, “геология”, “каннабис”, а он выпил и сказал: “Свобода, равенство, братство”. Не угадал!

Ёп смущённо крутил пустой стакан. Не угадал. Наверное, рябь пошла по воде... И вода забыла... Или отвлеклась... Если она слышит не только говорящего, но и всё вокруг, тогда ей, бедной, вообще трудно приходится – такой хаос звуков кругом! Но всё равно, учёные это доказали: давали воде разные информации и замораживали её, и каждый раз кристаллы складывались по-разному, из чего был сделан вывод, что кристаллы играют роль нейронов.

Кока уклонился от дальнейшего обсуждения этой проблемы, а от овощной водки решил всё-таки не отказываться.

– Давай, одну... Фу... Ну и гадость! В ней уж точно память о гнилой редиске сидит! – бормотнул, отщипнув кусок от круассана и слушая, как Лудо рассказывает про двух русских богачей, которые в Амстердаме, в ресторане *Krasnapolsky*, заказали бутылку водки “Абсолют”, а их не поняли и выкатили им на столике с бенгальскими огнями тридцать пять стопок по двадцать граммов каждая. Зал хлопал и веселился до тех пор, пока один из взбешённых богачей не опрокинул столик ногой, после чего дело завершила полиция, увезя дебоширов в отделение.

– Советские очень агрессивны!

– Американцы тоже агрессивны!

– Весь Восточный блок агрессивен!

Пока ели, дискуссионты перешли от агрессии человеческой к агрессии звериной.

– Свирепость – главное видовое отличие любого плотоядного. Звери не ошибаются, они всегда делают именно то, что надо сделать в данный момент, – утверждал Ёп.

Но Лудо был против:

– Да? А почему тогда лев режет газель, если газель всегда всё правильно делает?

Ёп ответил, что однажды в жизни цепь прерывается, правильное для газели сталкивается с правильным для льва, и правильное льва побеждает, ибо Бог дал ему силу, клыки и когти, а газели получили от Господа почему-то только копыта, бесполезные рога и вечный страх.

– Кто ответит за такую несправедливость?

Лудо обобщил:

– По-твоему, выходит, что наличие хищников на земле – это признак отсутствия на небе Бога доброго и разумного?

– Ладно. Мне пора! – вскинулся Кока и направился к остановке такси возле церквушки.

Дверь долго не открывали.

Лясик выглядел пришибленным.

– Заходи... Хвоста нет?.. – без особого расположения буркнул он, отступив в сторону. От него несло алкоголем.

Кока тщательно вытер ноги о половик с бывшими белыми медведями.

– Какой хвост? Что с тобой?

Лясик скривился.

– Да херово всё. Вот, полюбуйся!.. Пусто!.. – повёл он рукой. – Влачу, как скарабей, свой жалкий жребий! Соображалку глючит от проблем! Получил от Голландии по пищальнику! Лом в облом! В лом!

Комната была нага: на стенах скорбными скелетами висели пустые вешалки. Исчезли телевизоры, стопки джинсов, *CD*-плееры, весь ворованный скарб. На столе осталась сиротливая бутылка коньяка и рюмка. Лясик изрядно пьян. Машет руками, поминутно ворошит тарзанью копну смоляных волос, сквернословит, в голос икает, не забывая каждый раз извиняться.

Коке стало жаль Лясика.

– Ну, хочешь, в поездку рванём, в Испанию или в Италию? Бабки я достану, – добавил он снисходительно, что удивило Лясика:

– Чего?.. Ты – и бабки?.. Что такого слышу я, сударь мой златоглавый? Какие бабки ты достанешь?

– А вот такие! – И Кока, не без хвастливой ухмылки, вытащил из кармана веером несколько стогульденовых.

Лясик присмотрелся одним глазом.

– Фальшаки?

– Проверь на ощупь.

– Зачем скитаться впотьмах? У меня машинка есть. Её почему-то не забрали, дундуки. В Академии наук заседает князь Дундук! Это про них, про дебилоидов голландцев, тугих умом, сказано. Ну скажи, зачем у честного человека в доме должна быть машинка для проверки денег? А? – Лясик пропустил через машинку купюры. – Настоящие! Подлинные! Что, бабушка наследство оставила? В стуле нашёл? Ограбил кого? Кинул? Украл?

– От верблюда, – вежливо ответил Кока, ещё не решивший, говорить ли Лясику о деньгах. И нашёлся: – Знакомых встретил. Земляки подогрели. Приехали машины покупать, я им помог объясняться. Дали провизион. Моя бабушка Мея-бэбо говорит: если у ребёнка нет денег – это плохо, но куда хуже, если они у него есть...

– Святое дело! – кивнул Лясик. – А я на мели! Видишь, у тебя хорошие одноземцы, а у меня – херовые. Никто меня не греет! Вы, грузины, доброжелательны и вежливы, а мы угрюмы и хамовиты. Вот только сейчас подельник звонил из Москвы. – Лясик пнул ногой телефон на полу. – Я ему дал кое-какие цацки и побрякушки продать – так он звонит и говорит, что потерял всё по пьянке! Иди и проверь! О, весьма опасная страна! Не знаешь, где рванёт! Что за комиссия, создатель! Потому я оттуда и свалил. Терпеть не могу хамства, хотя и сам – изрядный хам, что, впрочем, логично! Пусть гарь отечества нюхает, кто хочет, а мне хватит! Мужичьё сиволапое! Ничего, кроме плётки, не видели, а туда же – сидят-рядят, капитализму строят, будто что-то понимают! Клизма капитализма, полная харизма! Весь Совок – задворки Европы. У Антонио Грамши перчатки из замши! Хорошо, что Совок рухнул, одним монстром меньше!

– Успокойся, чего ты дёргаешься? Ты ж сбежал оттуда – чего тебе ещё? – вставил Кока, видя, как возбуждён Лясик.

Но тот был явно в плохом настроении. Разлил водку в две рюмки, выпил.

– А то и дёргаюсь, что это моя родина! Что, человеческих чувств у меня ты не предполагаешь?.. Ведь Россия скорее развалится на княжества, чем изменит свои дремучие кондовые воззрения, ибо тип мышления – ордынский, византийско-татарский! Триста лет рабства даром не проходят! По всему генному коду раскиданы! И угрюмость оттуда, и неверие в законы и суды, и страсть к воровству: пока монголы спят – что-нибудь спереть! Для нас закон – это ловушка, капкан, это то, что надо с детства уметь обходить, обманывать, игнорировать, нарушать! Но! – вдруг замер он, подняв палец. – Тебе, как инородцу, этого говорить нельзя, а мне

можно, я сам такой! Вот скажи мне, почему во всех православных религиях человек назван “дитя Божие” и только в русской – “раб Божий”?.. То-то!.. Раб!.. Мой дед-академик говорил, что у Китая есть тайный план мирного захвата Сибири... Очень может быть. Но вначале разворуют на пару с китайцами всё, что в руки пойдёт. А бабки сюда, на Запад, отправят. Следом и сами явятся. Полно уже тут таких умников! Недаром шутят: от Совка в истории человечества останутся только Сталин и Гагарин, один – адский сатана, другой – райский ангел!

– Ладно, не прибедняйся! Твоя Россия и так захватила много чего, что ей никогда не принадлежало! В том числе весь Кавказ и ордынские земли, – напомнил Кока, выпивая без удовольствия свою рюмку.

Лясик вдруг горделиво приосанился.

– Это да! Это мы умеем! Мы на сбор металлолома дружно вышли все из дома! Ты здесь хозяин, а не гость, тащи спокойно каждый гвоздь! Если уж просыпаемся и слезаем с печи, то считаем всё на своём пути, вроде Ельцина, который умудрился бомбить своё правительство! Это что, какой век у нас, ау?.. Впрочем, всегда так было. Русская триада – это “тоска-воровство-водка”. Совок тужился и пыжился, а вышел пшик с маслом, но стоил 20 миллионов жизней, а это, прикинь, четыреста полных стадионов, если кто не понял! Один ваш Сталин вместе с вашими подонками типа Берии, Орджоникидзе, Енукидзе и их кавказскими дружинами и друганами сколько жизней сожрал и не подавился, а? – Лясик, плеснув себе водки, теперь накинудся на Коку: – От вашего проклятого Кобы всё пошло! Это всё вы, грузины и узбеки, испортили русских взятками! Вагонами возили коньяк и всякое другое! Вот, пожалуйста! Вы – мастера словоблудия! Бла-бла-бла – и всё! Поговорить за столом вас хватает, но и только!

– Ох, бедные русские, не знали до грузин, что такое взятка! Не смейся! – огрызнулся Кока. – Мы хоть говорим за столом, а вы под столом уже через час все лежите! Интересно, а почему вы, лохи, отдали власть грузину? Что, своих кровососов не хватало? Больше, чем концлагерщик Троцкий и Дзержинский, серийный убийца, кто людей загубил? ЧК где родилась? В Грузии? Нет, в России, где всегда правила опричнина! Кто придумал взрывать себя бомбами? Арабы? Нет, русские народовольцы! Весь террор от вас пошёл! Подожди, придёт ещё время, когда ваша страна в мире ничего, кроме презрения и брезгливости, вызывать не будет! – пригрозил напоследок.

Лясик безнадежно махнул рукой:

– Эх... Сто лет строили косноязычный, кособокий и кривой, убогий деревенский социализм, без колбасы и туалетной бумаги, а рухнул он за три дня. Что теперь строить будут? Интересно посмотреть – издали, разумеется! Сейчас очередные бесы будут толкать Россию к очередной бездне. Об этом сказано: “Звёздам числа нет, бездне – дна...” Ну и поделом. Заслужили. Раздолбайская страна, всё профукала, что цари собирали веками! Свой генофонд истребила! Ценности разворовала! В одном Питере бриллиантов было больше, чем во всей Европе! А теперь лапу сосёт! Попомни мои слова: скоро все нормальные люди оттуда сдриснут, останутся только подлецы и лохи, и подлецы будут владеть лохами, как рабами! Пера Кольки Гоголя не хватает! Или Вани Грозного кулака! – обзлётно заключил он, опрокинув в глотку очередную рюмку.

Чтобы прервать этот поток и заняться поисками пакетика, Кока великодушно протянул ему одну купюру:

– Успокойся! Возьми столик! Понадобится!

Лясик суетливо спрятал деньги в карман халата.

– Спасибо, очень кстати. Ты – вылитый дед Штукар! Истинный христианин! Я тебя фальшаками грел, а ты меня – настоящими. Есть разница?

– Что есть – тем и греем, – скромно заметил Кока, выходя на балкон.

Фикус на месте. Но что это? Земля в кадке влажная! И какая-то серебристая!

– Лясик, почему земля в кадке мокрая?

- Наверно, Лита уборку делала, полила, – безучастно ответил Лясик. – А что?
- Дай лопаточку или нож.

Взрыхлил землю. Вот пакетик, вот и кусок плохой дури.

- Что это? – Лясик оторопело смотрел на пакетик.
- Я, когда ты умер, зарыл его сюда. Это Барана героин.
- Значит, хороший, не ершённый.

Стали осматривать пакетик – он был покрыт какой-то плесенью. Осторожно открыли, высыпали на стол. На вид ничего, нормальный, только отливал голубоватым. Кока заволновался:

- Что-то не то!

Но Лясик, буркнув:

– Ах, ерунда! Христос терпел и нам велел! – скрутил полученную стогульденовую, отодвинул себе колейку и зычно втянул. Поднял большой палец: – Всё о'кей! – и передал купюру Коке. – Не бойся! Дальше смерти не умрёшь!

Кока отодвинул себе малую бороздку, пробормотав: “Я уже сегодня шматочек съел”, – втянул порошок, расправил плечи и приступил к тому, что его беспокоило.

- Ляс, пошли выйдем. Надо одного человека в гостинице найти. На такси поедem!

Но Лясик отмахнулся:

– Какого ещё человека, достопочтимый? Мне и в кресле хорошо! Даже шелест крыл ангела действует мне на нервы! Это Мармеладов сетовал, чтоб каждому было куда идти. А по мне, так высшее счастье – когда никуда идти не надо, когда можно оставаться там, где ты есть. Что может быть интереснее путешествий в самого себя? Особенно с помощью подручных средств, коих в благословенной Голландии полно! Там, там, во чреве своём, обнаружишь много неожиданного. Сады Семирамиды... Колосс Родосский... У меня с детства, как только я прочитал книжку о древних странах, возникла мечта: проснуться однажды в Вавилоне. Почему именно проснуться, а не заснуть, и почему именно в Вавилоне, а не в Дамаске, Иерихоне или Уре Халдейском?.. Не знаю. Открываю глаза... Что я вижу?.. Что я слышу?.. Что обоняю?.. Кто вокруг меня?.. Тайна...

Но Кока настаивал:

- Деньги видел? Если человека в гостинице найдём – ещё больше будет.
- А чего бы тебе самому не пойти? – подозрительно уставился на него Лясик.

Кока развёл руками:

- Мне там показываться нельзя! Но денег может быть много.
- Этот аргумент подействовал на Лясика.
- И что надо? Таской и лаской добиться чего-нибудь?
- Только поехать в *Novotel* около аэропорта и человека вывести.

– О, как далеко! А ближе нигде деньги не раздают? – недовольно взьерошил Лясик волосы. – А? Где-нибудь тут, за углом? Надо Барану позвонить, на нём поехать. Он уже купил новое авто. Только звонить побыстрее, не ровён час Лита придёт, сегодня пятница. Как даст по башке – так отъедешь на горшке, как любит повторять наш уважаемый Баран, ходячая лоботомия!

– А как его вообще зовут? Как-то неудобно человеку в лицо “Баран” говорить! – спросил Кока, но Лясик пожал плечами:

- Не знаю. Он привык, наверно. С детства же называют, фамилия такая... несчастливая... Лясик набрал номер. Баран обещал приехать.

Пока ждали Барана, Лясик рассказал, что провалялся в больнице пару дней, его так и эдак обследовали, всё в норме. Вчера выписался. Менты в больницу приходили, передозом не интересовались, а вот насчёт вещей с бирками спрашивали упорно. А наутро явились на хату

с ордером и всё увезли на опознание, хотя чего они там будут опознавать? Купил – и всё. А бирки – что? Ещё не успел примерить. Да, у меня мания, я шопоголик. Платил наличными. А кэш у меня от учеников, коих учу игре на гитаре, – вот документы.

Кока неожиданно для самого себя предложил:

– А давай уедем в Грузию. Всегда все на Кавказе прятались.

Лясик замер.

– В Грузию? Как Лермонтович, Пушкинянц или Грибоедадзе? А что там делать? Курить ничего нормального нет, за опиаты сажают. Воровать тоже нечего. Война, сам говорил, беженцы, разруха, купоны...

Но Кока продолжал, загоровшись идеей:

– Мне мамин двоюродный брат, Шалва, умер недавно, оставил ГАЗ-21, в гараже стоит. Сядем и в Азию за дурью поедem! – разошёлся он. Это была его мечта детства – самому побывать в сказочной Азии, о которой столько интересного рассказывали наркуши.

– И что мы будем со старой “Волгой” делать? Сейчас в Совке все на битые немецкие машины бросаются, а тут мы со сталинской “Волгой”... – Лясик насмешливо посмотрел на Коку. – А, Кока-недотрога? Скипидар и скопидом скопом строят новый дом?

Кока воодушевился:

– Поедем в Азию, они там любят старые “Волги”, по полям ездить, коноплю собирать. Машину на дурь сменяем.

– А на хера мне эти приключения? У меня дурь на углу продаётся, были б деньги. Лучше уж эту “Волгу” сюда, в Нидерланды, пригнать, каким-нибудь коллекционерам загнать. Да и паспорта у меня нет – менты забрали, сижу под подпиской.

– В Азии дурь лучше, чем здесь. Там дедушки-бабаи для сыновей и внуков самый крутяк трясут, такого тут нет, – выложил последний аргумент Кока.

Лясик неожиданно согласился.

– В этом ты прав. Хорошую дурь искать надо. Вот Хасан рассказывал: в Марокко из ста килограммов сухой конопли они натрясут два-три кило шмали-бомбы, её курят сами. Ещё кило десять хорошей дури – родным и близким на обкурку. А остальное – на продажу! О, я был в Марокко! Это фантастическая страна, вся из красного камня! Там, там происходила битва титанов с титанами! Атлантов и кариатид!

– Гигантов и циклопов! – поддакнул Кока.

Лясик занюхал ещё немного. Его понесло.

– Твоя идея прокатиться на “Волге” в Среднюю Азию имеет смысл! Возьмём с собой Барана, он на всех языках разговаривать может, сам ведь из Казахстана. Да там много и не надо, даже я знаю: “салам алейкум” – здравствуйте, “йок” – нет, “шугран” – спасибо, “иншалла” – дай бог, “шайтан” – дьявол, “аллах акбар” – всё хорошо, аллах велик. Разве не хватит? Ну, “бак-шиш” ещё, чтобы аборигены накинули немного сверху. А ты знаешь, что недавно, на годовщину свадьбы, мы с Литой полетели на остров Фиджи? Однорукий Билли, сосед, подсказал – райское, говорит, место, хотя там раньше каннибалы жили. Дал нам адрес пастора, у которого он когда-то жил. И мы полетели. Вояж оказался незабываем! Я нем, как Полифем, от восторга! Ну и Лита там развернулась. Это не Лита, а целая Лилит. Кто? Не знаешь? Лилит, или Ночная тишь, – это первая жена Адама, демоница, её видят мужики, когда друют, она так и вьётся в их бедных корявых мозгах. Адам вовремя её раскусил и сменял на земную Еву, от чего негодяйка Лилит пошла злобно шуровать и куролесить, младенцев жрать и мужиков беспокоить... И вот я думаю, что моя Лита и есть та Лилит! – выдохнул Лясик.

Кока, думая: “Э, куда тебя понесло!” – тоже откатил себе полоску. Но постепенно слова Лясика стали казаться ему очень важными, нужными, интересными. Обязательно надо узнать, как они добивались до этого Фиджи.

Лястик пошевелил рукой, изображая полёт, поворошил тарзанью шевелюру.

– Через Сингапур летели. Сингапур – игрушка, нереален, сказочен. Но не плюнешь, окурка не бросишь – всюду камеры. Что-то игрушечное огромных размеров. Такой огромный детский конструктор! Леголенд! Оттуда полетели на Фиджи, откуда двое суток плыли на наш остров, их там триста штук, на старом баркасе. Снасти скрипят, трещат. Все лежат на палубе от качки и блёва. Мы вообще – единственно белые, остальные – папуасы. На острове ели рыбу, кальмаров, крабов, живых ракушек, пили каву – противный напиток типа пива, а пиво я терпеть не могу, напиток рабов, недаром в России и Германии, ещё более рабской и раболепной, так его любят!

– А мясо у них есть? – Это тоже вдруг стало важно для Коки.

– Да, свиной полно. Лита ела кусок, чуть зуб не сломала, а это оказался коготь кабана! По острову ходят коренастые кряжистые трансвеститы, мужики в юбочках-оборочках, никто не обращает на них внимания. Почему их так много – никто не знает и объяснить не может. Пляжи – фантастикум. На деревьях – огромные птицы. Покачал ветку – птица не улетает, с удивлением смотрит на тебя. Ящерицы выходят со всех сторон. Нетронутая природа. Люди доброжелательны – с другой стороны улицы приветствуют. Кого ни встретить – каждый приветливо и подробно рассказывает, куда он идёт, зачем, какое у него дело, куда вчера ходил его брат, как себя чувствует мама, и всё в таком духе. Христианство в чистом виде. И кстати, много католиков, хотя на иконах вместо лика Богородицы нарисована папуасская прамактерь...

– Где вы жили? В вигваме? В юрте? На сваях?

Лястик перекрестился: слава аллаху, жили хорошо, в хижине у католического пастора. Рыбаки приносили всякую морскую мелочь, рыбешек, осьминогов. Но чем ближе к цивилизации – тем народ испорченнее. Не хотят жить на островах, тянутся в города, острова пустеют. Уже не плавают на каноэ, лень грести, перешли на моторки, для них нужен бензин, и если шхуна с бензином из-за шторма опаздывает или не приплывает, то рыбаки не могут выйти на промысел, сидят голодные. Или кормятся, дети природы, кореньями, кокосами, бананами, ягодами и чёрт-те знает чем ещё...

– Меня что-то подташнивает. И по ногам холодок пробирает, – вдруг прервал сам себя Лястик и заглянул в пакетик. – Порошок, может, подпорчен? Какой-то он... несвежий. От удобений, что ли?

– Какие удобрения? – удивился Кока, тоже чуя в теле ростки тошноты.

– А кто их знает! Лита поливает цветы какой-то химической хернёй, чтоб лучше росли. Ну и фикус, видно, полила, а яд через пластик просочился. Вот те зять, что с него взять!

– Хорошо, что не укололись – хуже б было, – с тоской выдавил Кока, понимая: если химия как-то пробралась в пакетик, тогда жди озноба, температуры, лихорадки, трясись под тремя одеялами, желая умереть, но стараясь выжить.

– Лястик, у тебя пирамидон есть?

– Какой на хрен пирамидон? Пойду-ка я прилягу. – Лястик с трудом перебрался в спальню, залез под одеяло. – Ты ложись там, на диване! Проклятое лекарство! Отравой напиталось! Чуть-чуть поддержало – и на тебе!.. Подкидон!..

Кока свалился на диван, натянул на себя плед. Холод собирался в кристаллы и ранил, резал тело изнутри.

– Лястик, а...

Но он не успел договорить – в замке заворочался ключ, в квартире появилась Лита.

– Это что такое? Опять бардак? Опять порошки? Это что? – кинулась она к столу, одним движением смела всё на пол вместе с бутылкой и рюмками, каблуком раздавила рюмки и растоптала пакетик.

Потом заметила Коку на диване и огрела увесистой сумкой по голове:

– Опять, недоносыш, здесь? Опять моего мужа травить? Сволочь! Вон отсюда!

– Я – что? Я только пришёл! – кричал Кока под ударами Литиной сумки.

Но апогей настал, когда Лита ворвалась в спальню.

– Ах, негодяй! Подонок! Джанки! – набросилась она на Лясика.

Тот лепетал что-то. Кока украдкой поглядывал на пол, где был рассыпан порошок. Нет, вряд ли его собрать...

– Чтoб вы все подошли, проклятые! Спасения от вас нет! Кипятком вас, что ли, травить, как тараканов! Сейчас полицию позову! Мало было тебе ментов, ворюга, аферист, лодырь, уголовник?!

Слышались глухие тумаки, Лястик орал что-то маловразумительное:

– Божья кара! Будь милосердна к павшим! И милость к падшим призывал! Дай передохнуть! Утром – ягодка, вечером – яга! Хватит! Геенна огненная! Кара Господня!

– Я тебе дам гиену! Я тебе покажу каргу! Яга? Ага! – вопила Лита, разъярившись и дубася Лясика чем попало.

Кока, хоть его и подташнивало и обливало изнутри морозом, решил побыстрее ретироваться, что и сделал под крики Литы в свой адрес:

– Пошёл вон отсюда, гадина! Тварь! Чтoб я никогда здесь тебя больше не видела, морфинист проклятый!

Когда Кока выбежал из подъезда, как раз подъехал чёрный джип.

– Чего? А Ляс где? Вас ист лоз?⁵⁶ – выглянул из окна Баран.

– Жена его явилась, Лита! Всё лекарство рассыпала, сейчас Лясика бьёт. Мне сумкой по башке дала, чуть не убила. Кричит, полицию позову! Пакет под фикусом был, Лита поливает с удобрениями, химия просочилась...

– Чего? Где? Схимия? – удивился Баран, ничего не понимая. – Какой фикус-пикус? Значит, пролёт? Нет отравы? Ну гулялово! Моя баба ни в жисть шлехте вёртер⁵⁷ моим кентам не скажет! Сумаседсий баб! Пригрели змейку – а она хватъ за сейку! – От волнения Баран стал шепелявить сильнее.

Кока, стоя возле машины, спросил:

– Есть где купить нормальный?

Баран неопределённо мотнул головой:

– Сам в ломке. Танту Ньюру ждём. Позвони морген-уберморген⁵⁸, должен быть.

– Мне в отель поехать надо. У тебя есть время? – без особых надежд попросил Кока, хотя видел, что Баран в плохом настроении, не чешется и не курит.

Так и есть.

– Чего? Отеля? На хер нужен? Я бессер⁵⁹ поеду к братаны, там раскумарюся. Залезай! До Большой канал довезу.

По дороге ругал всё подряд: Лясика, Литу, себя, свою судьбу. Что ни день – то пролёт! Вот вчера поехали после ресторана в бордель к каким-то чехам. Приехали. Вылез заспанный мужичонка: “Поздно. Все бабы спят. Жену разбужу, если хотите”. А тут и она – зевающая швабра в халате! Только её не хватает! Жена! Ещё бы тещу вывел, паскуда! Посмеялись – тебе, лахудра, надо халат сменить, этот очень уз шмутциг⁶⁰, видать, в малофье стиран! И свалили.

Гнал он на приличной скорости вдоль каналов, распугивая пешеходов и велосипедистов клыкастым блестящим бампером. Крутил бритой головой, попутно рассказывая, что его кент

⁵⁶ От *was ist los* – что случилось? (нем.)

⁵⁷ От *schlechte Wörter* – плохие слова (нем.).

⁵⁸ От *morgen-übermorgen* – завтра-послезавтра (нем.).

⁵⁹ От *besser* – лучше (нем.).

⁶⁰ От *schmutzig* – грязный (нем.).

Сыргак раньше, ещё в Союзе, раз поехал с подельником за дурью на Алтай. Взяли кило три и на обратном пути в Барнауле на вокзале чемодан с дурью в автоматическую камеру хранения положили. Пошли в ресторан, выпили как следует. Вот на поезд идти, а подельник забыл номер...

– Ширф забыл! Прикинь! А без ширфа камера не открыть...

– Шифр? Почему на бумажке не записали?

А потому, что подельник был против бумажки: а ну обыщут менты, найдут бумажку, откроют камеру? “Я запомню, не забуду, даже тебе не скажу”. А как выпил в ресторане – так забыл! То ли 3881, то 8318, то ли 6388!.. Крутит эти номера – ничего не выходит! Камера не открывается! Что делать? К ментам не подойдёшь, не скажешь – “шифр забыли”... Менты обязательно спросят, что в чемодане, чтобы опознать, их это вещи или нет... Что тогда кричать? Да, это наши три кило шмали, вяжите нас, садите на пятнадцать лет?.. А менты вокзальные уже видят, что около камер что-то происходит. Насторожились, как псы в стойке, а подельник совсем взбесился – кулаками по камере бьёт, ругается, то ли плачет, то ли смеётся. Кент Сыргак махнул ментам – мол, выпил человек, я уведу – и еле успел утащить его, плачущего, на поезд. А подельник после всего этого речь потерял, онемел, уже три года слова не говорит.

– Как хунд⁶¹ мунд⁶² откроет, цунге⁶³ свесит и молчит, только горлушко дёргается, как у попугая! Вот же ёб же! Тебе где? Большой канал тут, за угол. Ну, давай! Телефон, звони! – закончил Баран.

Кока вылез. Мощный джип, переваливаясь на камнях мощёной мостовой и разгоняя велосипедистов, покатыл дальше.

А Кока, чувствуя тошноту, но не теряя бодрости, побрёл вдоль канала.

Тихими мышинными тенями мчались молчаливые велосипедисты, но он уже умел уворачиваться от них. Шёл своей дорогой, ведущей неизвестно куда. С завистью заглядывал в открытые окна, с грустью замечая: вот семья сидит у телевизора, вот люди за столом что-то пьют, вот в комнате стоят в кружок голландки с белыми до поросычье розовости лицами, в руках держат бумаги – и поют! Вот это да! Люди радуются жизни – а он на что тратит свою?.. А ведь было когда-то счастье: лето, жара, колебания занавесок под лёгким ветерком, далёкое тьяканье собаки, крики разносчиков, запах свежей сирени и натёртых мастикой полов... Куда оно делось?.. А туда!.. Ему было десять лет, когда отец сбежал с любовницей в Болгарию, а мать вышла замуж за француза-офицера, прибывшего в Тбилиси по каким-то делам. Так Кока остался с бабушкой. Вот куда делась его счастливая семейная жизнь!..

⁶¹ От *Hund* – собака (нем.).

⁶² От *Mund* – рот (нем.).

⁶³ От *Zunge* – язык (нем.).

10. Химера совести

Кока устал. Заметив пустую скамейку, присел, закрыл глаза. Дрожь и морозные иглы в теле начали утихать, но чугунная голова варила медленно. Мысли стало завлакивать заботой: что делать дальше? Вот в кафе – весёлые люди, смеются, пьют что-то. А ты? Как беспризорная собака плетёшься в чужой подвал... Все мысли, силы, дела уходят на добывание проклятого зелья. Сколько это может продолжаться?..

“Пока не поймают!” – сказала в нём злорадное и зловерное “я” (оно всегда следило за Кокой как бы со стороны и в нужный – или ненужный – момент подавало голос). “Остановись, не то жизнь остановит!” – говорила ему Мея-бэбо, а он не понимал. Теперь осознал, какая может быть остановка: тюрьма, психушка, кладбище...

“Неужели?” – ужаснулась душа. Неужели этого не избежать?.. Неужели по-другому жить нельзя? Чтоб и он сидел с людьми в кафе, смеялся их незамысловатым шуткам, пил кофе, а не шастал по подворотням, как шелудивая кошка, в поисках отравы?..

Кока вдруг твёрдо решил, что он должен бросить всё это. Траву можно оставить, но этот героин уже в глотке сидит! Нет, надо завязывать! Отдать деньги Рыжику – и уехать в Тбилиси! Однако второе “я” вкрадчиво напоминало: если завязать, то как избавляться от тягот жизни, ощущать блаженную безмятежную благодать, при коей человек чувствует себя святым в земном раю?

Начали одолевать и другие мысли: а что в Тбилиси делать?.. Толком он ничего не умел. Руки у него, по словам бабушки, росли из разных мест, но только не оттуда, откуда надо. Она называла это “рукожопием”.

Иногда в Коке просыпалась химера совести: все люди работают, рано встают, на службу идут, даже цари и президенты, а что он? Целыми днями занят поисками денег и отравы! Но после воспоминаний о нудной работе с чертежами в Горпроекте... Да существует ли ещё этот Горпроект? После краха Совка всюду бардак – говорят, в тбилисском институте физики в фойе хинкальную открыли, все синхрофазотроны кебабами пропахли, а сотрудники целый день пиво дуют.

“Здесь поймают – будешь хоть в чистой тюрьме сидеть, в пинг-понг играть, телик смотреть, а в Тбилиси залетишь – в Ортачальской тюрьме в пинг-понг тобой играть другие будут! Представь – сидеть в одной камере с Сатаной и такими же, как он!” От этого видения Коку передёрнуло, ибо он знал, что такое камера...

На первом курсе тбилисского политеха Кока за две мастырки анаши загремел в КПЗ на площади Августа Бебеля – его поймали в садике на набережной. И даже дядя Ларик, несмотря на майорские погоны и уважение коллег, ничем помочь не мог – как раз шли очередные строгости по усилению борьбы с наркотиками. Начальник милиции в Ваке (сам позже умерший от передоза) говорил дяде Ларику, что за две мастырки мерзавцу Коке грозят два года, без приговора отпустить не могу, пусть хоть на пятнадцать суток присядет.

– Может, одумается, если не хочет на срок загреметь и педиком стать! Вначале анашу курят, а потом задницу дают, так что не советую! – добавил от себя по-дружески.

Хе, как же, одумается!.. Кока отсидел свои сутки с такими людьми, которые прочли ему весь краткий курс обращения с отравой!

Их было четверо в камере, все – за наркоту. Один – пятикурсник университета, вежливый и замедленный в движениях Заза (потому и не успел выбросить мастырку, когда менты метнулись к нему). Заза просвещал по гашишу и галлюциногенам, которые он попробовал, будучи в гостях у тётки во Флориде. У помощника повара, рачинца Лери (сразу прозванного

Лори⁶⁴), менты буквально изо рта вырвали козью ножку с травой. Он рассказывал больше о конопле – где она растёт, как её собирают, сушат и готовят. Худющий татарин из Нахаловки Хамса (при облаве имел в кармане пачку кодеина) – специалист по опиатам.

Кормили в КПЗ вполне сносно, еду носили из ментовской столовой. Камера – метров десять, туалет снаружи. Общие нары, где все спали в ряд на голых досках, без матрасов и одеял. Стол и скамьи, креплённые к полу. Кран с водой. Параша. За червонец конвойные делали, что просили: брали у родственников на передачу деньги, продукты, одежду, книги, даже как-то транзисторный приёмник принесли, и камера с замиранием сердца слушала Баха, пока вертухаи не забрали. За червонец водили в ментовской душ. Раз обещали принести дурь, взяли деньги, но вместо дури втюхали молотый перец, похожий на гашиш. А что сделаешь? Начальнику тюрьмы не пожалуешься! Словом, жизнь была сносной – молодость всё скрашивала.

С утра, пока Хамса дрых, а Лори читал книгу о здоровой пище, студент Заза любезно, правильным языком будущего специалиста по античной литературе, делился своими знаниями:

– Самый сильный в мире опийный мак растёт в Афгане, а самый бархатный – вокруг города Бенарес в Индии. Вообще, любая дурь – разная, всюду своя, особая. Конопля растёт там, где днём сильное солнце, а ночью – мороз. В основном в горах, хотя на Ямайке, говорят, прямо с куста листья рвут и курят. Траву-марихуану не путать с гашишем, который имеет вид вязкого смолистого вещества. Гашиш тоже разный. Один даёт кайф сразу, но быстро отпускает, другой открывается поздно, зато и держит дольше. А ЛСД... Мы с племянником во Флориде приняли ЛСД на пляже, и я взлетел над океаном, парил вместе с чайками, мог трогать солнечные лучи! А потом чудились страшные острые дыры и железные запахи! А в другой раз чуть не умер от ЛСД – показалось, что на меня обрушиваются орущие книги вперемешку с ярко-красными словами! У нас ЛСД нет, – заключал Заза, а проснувшийся носатый Хамса уже перенимал у него бразды рассказчика, поучающе повествуя о всякой всячине, в том числе и о хитростях ремесла “верблюда”, перевозящего товар (чем, видно, сам и занимался на свободе).

По его словам выходило, что товар лучше всего нести на себе. Если много – прятать товар в чемодане в грязных вещах – авось при обыске побрезгуют ворошить. Когда в аэропорт или на вокзалходишь, ни на кого не смотри, глазами не бегай, в свой билет уткнись или знаки разглядывай, куда идти. Главное – не суетиться, не торопиться, не мельтешить, нервно не дёргаться. Иди прямой дорогой к кассам или в буфет, не топчись на одном месте, не давай ментам себя засечь. Мент тоже человек, ему легче за стоящим человеком наблюдать, чем по делу идущим. Не смотри ментам в глаза, игнорируй, смотри сквозь них. И помни: ты – хороший человек, идёшь по своим хорошим делам, никого не боишься – и всё! – заканчивал Хамса, напутствуя, что главное – не быть худым, небритым, с красными глазами, потным лбом, трясушимися руками и в кайфе.

Всех интересовало, как в суматохе, которой всегда сопровождается процесс покупки дури, узнать, хороший товар продаёт барыга или туфтовый? Хамса важно поднимал палец с траурным ногтем:

– А ты сделай три-четыре затяжки и посмотри – будет сушняк? Если будет, то дурь хорошая. Сушняк – важное дело. Чем сильнее – тем дурь лучше. Позже раскрывается – дольше держит! – поучал он, рассказав, что как-то жарким летом его кенты взяли такую позднюю дурь, покурили, ничего не почувствовали и отправились обратно к барыге выяснять отношения, и только завалились к нему на хату, как их начало разносить: сушняк, слова сказать не могут, мычат “плохая дурь”, а сами в трусах – жара, штаны забыли надеть!

⁶⁴ Лори – копчёная ветчина из горной Рачи.

Никто их не трогал и не беспокоил. На завтрак, часов в девять – десять, конвоиры приносили на каждого по большому ломтю свежего горячего лаваша, кубик масла, кусок сыра, спичечный коробок сахара, чай. Днём – борщ и котлеты, из-за чего всё здание КПЗ провоняло капустой и котлетным духом. К вечеру – манная каша. Жить можно. К тому же постоянно кому-то приносили передачу, так что чай пили свой, с шоколадом и печеньями, борщ ели с чесноком и луком, а ужинали хлебом с колбасой и ветчиной-лори, присылаемой рачинцу Лори, шутя при этом:

– К нам кабана засылают уже копчёного!

– Ничего, за пятнадцать суток с тобой цинга не случится. Джуга Сталин тоже всю жизнь борщ и котлеты ел, – говорил дядя Ларик, навещая Коку в КПЗ и передавая блок сигарет. – Будешь ещё план курить, мерзавец? Хочешь, чтобы твоя мать умерла?

– Нет, что ты! Никогда, ничего! Не хочу! – отнекивался Кока, сам перебирая в мозгу номера телефонов, которые ему оставил Хамса, утром ушедший на свободу и велевший найти его, Хамсу, в Нахаловке, а уж дальше он поможет.

День начинался и заканчивался хором проклятий в адрес неизвестного никому невинного Августа Бебеля, на площади которого они сидели:

– Какая-нибудь гадина была!

– А может, баба – Августа Бебель?

– Чтоб ты, сволочь Бебель, на том свете мучилась!

Пятнадцать суток пролетели быстро, породив новые дружбы и завязки, с которыми было куда легче заниматься поисками отравы. “Краткий курс” оказался очень полезен во всех смыслах – у Коки от диетического питания даже прошли на лице прыщи, не дававшие ему покоя всю юность. Позже он встретил в пивной гостиницы “Иверия” молчуна-рачинца Лори – тот стоял за стойкой, важно разливал пиво, кричал приказы в зев кухни: “Пятьдесят хинкали, пять кебабов! Сорок хинкали, три кебаба, два шашлыка!” – и угостил на славу Коку и его друзей сотней хинкали на огромном подносе. Вежливого Зазу всегда можно было найти на бирже возле первого корпуса университета. А шустрилу Хамсу зарезали в пьяной драке в Кутаиси, в привокзальном ресторане, а труп для отвода глаз бросили под поезд...

Кока очнулся на скамейке возле канала. Шум в ушах мешал думать. Мысли пошли опять по новой. Так отдать Рыжику деньги или нет? Уехать в Париж? Отлежаться у мамы? Но как встречаться с отчимом-полицаем, который давно про Коку всё понял и относился к нему брезгливо, как к дохлой мыши (сам отчим – спортсмен, стрелок и каратист).

Снимать квартиру Кока не мог, а на социал его не сажали – нет французского гражданства. Собственно, и денег у него тоже нет. И никогда не было, хотя странным образом находились, когда требовалось купить травы или таблеток. Тогда деньги возникали из ничего, из чистого усилия воли. В ход шло всё: займы у соседей и знакомых с клятвами скоро вернуть, обманы бабушки, тайная продажа книг из библиотеки и вещиц из серванта. Кока умудрился даже обменять почти новую стиральную машину на триста граммов шмали: подсыпал бабушке снотворное, а ночью курды-носивышки тихо отсоединили и унесли машину. Бабушка утром была крайне удивлена, всё повторяла: “Куда она могла деться? Не выпала же из окна?” – на что Кока пожимал плечами: “Чудеса! Иисус Христос унёс!” Дело так и не открылось, и бабушка всегда ёжится, когда вспоминает об этом чрезвычайно странном случае.

...На небе появились тучки, закрапал дождичек. Настроение упало, не успев подняться. Он поплёлся к психам.

Во дворе застал одного Лудо – тот сидел у пня и что-то ковырял стамеской на дощечке.

– Привет. А где Ёп?

Лудо обстоятельно поправил на голове фуражку с кокардой.

– Мы поссорились. Он ушёл гулять. Нацепил свой дурацкий белый пиджак и отправился. Ты же оставил ему сдачу со стогульденовой? Вот он и ушёл.

– А почему поссорились? – Кока сел напротив.

– Да он, понимаешь ли, утверждает, что львы – дальтоники. А кто это проверял? Если бы были дальтоники, то зебр бы не ловили...

– Зебры чёрно-белые, это дальтоникам ничего, – напомнил Кока.

Лудо подозрительно поглядел на него:

– И ты тоже думаешь, что львы – дальтоники?

– Нет, я так не думаю, – испугался Кока: не дай бог поссориться, тогда ни подвала не будет, ни в туалет сходить.

Лудо отложил дощечку:

– Нет, Ёп не так прост, как кажется. Вот ты у него когда-нибудь в доме бывал?.. Только в кухню заходил?.. А ты зайди в комнату. Пыль в три пальца на всём. Всюду огромные стопки газет, причём вперемешку, старые и новые. Он день и ночь их читает. Какая с утра в руки попадёт – ту и читает до вечера от корки до корки. И это, учти, при том, что он богат! Его отец-миллионер умер, Ёпу, правда, ни единого гульдена не оставил, и теперь он ждёт, когда умрёт мать, чтоб всё ему досталось. Но ему ничего не надо! Ты на его туфли посмотри! Штаны сзади висят, как мешок! Чистый бездомник!

– Он добрый философ, – сказал Кока, тряся по очереди пустые банки.

Лудо окрысился:

– Он добрый разгильдяй! Да, он много знает. Но со львами он перегнул палку.

– Знаешь, а меня в детстве лев чуть не загрыз, – вспомнил Кока.

Лудо опешил:

– Ты что, в детстве в Африке жил? Я думал – в СССР.

– Нет, в зоопарке. Чуть не съел!.. И нам, кстати, не мешает перекусить! – Кока вытащил стогульденовую. – Съездишь, не лень?

Лудо по-доброму разгладил купюру, вынул из-за уха джоинт:

– Покурим – и поеду.

Они взорвали косячок, и Кока рассказал, как было дело.

По воскресеньям, захватив бутерброды, Кока шёл с дедом, охотником и рыболовом, в зоопарк. Причём подгадывали они прийти к кормёжке животных – звери в эти моменты оживляются, а в остальное время апатично лежат в маленьких задрипанных клетках. Это всегда вызывало возмущение деда: “Так мучить зверей! Не могут клетки побольше сделать?” Что в свою очередь удивляло Коку: “Он же охотник, сам зверей убивает, почему вдруг заботится о них?”

Главным аттракционом служил ангар хищников. Там – неизменно тугой запах мочи и рёвы, рыки, визги, вой. Хромой смотритель Валико, от которого разило пивом, а из нагрудного кармана некогда синего халата торчала непременно чекушка, небритый и весёлый, не обращая внимания на людей и зверей, ловко шуровал вилами, просовывая мясо под решётки, то громко покрикивая на беспокойную жеманную гибкую чёрную пантеру: “Давай без глупостей, Далиджан, не то получишь у меня!”, – то увещевая брезгливого и худого тигра Бадри: “Возьми, мой хороший! Бадри! Бадри-джан! Поешь! Почему тебе не нравится печень? Она хорошая! Вон почки свежие! Тебе надо есть! У тебя цирроз! Мясо тебе нельзя, ешь потроха!”, – то почёсывая через прутья свалывшуюся гриву кудлатого седого полуслеплого льва Жермена, уныло лежащего в углу клетки: “Дорогой Жермен, какой ты у нас красавец! Как спал, крысы не беспокоили?” – и лев отвечал ленивым рыком.

В тот день они встретили Валико возле ангара с уже пустым тазом, где плескалась кровавая юшка.

– Что, опоздали? Уже покормил? – спросил дед.

– Нет, пантера осталась. За мясом иду.

Не успели они войти в ангар, как дед, качнувшись, замер, положил Коке руку на плечо так веско, что придавил к земле, и свистяще сказал:

– Тс-с...

И Кока увидел: в клетке льва открыта дверца! И зверь осторожно, уже наполовину вылезши, пробует лапой железную лесенку, а потом, грузно переваливаясь по ступенькам, тяжело спрыгивает на пол!

В ангаре было несколько человек. Дед негромко предупредил:

– Стоять! Замереть! Не бежать! Он старый, сытый! Не пугать!

Его рука тихо задвинула Коку назад, за спину, другая рука медленно выбросила из кармана свёрток с бутербродами в сторону льва.

Лев, вначале шархнувшись от свёртка, начал катать его лапой, освобождая от бумаги, выковыривать колбасу. Иногда он поднимал башку, поглядывая кругом и, очевидно, решая, нет ли тут претендентов на лакомые кусочки.

Таковых не нашлось. Люди стояли как вкопанные, молча. В клетках металась и рыкала голодная пантера Дали.

Тут в ангаре появился Валико с тазом, полным мяса. Увидев льва, выдохнул:

– Э-э-э-э! Ва-а-а! Афи, Жермен! – сунул ему под нос таз с мясом.

Лев Жермен повёлся на запах, оставил хлеб с колбасой. Валико на вытянутых руках понёс таз к клетке. Лев последовал за ним. Валико высыпал мясо в клетку и стал двумя руками втаскивать и вталкивать льва на ступеньки, толкать под зад коленом, говорить что-то непонятное:

– Куше, Жермен!.. Исси!.. Афи!

И лев влез в клетку, обратился к мясу, а маленький Кока почувствовал горячую струйку в штанах. (Второй раз он описался от страха, когда увидел в небе самолёт и услышал, что там сидят люди. “А если они упадут из неба?”)

Что услышал Валико от деда и людей после того, как решётки были задвинуты, Кока не понял: таких слов он тогда ещё не знал.

Когда всё успокоилось, дед спросил у Валико, какие заклинания тот повторял льву.

Валико объяснил, что это приказы на французском языке:

– Афи – на место! Исси – туда! Куше – ложись.

Оказалось, Жермен понимает только их, потому что львёнком попал в Тбилиси с каким-то французским цирком, заболел чумкой, и цирк решил оставить его в зоопарке. Жермена вылечили и посадили в клетку, где он с тех пор и сидит.

– Афи!.. Исси!.. Куше!.. – заключил Кока. – На место! Туда! Ложись!

Дед хотел сделать из Коки охотника и рыбака, – но у мальчика не было желания таскаться по жаре неизвестно зачем, когда на Дезертирке можно купить любую рыбу и мясо. Один раз дед всё-таки взял его с собой “на рыбу”, но из всей рыбалки Коке запомнились только усталость, бесцельное хождение по пустому берегу, тоскливое ожидание еды. Но зато каким вкусным был пити-суп на станции Пойлы, где они после дня бесполезных рыбачьих усилий ожидали поезда на Тбилиси! О, это было великое пити в горшочке! Ароматное, густое, жирное! Из баранины с айвой, картошкой, помидорами, горохом, мятой! Запах и вид этого волшебного горшочка Кока запомнил на всю жизнь...

Вместе с Лудо посмеялись.

– Да, прогресс: дед набивал патроны, а внук – джоинты! – И Лудо укатил за едой и пивом.

Стукнула щеколда, во дворике появился Ёп. В чёрных брюках, белых штиблетах. Белая рубашка с запонками, белый пиджак. Чёрный зонт. Нимб волос.

При виде Коки смутился и хотел юркнуть в свой домик, но Кока окликнул его:

– Эй, Ёп! Я слышал, ты с Лудо поссорился?

Ёп в нерешительности остановился.

– Ну да.

– Из-за чего? Из-за дальтоники-львов? И не стыдно вам? Взрослые люди! Я вас помирю. Лудо поехал за пивом. Садись, он сейчас будет.

Ёп исчез в дверях. Послышался щелчок и тихий бубнёж – что-то записывалось на диктофон. Скоро он вернулся в обычном наряде – драных брюках, резиновых ботах и растянутом свитере.

– Где ты гулял такой красивый? – спросил миролюбиво Кока.

– Я был в кафе с одной дамой. Так, по работе... – Хотя Ёп никогда нигде не работал, да и где мог работать, представить трудно.

– Ну и?.. Дело клеится?.. – Кока показал неприличный жест.

– Какое ещё дело? Ах, это? Нет, глупости! – всполошился Ёп. – Так, посидели просто, поболтали. Она даже того не знала, что чем грива у самца гуще и чернее, тем он сексуально сильнее, у него тестостерона больше.

– Но ты ей объяснил? Как она, нервничала? Волосы со лба убирала? – ухмыльнулся Кока. – Про твою густую гриву не спросила, почему она такая белая? Что, тестостерон иссяк, на нуле?

Ёп приосанился.

– Да, грива густая. А что белая... Это я рано поседел. Мой отец тоже в сорок лет весь белый был.

Добывая джоинт, начатый с Лудо, Кока искренне поинтересовался:

– Слушай, откуда вы всё это знаете?.. Ну, про львов-дальтоники, слонов, китов, акул? Читаете? Смотрите по телевизору? По радио слушаете? Откуда вам всё это известно? Да ещё с названиями по латыни?

Ёп засмеялся. Оказалось, из серии видеокассет, числом до пятнадцати, что он выиграл в лотерею в соседнем кофешопе. Ёп вообще любил играть в разные лотереи, о которых узнавал из газет, и был иногда даже удачлив.

Подъехал Лудо с пивом и жареной камбалой.

Кока подозвал его:

– Лудо, я вас помирю! Давайте сюда руки! – И соединил их руки мизинцами, потряс их, сказав по-русски: – Мирись, мирись, больше не дерись! Всё! Готово!

Лудо и Ёп смущённо улыбались, хоть и не понимали.

Пока Кока открывал банки с пивом, Ёп сообщил, что прочитал в газете прогноз одного учёного: только ядерная война спасёт нашу планету от химической гибели, которую ей готовили люди. Средняя продолжительность биологического вида – сто тысяч лет, мы, люди, как вид, давно перешли эту черту.

– Нам пора исчезнуть, чтобы планета опять ожила, чтобы на ней зародилась новая жизнь, другие виды фауны и флоры, без химии, газов, нитратов и пластика.

Кока не понял:

– Зачем вообще нужна планета без людей?

Ёп удивился:

– Как зачем? А зачем люди гадят на планете и досаждают всему живому своими выхлопными газами и химией? Всё истребляют и геноцидят? В океане плавает остров из пластика величиной с Австралию! Это дело? Нет, пусть всё погибнет и наступит новая цивилизация! Хватит! Баста! – И решительно отошёл к забору, начал что-то надиктовывать в диктофон.

Лудо усмехался, едко обронив:

– Великие пишут просто и ёмко, подбор слов оптимален. Чем больше ты пишешь, тем больше выходишь дураком.

Кока вклинил не раз слышанное от бабушки: все писатели и художники больны маниакально-депрессивным синдромом, в маниакальной стадии пишут как заведённые, а потом, отписавшись, впадают в депрессивную зону, где собирают и копят силы, чтобы опять наброситься на бумагу и холсты, утонуть в своём маниакальном счастье.

– Писателю всё действует на нервы, а в первую очередь – он сам! – согласился Лудо.

Пришёл от стены Ёп и продолжал ругать людей: не надо никакой ядерной войны, человечество вымрет гораздо раньше из-за парникового эффекта, температура повысится, посевы и леса высохнут и сгорят, погибнет фауна, наступит мировой голод. В довершение растопятся льды, айсберги и ледники, континенты зальёт водой. Потом, когда людей уже не будет, вода постепенно высохнет и земля превратится в мёртвый Марс, до которого, кстати, лететь надо год, но по дороге чёрные дыры встречаются, поэтому надо лететь в обход, а сколько это – никто не знает, может, и всю жизнь.

Лудо допил пиво.

– Меня всегда умиляли астрономы, что несут всякую ересь. Недавно пишут про какую-то звезду: она от Земли на расстоянии семисот миллионов световых лет! А кто их подсчитал, если только туда семьсот миллионов лет свет летит?

Кошка Кесси вылезла из укрытия – уловила запах камбалы. Скромно села в сторонке, втянула дым от джоинта точёными ноздрями, принялась облизываться и улыбаться. Устроилась удобнее, словно приготовилась слушать.

– Окосела! – улыбнулся Лудо. – Она всегда, когда мы курим, вылезает и торчит рядом. А что? Звери тоже пристрастны к кайфу – разве не так?

И Лудо начал перечислять. Кошки от валерианы впадают в транс. Северные олени лижут мухоморы. Кенгуру сожрали все посадки мака в Австралии. Колибри берёт свой галлюциноген из кактусов. Обезьяны вываливаются в пьяной жиге из переспелых фруктов. Ламы обожают листья коки. Макаки делают налёты на цветущую коноплю. Лоси наедаются перебродивших яблок-паданцев. Слоны пьют ведрами пиво и водкой не брезгают, если дадут. Кабаны щиплют особый мох. Пчёлы пробавляются прокисшим нектаром с этанолом. Гуанако любят ядовитые бобовые. Гориллы ищут какой-то только им известный бамбук. Собаки слизывают слизь со смурных жаб. Сурки перегрызают тормозные шланги, чтобы напиться антифриза. Горные бараны лезут на кручи за особым лишайником. Серебристые обезьянки-лангуры жрут только мангровые листья, отчего всю жизнь проводят в оцепенелом кайфе в ветвях этих странных и загадочных деревьев, стоящих в воде. Мухи-дрозофилы одурманиваются, не сходя с переспелых фиников. Птицы лакомятся муравьиной кислотой. А муравьи подсаживаются на жидкость экссудат, отчего впадают в эйфорию, перестают трудиться, бесцельно валяясь в разорённом гнезде и позабыв о своих обязанностях. Дельфины охотятся за рыбой с тетродотоксином, после чего теряют ориентировку в океане. У коал мозг гладкий, без извилин, оттого что эвкалипт, который они жрут, очень токсичен, коала дрыхнет под ним двадцать часов в сутки и спросонья неадекватен с собратьями. И даже бабочки пьют слёзы из глаз вечно плачущих черепах, пьянея от соли.

– Хотя с чего бы черепахам плакать? По сто лет живут! Сто миллионов лет не исчезают! Это нам плакать надо! Это наш вид хомо эректус исчерпал себя, стоит на грани катастрофы!

Ёп не перечил – напротив, вспомнил птицу китоглава, которая питается исключительно головками цветущего опиума. А тигровая акула любит обсасывать ядовитых рыб фугу. И вообще, тигровая акула – единственное существо на свете, у которого матка перегородчата, разделена на две полости, и в каждой развивается эмбрион-каннибал: рождаясь первым, он начинает пожирать икрину и других зародышей и в конце концов остаётся один, а за стенкой – очевидно, на всякий случай, для подстраховки, – растёт и пожирает всё кругом второй такой

же братец-каннибал. Кто сконструировал такую систему? Бог или природа? И почему только у тигровой акулы?

Лудо поддакнул:

– А кто подарил осьминогу восемь лап, две тысячи присосок и мешок с красками? И почему всё это богатство одному осьминогу? Может, змея тоже хотела бы иметь восемь лап, да ей не дано? И откуда осьминог знает, в какой цвет когда окрашиваться, если сам он, как говорят зоологи, дальтоник?

Ёп, многозначительно хмыкнув при слове “дальтоник”, решил не вдаваться в детали и только спросил:

– Зачем часть змей ядовита, а другая – нет? За что они обделены ядом, столь нужным при охоте, когда у тебя нет ни рук, ни ног, ни клыков, ни зубов, ни слуха, ни нормального зрения?

Добавил и Кока:

– Какой кудесник снабдил сумками австралийских животных? И главное: зачем? Если так удобнее выращивать детёнышей, то почему на остальных континентах природа до этого не додумалась?

Лудо предложил тезис: чем выше интеллект животного, тем дольше с ним остаются его детёныши. Чем ниже интеллект, тем меньше животное заботится о потомстве. Скорпионы хватают всё, что шевелится, хоть чужих детёнышей, хоть своих. А некоторые жабы просто сами тупо жрут свою икру...

При слове “кавиар”⁶⁵ Коке представился громадный кусок лаваша с маслом и свежей паюсной икрой, приносимой во двор проводниками с бакинского поезда. Было бы очень кстати. Жареная рыба съедена, но не насытила, от голода бурчит в животе.

– Нет ли ещё пожевать? – зевнул он. – Не осталось ли чего с завтрака?

Да, есть круассан и очень полезный молодой чеснок. Ёп вынес их на золочёной тарелочке, присовокупив полбутылки овощной водки. Разлили в крошечные рюмочки, вспомнив русских богатеев и тридцать пять рюмок по двадцать грамм. Чокнулись.

– За акулю двурогу матку! За осьминогов-дальтоников! За змей, без рук и ног пропитание добывающих! Будем мудры, как змеи, сильны, как акулы, страшны, как львы! – подытожил Кока, а Лудо напомнил:

– И не будем забывать, что конец каждого льва жалок – молодняк выгоняет его из прайда, отнимает самок, семью; лев не умеет охотиться, питается всякой падалью, зубы выпадают, и в конце концов гиены разрывают старика на части! Сам жрал всю жизнь чужое мясо – теперь и твоим полакомятся чужие!

Видя, что психи окончательно помирились, Кока решил отправиться в подвал, усталость давала о себе знать. Ни чёрствый круассан, ни полезный молодой чеснок его не прельщали.

В подвале улёгся на матрас. Одиночество вновь стало вползать в душу. Кока почти физически ощущал, как он несчастен: тут, один, скрючен под рваньёю, не знает, что делать, но чувствует, как что-то плохое нависает над ним, давит, не даёт дышать. Башка трещит. Шум в ушах не стихает, он бесконечен, как неисправный неон...

Как же хорошо было в детстве! Ходили на ёлку во Дворец пионеров, в Зеркальный зал. Гуляли в парке Муштайд. А подъём на Пантеон всегда был связан с появлением гостей, которым надо обязательно посмотреть могилу Грибоедова. После Пантеона обычно следовало посещение ресторана на фуникулёре, поэтому маленький Кока, в предчувствии шашлыков, мирился со скучными могилами и украдкой, пока взрослые вели умные разговоры, изучал дородных русских туристов – их всегда было в обилии возле склепа Грибоедова.

⁶⁵ От *Kaviar* – икра (нем.).

А на Пасху и Рождество все ездили на службу во Мцхету. Выезжали на двух машинах. Общую координацию осуществлял дядя Ларик с пистолетом в кобуре под мышкой.

– Не могу никак понять, чем Бог так рассердил большевиков, что его надо было запрещать? – удивлялась по дороге Мея-бэбо. – Объявили бы декретом, что старая церковь ошибалась, что Бог един в двух лицах – Ленин – Сталин. И пророки готовы – Маркс, Энгельс, оба бородаты, чем не библейские рожи?.. Коммунисты – секта, ересь, вроде скопцов или плясунов. Они невежественны, дики и грубы, как и всякие сектанты.

А дядя Ларик добавлял:

– И упрямы, как кахетинские ослы! – Хотя сам полвека провёл в партии ослов.

Поглядывая на бабушкины руки в перчатках, с веером, дядя Ларик с почтением спрашивал, как можно умудриться всю жизнь проходить в перчатках, шляпках, вуали, с веером – и не угодить в лапы ГПУ-НКВД, на что бабушка, усмехаясь, отвечала:

– Я просто жила, не обращая на них внимания. Я их не замечала, как летом мух. И мне совсем не интересно, где мои мужья зарабатывали на кусок хлеба. Один был из органов, второй – из торговли, третий – из науки. Ну и что? Как раньше неандерталец приносил на плечах тушу горного барана, так и теперь муж должен приносить мясо в дом, благо мужчины недалеко ушли от неандертальцев в своём умственном развитии.

В храме Светицховели их встречал низенький однорукий гид с красным, вечно насморчным носом. Он бойко рассказывал о войнах, битвах и богах как о делах обычных и даже рутинных, в коих чуть ли не сам участвовал. Когда доходил до истории слепка руки мастера на портале храма, Кока всегда с опаской поглядывал на пустой рукав гида, подозревая тут какую-то связь. Как-то спросил об этом. Дядя Ларик охотно согласился:

– Этот гид наверняка той пропавшей рукой делал что-то плохое – воровал или письку трогал, и за это Бог наказал его.

– Жертва? – понимал маленький Кока со страхом, будучи и сам не без греха по части воровства мелочи из родительских кошельков и троганья письки.

– Жертва, – соглашался дядя Ларик. И сурово прибавлял: – Если ты будешь что-нибудь плохое делать, то и у тебя рука отсохнет!

Кока замирал от ужаса, а бабушка запрещала дяде Ларику пугать ребёнка, пусть лучше отведёт их к садоводу Михаилу Мамулашвили.

– Надеюсь, цветы ещё не подпали под какой-нибудь большевистский идиотский декрет и запрет?

И все гуськом по тенистой улице шли в сад, где цвела флора со всего мира. Поэты и артисты считали за честь получать на свои юбилеи корзины от волшебника Михаила в серой войлочной шапочке. На вопросы гостей садовод отвечал, что все эти растения – из разных стран, прижились на нашей щедрой земле, где всегда есть место хорошему, но за родиной надо ухаживать, как за матерью, чадом или садом, без этого все зарастёт сорняком, – природа хоть и щедра, но сурова, у неё свои законы, и она никому ничего не прощает. И волшебник поил гостей домашним вином и срезал каждому по розе, которую надлежало засушивать – для гербария...

Но детство Коки было омрачено страхом смерти матери. У неё были проблемы с сердцем, и все постоянно шантажировали этим Коку. При малейших шалостях начинались крики:

– Ты убиваешь свою мать! У неё больное сердце! Ты хочешь, чтобы она умерла? Хочешь такую красавицу в гроб уложить? – И так далее, в разных вариациях, отчего Кока замыкался, ощущая свою постоянную тяжкую вину и безотчётный страх за мать, за себя, за всех. Клял себя матереубийцей, но иногда думал, что даже хочет смерти матери, особенно когда та гнала его мыть ноги после дворовых игр. Оттого, что мать была красива, его злодейские происки казались особо мерзкими и угнетали психику с самого детства.

Вспугнутые мысли носились в голове. Он то думал, что с порошком надо завязывать, то, страшась ломки, начинал прикидывать, где завтра его взять. Вспомнив двух черномазых прощелыг, обманувших его с гашишем, Кока стал сердиться на всех негров – их он терпеть не мог. В советское время студентов-африканцев в Тбилиси не посылали – после того как те покусились на честь сокурсницы и были убиты её братом.

А как в Париже доставали его негры-дилеры – вороватые, наглые, хитрые, с их арбузными улыбками и мутными белками глаз!.. Да и чего удивляться? Вот Лудо вообще считает, что они – промежуточное звено между хомо сапиенс и животным миром. И Ёп утверждает, что у негроидной расы мозг весит на триста граммов меньше, чем у европеоидной, а триста граммов нейронов – это не шутка:

– Зачем вообще эту Африку расколонизировали? Работали бы себе на плантациях, тягали вагонетки, рубили породу. Был порядок. Все занимались тем, что умели: белые – создавали, думали, проектировали, негры – пахали, работали. Нет, дали им свободу! Что вышло? Ничего, кроме крови и междоусобиц!

Кока так разъярился, что, не сползая с матраса, выковырял из кармана последнюю щепотку порошка. Втянул – и успокоился. В конце концов, ничего пока не случилось. Ломки бывали и раньше. Он переживёт, только надо каждый день снижать дозу.

И почему он вообще с наркушами общается?.. Что у него общего с Сатаной, кроме кайфа? Ничего! Продавали бы в Тбилиси дурь легально, в аптеках или кофешопах, он бы близко к таким типам, как Сатана, не подошёл!

Или взять того же Рыжика. Если бы он не был кайфариком, было бы известно Сатане о его существовании? Ограбил бы Сатана его? Вряд ли!

Мысли Коки дотянулись даже до Раскольникова, столь любимого бабушкой, не раз повторявшей, что в жизни надо быть просто человеком, а не Наполеоном и не тварью дрожащей. Вот он, Кока, оказывается, и есть та тварь, что поползёт завтра отдавать деньги. Тварь трясучая, ходячая, трусливая, тревожная, травоядная, треснутая пополам, полая, бессильная, льстивая, покорная, блядская! Наполеон – не про него. Нет, он мелок, слаб, маломощен. Себе на кусок хлеба заработать не может, всегда на чьей-то шее сидел. Потому отчим-француз и хочет скинуть его – для того и выдумал бодягу с Интерполом? Тебя, мол, Интерпол ищет, мотай отсюда поскорее в свою Грузию и сиди тихо. Даже пообещал в аэропорту без контроля провести на посадку. Сто процентов хочет от Коки избавиться!

Наполеон бы деньги Рыжика потратил, порядочный человек – на следующий же день без всяких сомнений поехал бы отдавать. А вот тварь не знает, что ей делать.

Пришла и последняя мысль: а если он завтра явится в отель, а Рыжик уже уехал? Нет Рыжика!.. Дальше что делать? Искать Сатану и Нугзара? Но эту мысль отогнал – нет, завтра с утра надо ехать к Рыжику, а там видно будет.

11. калоедина

Кока открыл глаза. Полдень, тяжёлый, недобрый. Свет едва заглядывает в подвал. Кошка Кесси, лежащая в ногах, подняла головку и вопросительно посмотрела: зачем беспокоишь, человек?

Кока угрюмо сел на матрасе. На душе было пусто, муторно. Язычки холода уже пробирались по телу. Первые ростки ломки. Скоро тело, как машина без бензина, перестанет ходить. Её надо ставить на ремонт, пропускать сквозь адскую мойку: ледяные судороги, понос, водопавы слёз и соплей, боли в мускулах и костях, мысли и мольбы о скорой смерти. Как бороться с этим? Вообще, вся борьба с наркотой – как бой с огромным пауком: ты бежишь от него, пытаешься скрыться, забыть, но он, столапый, настигает жертву, опутывает её, превращает в куколку, подвешивает в паутине и не спеша лакомится её кровью и страданиями...

Но делать нечего, надо ехать к Рыжику, отдавать бабло, а там вместе что-нибудь придумаем...

С трудом, но пересилил себя. Накинув куртку, упрятал конверты с деньгами поглубже под дощечки (денег с собой брать не сто́ит, мало ли что), а сам отправился вдоль канала к остановке такси. До отеля возле аэропорта ехать полчаса.

По дороге обдумывал, что делать, если Рыжика в отеле не будет. Если не будет – значит, он в Тбилиси. Не убил же его Сатана. Тогда надо звонить Рыжику в Тбилиси. Да, так лучше всего. Нужно избавиться от этой тяжести. Ему дали деньги, он их сохранил – что ещё? К нему какие претензии? Сами там разбирайтесь...

Некстати вспомнилось, как они с Рыжиком взяли в глданской⁶⁶ хрущобе чек опиума – квадратик целлофана с чёрной пахучей массой с пятикопеечную монету. Вошли в лифт. Лифт был стар и разболтан, скрипел и дрожал, из щелей между стенками и полом тянуло сквозняком. Они решили полюбоваться чеком – какой он большой и жирный! Рыжик открыл ладонь – и чек сквозняком сдуло на пол! А оттуда вытянуло прямо в щель!

О господи! Чек последний, и денег нет! Вышли. Стали соображать. Чек лежит на дне шахты лифта, где обычно всякая дрянь навалена. Сейчас день, видно хорошо, его можно достать, но для этого надо найти лифтёра, сказать, что ключи упали, домой попасть не можем. Но где найдёшь в Глдани в четыре часа дня лифтёра, да ещё трезвого?

В панике выбежали из дома. На балконе первого этажа грузная женщина в чёрном пила чай. Ей было сбивчиво поведано об упавших ключах и ждущих дома детях.

– Где найти лифтёра? – без надежды закончили неудачники.

– А чего его искать? Вон дворник, цветы поливает. Он лифт чинит.

Бросились к старику, слезливо рассказали о ключах, о голодных и холодных братишках и сестрёнках, одних в квартире. Сунули последнюю десятку. Дворник увёл кабину вверх и открыл им шахту. Они спрыгнули вниз, долго возились во всякой падали и рухляди, но умудрились найти целлофанчик с зельем.

Кока улыбнулся: “Тот королевский чек стоил того, чтобы из-за него руки марать!” Прямо из Глдани они помчались в мастерскую к Художнику, где весело провели вместе остаток этого хлопотливого дня.

...Такси он отпустил за квартал до отеля. Осторожно двинулся к зданию.

В холле былолюдно.

Кока пробрался к портье и спросил, проживает ли тут его друг, Арчил Тугуши.

⁶⁶ Глдани – спальный район Тбилиси.

Портье не хотел отвечать, но Кока так жалобно канючил про посылку с лекарствами для больной бабушки, что портье сжалился:

– Номер двести семнадцать. Ключей нет, он в номере.

Кока прошмыгнул мимо лифта к лестнице, неслышно поднялся на второй этаж. Около номера замер, прислушался. Глазка нет. Постучал.

Из-за двери послышались шорохи. Потом голос Рыжика спросил на ломаном английском:

– Ху ар ю? Вот ду ю вонт?⁶⁷

– Полицай! – рявкнул Кока.

Из-за двери – сдавленный вскрик:

– Уй мэ!

– Это я, Кока, Мазало. Открывай, Рыжик!

Дверь осторожно приотворилась. Рыжик казался растерянным. Небритый, с синевой под глазами, чесал бородку, глаза бегали.

– Что, не ожидал? Думал, я с твоими деньгами в Аргентину сбегу? – пошутил Кока.

– Нет, что ты. Я ждал... Проходи... Я... Мне... Меня... Позвонить надо, одна баба ждёт... Проходи, садись, я сейчас...

Баба? Рыжик в кобеляже не был замечен, но всё бывает.

Кока огляделся. В номере было пусто. Чемодан на полу открыт, но не разобран. Сам Рыжик одет в нелепую олимпийскую пижаму. Кока думал, что Рыжик будет рад его видеть, но тот особой радости не проявлял, что-то бормотал в трубку.

– Не рад, что деньги нашлись? Своими ногами пришли? – спросил Кока немного обиженно.

Рыжик усиленно кивнул головой:

– Рад, рад! Как же не рад? – и повесил трубку.

– А ты? Как от Сатаны избавился? Он тебя не прибил? Что было?

Рыжик развёл руками:

– Обыскал, пятьсот гульденов забрал, разок ёбнул и отпустил. Вот, сижу, жду денег из Тбилиси.

– А что отцу сказал?

Арчил шмыгнул носом:

– Сказал – украли, что ещё? Я ж не знал, что ты с деньгами придёшь.

– А как я мог не прийти? Мы же друзья! – уверенно ответил Кока. – Ну... Раз сказал “украли”, может, потратим их вместе с толком и расстановкой, а?

– Нет, что ты... Я их отдать должен...

Кока вздохнул, хотя особенно на свою попытку не надеялся – кто даст им с Рыжиком прогулять тридцать тысяч?..

– Ну да, понятно... А было бы ништяк их вместе по венам пустить! Завалиться куда-нибудь в Индию!..

– Да-да, конечно, – сбивчиво подтвердил Рыжик (явно чем-то озабоченный, щиплет бородку, поглядывает на часы), а Кока вспомнил, как они с Рыжиком получали из Индии тело погибшего в аварии друга.

– Да, зима... Кладбище в снегу... Еле до морга дошли! Страшно вспоминать! – смущённо буркнул Рыжик.

Конечно, страшно. Из Индии через Москву прислали цинковый гроб с телом друга, который был в Индии по путёвке и попал под машину. Кока с Рыжиком и двумя соседями поехали в аэропорт, получили гроб и перевезли его в грузовике на Кукийское кладбище, где в морге уса- тый курд, оторвавшись от водки с хлеб-сыром, начал болгаркой кромсать цинк. Внутри обна-

⁶⁷ От *who are you, what do you want* – кто вы, что вы хотите? (англ.)

ружилось голое тело, на нём лежала квитанция, как на товаре. Тело грубо изрезано, зашито суровой ниткой, большими стежками. Курд пропустил полстакана, закусил и принялся ругать тех, кто так работает. “Это разве дело? Я их мать!..” Кое-как перетащил тело на морговский стол, рассказывая между делом: “Один раз гроб открыл – а там к телу мужика пришита женская башка! А? Это они так шутки шутят! Гётфераны⁶⁸, честное слово! А недавно труп пришёл, а во рту у него – цемент! Это что же такое с ним делали? Пытали? В рот жидкий цемент лить? Вот чатлахи⁶⁹!” – заливая в себя очередные полстакана, сокрушался усатый трупорез...

Кока решил, что пора напомнить о лекарстве.

– Рыжик, меня подламывает. Пошли возьмём, занюхаем, а потом поедим за бабками.

– А где они? – насторожился Рыжик. – Целы?

Кока замялся:

– Почти все. Так, пару бумажек на хавку потратил. А ты чего такой пришибленный? Ну, дали разок по шее – и что? От Сатаны другого и не ожидаешь! Пошли за лекарством?

Рыжик как будто испугался, суетливо замахал руками:

– Нет, нет! Куда пошли? Мне ещё баба должна перезвонить, вот! – Для убедительности поднял и опустил трубку, крутанул диск. – Я ещё не завтракал!

– Какой завтрак! Меня ломает, говорю! – Кока о еде думать не мог. – Поехали на пяточок, возьмём, занюхаем...

– Занюхаем? – вдруг застыл Рыжик. – Это как?

– А новый понт – нюхать. Насыпал дорожку – и готово. Как кокс. Но я, честно, бросить хочу! Дашь немного бабок, чтобы я “лесенку” сделал?

– Дам, конечно, – растерянно подтвердил Рыжик и пожаловался: – А мы в Тбилиси на голяке сидим. Ничего путного нет. А если появляется – то через пару дней барыгу кидают – и всё. Вот такие, как Сатана...

– А ты им, случайно, не сказал, что деньги у меня? – вдруг всполошился Кока.

Этот вопрос привёл Рыжика в замешательство.

– Нет, как можно... Я сказал... Мы же договорились... Приехал без денег... Душняк... Прицениться... Поверили?... Кто их знает!..

– Вот мозгоправы! – в сердцах выругался Кока.

Помолчали.

При каждом шаге в коридоре Рыжик вскакивал с места, подбегал к двери.

– Ждёшь кого?

– Нет, полиции боюсь.

– Есть в номере факты?

Рыжик кивнул на столик:

– Два джоинта.

– Это что за факты для Голландии? – фыркнул Кока. – Давай один взорвём! – И прикурил косяк.

Рыжик ошалело смотрел то на Коку, то на косяк.

– Ты чего, вообще, шугаешься? – Кока протянул косяк, но Рыжик отказался:

– Я... не хочу... От травы мне плохо... Ничего не соображаю...

– Ну пошли, возьмём лекарство, и тебе станет хорошо, и мне оттяг будет. Начнёшь сообщать. У меня с собой есть бабки... Немного. – Кока полез в карман.

– Мои?

– Ну а чьи? – удивился Кока, показывая Рыжику купюру.

⁶⁸ Ругательство.

⁶⁹ Ругательство.

Тот вдруг твёрдо сказал:

– Нет. Нельзя!

Кока не понял – чего нельзя?

– Идти. За лекарством. Нельзя.

– Почему?

Рыжик отошёл к окну, выглянул из-за занавесок наружу:

– А вдруг поймают?

– Что ты мелешь? Кому ты нужен? На пяточке весь Амстердам отоваривается! Местным ментам даже выгодно, что столько кэша со всей Европы в Голландию входит. А злых ментов, таких опасных, как наши Мгалоблишвили или Гриша Коява, тут нет...

Рыжик через силу улыбнулся:

– Коява один раз нас поймал, а с нами был Джемо, который жил во дворе врача, который лечил Кояву от туберкулёза. Вот Джемо Кояве это напомнил, и он выгнал нас из ментовки, даже денег не взял, хоть и видел, что все – торчки...

Вспомнили ещё пару случаев, когда попадали в передряги и каждый раз умудрялись выпутываться деньгами или знакомствами: у отца Рыжика были связи в ментовке, у Коки – тётя известная актриса, да и дядя Ларик вырuchал порой.

Договорились до того, что Кока опять решил попробовать:

– Давай, Арчил, раз уж ты отцу сказал, что деньги украдены, поедem куда-нибудь, гульнём, как раньше... Или дурь возьмём и в Тбилиси на дно заляжем...

Рыжик горько усмехнулся:

– В Тбилиси ты на дно никак не заляжешь! Стоит одну мастырку с кем-нибудь покурить, как завтра весь город с утра у твоих дверей стоять будет в очереди. Забыл? А ты эти дни где был? Почему сразу не пришёл?

– Я к Лясику ездил, хотел взять лекарство, тебя обрадовать, но там заваруха с его женой случилась, не успел к тебе.

Рыжик прикурил второй джоинт так воровато, что Кока невольно обернулся – кого он боится?... Кто тут, в номере, кроме них?... Или Рыжик боится самого себя, трава лишает его способности связно мыслить, делает дебилоидом.

После затяжки Рыжик совсем потерял покой, стал щипать бородку, что-то бормотать, бегать по номеру, а Кока вдруг вспомнил:

– Слушай, а можно я душ приму? Я быстро!

– Да, да, конечно. Не спеши. Купайся себе спокойно, время есть, – как-то даже обрадованно отозвался Рыжик, поглядывая на часы. – Сколько сейчас? Ох, от этой травы я совсем дурным становлюсь!

Кока залез под воду и продолжал мысленно разговаривать с Рыжиком: “Раз трава на тебя плохо действует, зачем куришь? Сколько тебя знаю – столько и куришь, целыми днями за травой по городу бегаешь!”

Одно время они с Рыжиком покупали анашу у Абона, санитар-вендиспансера на улице Камо, где через забор ражие девки-сифилитички, запертые внутри, от нечего делать кричат всякие непристойности. На просьбу взять для них план Абон косился на деньги, говорил, что не знает, осталось ли ещё, брал бабки заскорузлой рукой и через какое-то время выносил газетный свёрток:

– Вот, для вас, самый лучший! Свою мать убью, если вру! Клянусь!

Мать Абона, видно, была крепкого десятка, потому что он обманывал через раз: раз принесёт нормальный пакет, другой – труху.

А потом и сам Рыжик угодил в этот зловещий диспансер – летом в Гаграх завалил в кустах после танцев дородную сисястую эстонку и через три недели обнаружил у себя на члене язву. Кока пошёл вместе с ним в вендиспансер на Пушкинской улице. Районный венеролог оказался весёлым дядькой в мятом халате. Отложил на тарелку хачапури, опустил очки со лба на нос, взглянул издали на Рыжикин вялый съёженный членик с гноеточащей язвочкой, карандашом пошевелил его туда и сюда, со смехом сказал:

– Залетел, генацвале! Ничего, бывает!

– Что это? Триппер? Гонорея? – с надеждой прошептал Рыжик.

– Нет, дорогой, это самый настоящий классический люэс. Французская болезнь. Сифон. Сифак. Сиф.

Рыжик чуть в обморок не упал.

– Сифон? – обалдел и Кока – ведь это слово равно смерти!

– Посмотрите внимательно! Может, это не то, что вы думаете? – прошептал Рыжик, чем вызвал ироническую улыбку.

– Надевай трусы! Нет, это то самое! Шанкр! Чего на него смотреть? Ты женат? Нет? Это хорошо. С кем-нибудь спал после этой шалавы? Нет? Тоже хорошо. Только свой бициллин надо принести, у евреев на Мейдане есть, а то наш, диспансерский, куда не годится. – Принявшись за хачапури, успокоил: – Ничего, это первая стадия, она лечится. Будут тебя один месяц три раза в день в задницу колоть – и всё нормально! Я так думаю, а как я думаю – так думает Бог! – пошутил он, пряча полтинник за визит и выписывая направление в городской стационар на улице Камо. – Позовите там следующего мандастрадальца!

Напоследок дядька посмотрел на них весёлыми глазами и подал с ухмылкой брошюру, в которой что-то подчеркнул на первой странице:

– Почитайте на досуге! Может, что-нибудь пригодится! Наука! С ней не поспоришь!

...Они угрюмо, без сил опустили на скамейку возле диспансера. Мимо шли люди, смеялись, болтали, ехали машины, шаркала метлой дворничиха, а они пришибленно молчали. О чём думал Рыжик – понять нетрудно, но и Коке было не по себе: они с Рыжиком всю дорогу вместе курят дурь, передают друг другу косяки, – а не перекидывается ли сифон таким макаром?.. Но он вида не подавал и, как мог, успокаивал Рыжика:

– Ладно, с ума не сходи! Не рак, не СПИД! Руки-ноги на месте! Доктор же сказал – первая стадия, хорошо лечится!

– А дома что говорить? Вай мэ, пропал я! Сифон! Сиф! Смерть! – лепетал синими губами Рыжик.

– Дома скажешь, Боткина подхватил, в инфекционной палате лежу, навещать нельзя... Или ещё что-нибудь соврёшь... Может, тут есть что-нибудь подходящее?.. – И Кока без особой надежды полистал брошюру “Искусство быть здоровым”, но уже первые абзацы повергли его в ошарашенное удивление, да и было от чего. – Слушай, что пишут: “Большинство людей с брезгливостью относятся к выделениям организма, особенно к моче и калу. И совершенно напрасно. Наряду с уринотерапией, с помощью которой лечат геморрой, язву желудка, бесплодие, облысение, ожоги и змеиные укусы, калотерапия уходит корнями в глубокую древность. Древнеиндийская «Махабхарата» включает в себя трактат «Шримад-Харбаматам», в котором подробно описывается лечение собственными экскрементами. Человеческие фекалии и в самом деле обладают целебными свойствами. Калотерапия помогает при холецистите, панкреатите, запорах, диарее, особенно при язве желудка и начальной стадии сифилиса (подчёркнуто весёлым доктором), а также при различных экземах, трофических язвах, прыщах, угревой сыпи, перхоти, так как в человеческих экскрементах много калия, натрия, кальция и азота...” Понял, больной, что тебе поможет? Кал и калий!..

Рыжик горестно качал головой:

– Клянусь, это всё про меня! Это я дерьмо похавал, когда с той эстонкой в кусты полез! Калоедина я проклятая, гадина, мудака, козёл, дебил! Вот и расплата! – ругал он себя со слезами на глазах, а Кока отвлекал его от горя:

– Видишь, люди фекалии свои едят, чтобы выздороветь, а тебе только уколы назначили! Что лучше? То-то же! А этот хермайстер – большой весельчак и балагур! Как он нас подбодрил, а?.. “Может быть, вам что-нибудь подойдёт...” – передразнил он весёлого членоведа. – Не поленился, сволочь, ещё и подчеркнуть! Вот сука! Он, наверное, так развлекается, всем дарит эту книжонку. Где издано это? – Он повертел брошюрку. – Харьков, издательство “Основа”. Молодцы, так держать!

Но брошюра спасла их от первого шока. Они украдкой курнули косяк и долго ещё сидели на скамейке, то и дело заглядывая в весёлую книжечку, цитируя отрывки и пряча за смехом и шутками мысли о мрачном будущем. Ведь Рыжика никто не заставляет есть дерьмо и запивать мочой?! А уколы – ерунда! Через месяц можно следующую эстонку в кусты волочить!

В итоге Рыжика уложили на месяц в городской диспансер. Кока иногда навещал его. Сидел в палате, слушал разговоры, обкуривался. Первая мастырка, переданная ему сифилитиком, далась с трудом, но Рыжик тихо объяснил, что все эти больные – на первой стадии – через курение не заразные.

Нравы в диспансере оказались как и в любом месте, где собрано много мужиков. Народ разный, в основном простой. Были и такие, которые весь день молча лежали в кроватях, вылезая только на уколы. По вечерам в палатах (человек на десять – двенадцать) в ход шли разные истории, например, про циркача-гимнаста, у которого на бритой голове выскочил шанкр из-за того, что его напарница-гимнастка подхватила где-то сифон, во время выступлений сидела своей язвой у него на голове, а спирохета может проникнуть в тело через любую ссадину, вот брил гимнаст голову, порез – и пожалуйста, шанкр! Или пятеро поставили на хор в лесу шлюху, трое заболели, а двое – нет! Или какой-нибудь незадачливый доцент, поймавший сифон в отпуске, “толкал романы” вплоть до “Графа Монте-Кристо” и “Трёх мушкетёров”. Темы бывали разные, но с одним табу – разговоры о женщинах, из-за них, проклятых, все тут валяемся!

Но главным лицом в диспансере был санитар Абон. Пока врачи играли в нарды или ели хинкали (а что им делать, укололи всех – и свободны), Абон заводил и выводил, уносил и приносил, встречал и провожал, открывал и закрывал, знал всех больных в лицо и по именам. Имел ключи от всех комнат, куда ночами за червонец пускал для случки самых бесшабашных и безбашенных мужиков и баб. Снабжал полдиспансера дурью, так что вечерами в палатах царил покойствие, вился сладкий дымок, играла музыка и какой-нибудь просвещённый сифилитик повествовал о гладиаторах Рима или пересказывал сериал про Штирлица.

...После душа Кока почувствовал себя лучше.

Рыжик всё стоял у окна, пощипывал бородку.

– А я вспомнил сейчас, как ты сифон подхватил, – сообщил Кока, добывая потухший косяк.

– Вай мэ! Забудь! Забудь! Если жена об этом узнает – разведётся со мной! – всполошился Рыжик.

Кока напомнил:

– А какие типы с тобой лежали, а?.. Два вора с зоны, якобы с шанкрами, которые они сами себе замастырили. Подворовки вокруг них... Даже ментёнок, сучий потрох, попал... У вас весело было, курить всегда находилось.

Рыжик выпал из тревожного анабиоза, оживился:

– Не только курить! Ворами ширево приносили, нам тоже перепало, хотя врачи запрещали ширяться, а то бициллин не действует. Но всем было по херу!

И вспомнил, как раз повёл воров в цирк – оказывается, один из них, деревенский жлоб, там ни разу в жизни не был, сел рано, дальше всё по зонам, слышит всюду – “цирк, цирк!”, а что это такое, не знает. Они дали Абону рублёвку, сбежали из диспансера и, в больничных робах и тапочках, только сверху что-то накинуто, припёрлись в цирк, сели на галёрке и всю дорогу свистели и хлопали. Цирк им понравился, особенно клоуны, аферист-фокусник и карликовый бегемотик в ажурной юбочке: шутили, что такая задница была бы весьма уважаема в тюрьме.

Да, Кока помнил этих воров. Один, кутаисец Буджи, похож был на орла в неволе. На плечах вытатуированы звёзды, на руке – морда барса, она скалилась, когда он сжимал кулак. Другой, езид Чорна, племянник большого вора, всё больше спал под снотворным или играл с кем-нибудь в поддавки. У воров – отдельная палата, вход только тем, кто зван, другим шоркаться запрещено. Врачи входили со стуком. Все знали, что воры здоровы, но они хорошо платили, и все закрывали глаза. Бывало, врачи выпивали с ворами в их палате, и тогда Абон посылался в хинкальную, куда ехал на своём раздолбанном красном инвалидном “Запорожце”, привозил кастрюлю хинкали и газетный свёрток с кебабами.

– Я забыл, вы в диспансере запертые были? – спросил Кока.

– Мужики – нет, а бабы – да, заперты.

– Почему?

Рыжик пожал плечами:

– А кто его знает? Не доверяли бабам! Чтобы по городу не шлялись, не пили, мужиков не заражали. Там бабы в основном – приезжие шалавы, могли сбежать, по Союзу сифон дальше повезти. Они даже там, внутри диспансера, трахались!

– Находились же храбрецы! – покачал головой Кока: уж насколько надо быть тупым животным, чтобы, имея сифон, трахаться с сифонной бабой! – А помнишь, какие у вас были турниры? В шахматы, в нарды, в карты, в секу! Помню, пришёл раз тебя навещать, а у вас турнир в “чапаева”, приз – две ампулы медицинского морфина! Тут же лежат, блестят. И шприц, салфеточкой прикрыт. Вот шла за них рубка!

Рыжик, утихая, подтвердил:

– Да, тогда ещё можно было купить. А сейчас – нет.

– Вот именно! Ну, пора нам в город, брать лекарство, – сказал Кока, вставая и ощущая, что подлый холод уже ощутимо копается в животе, запуская ледяные отростки во все уголки тела.

Но Рыжик никуда не хотел идти. Потом неожиданно предложил спуститься в ресторан, выпить кофе.

– Ну, пошли. Оттуда поедem, – согласился Кока, чтобы выйти поскорее из этого гнетущего номера. Выходя, заметил, что Рыжик написал что-то на бумажке и приклеил её жвачкой к двери.

– Это что?

– Если баба придёт... – туманно объяснил Рыжик, что вызвало новое удивление Коки.

– С каких это пор ты бабами так интересуешься? Раньше не был вагиностратальцем!

Рыжик нервно засмеялся:

– Раньше не был, а теперь стал. Не надо меня помоить...

В ресторане малоллюдно.

Они выбрали столик. Кока хотел сесть лицом ко входу, но Рыжик плюхнулся в кресло раньше него. Посидели минуты три-четыре.

– Что нам тут? Меня подламывает. Пошли отсюда, – сказал Кока.

– Сейчас, кофе выпьем. Вот и официантка. Ту кофе, плиз!

– Какой кофе? Я тебе говорю – подламывает, а ты – кофе! Давно таким светским стал? Ты же сабурталинец, не вакиец, это они целый день кофе пьют и сигареты курят, – в который

раз удивился Кока: такого он раньше за Рыжиком не замечал. Кофе, баба, записки... Какой-то нервный стал...

Между тем Рыжик завёл мутный разговор, из чего можно было понять, что Сатана обыскал его, отнял паспорт, авиабилет и держит взаперти в отеле.

Вот оно что!.. Теперь понятно, почему Рыжик всё время дёргается!..

– А если ты отдашь Сатане эти тридцать тысяч, он тебя отпустит?

– А хрен его знает! – в сердцах сказал Рыжик. – Я-то отдам, куда денусь. Но бог ведает, что этому разбойнику придёт в башку?

– Да, дела... – протянул Кока, принимая у официантки чашку.

Рыжик высыпал в кофе сахар, налил молока, стал размешивать, бормоча что-то вроде “не к добру всё это”, а Коке этот кофе в глотку не лез – ломило уже ощутимо.

Наконец не выдержал, отставил чашку и только хотел сказать Рыжику, что уходит, как тот, открыв рот, усталился ему за спину.

Кока обернулся – по залу деловой походкой шёл Сатана в куртке *Security*. Лицо багровое, суровое. У входа маячит Нугзар в плаще, руки в карманах.

В голове проскочило: “Вот кому Рыжик звонил! Кого ждал! Ах, я баран! Идиот!”

Не успел испугаться – Сатана мощной лапой схватил Коку за шиворот:

– А, попался, крыса! Синг-синг! – И силой поднял со стула, рявкнув на весь зал: – Где бабки, сука?

– У меня. Спрятаны, – опешил Кока, пытаясь вырваться.

– Спрятаны? А где должны быть? – глумливо уставился Сатана Коке в лоб.

– Не знаю. Рыжик мне дал, вы уехали, я пришёл отдать их Рыжику...

Но Сатана, не слушая Кокиного лепета, больно подтолкнул его в спину:

– Вперёд! Иди, не то голову отрежу! На шматы посеку, дерьмак, и тебя, и этого козла!

Рыжик не вовремя пискнул:

– А мой паспорт? Билет?

Сатана, не отпуская Коку, ткнул Рыжика лицом в чашку – стекло зазвенело, ложечка полетела на пол, блюдец разбилось, в зале наступила тишина.

– Вот тебе паспорт! Сиди жди приказа! Пока твой вшивый папаша не переведёт бабки, будешь сидеть, шен цанцаро, сиябандо⁷⁰! Пошли! – потащил он Коку дальше.

Тот попытался вывернуться:

– Я иду, никуда не убегая!

– Куда тебе бежать, придурок? Только нам в лапы! – усмехнулся Сатана, но хватку разжал.

Рыжик поднял мокрое лицо, пустил фальцетом им в спину:

– Кока, извини!

Кока не отозвался.

Посетители и официанты беззвучно замерли, не понимая, что происходит, кто эти люди, на каком языке они кричат, что случилось.

– Вот дурачок, сам в ловушку приканал! – сообщил Сатана стоящему в дверях Нугзару. – Лац-луц – орера!

Нугзар равнодушно заметил:

– А я что тебе говорил? Придёт отдавать бабки. Вот и пришёл. Где, кстати, деньги? – словно невзначай поинтересовался он.

– В одном дворе спрятаны.

– Во дворе? Ты что, у себя в Сололаки? – засмеялся Нугзар.

– А где прятать? Я там сплю, в подвале...

⁷⁰ Малоумный, пустомеля ты! (*груз.*)

Пока шли к машине, Сатана крепко держал Коку под руку, время от времени пихая в бок:
– Быстрее, шен набозваро⁷¹! Из-за тебя столько времени потеряли. Где был? Почему к нам не приехал?

Кока усмотрел тут лазейку.

– Вы внезапно уехали, а мне что делать? Откуда я знаю, куда ехать? Вы же мне ничего не сказали? Если бы сказали, я бы знал, приехал.

Сатана взъярился:

– Что делать, не знал? Ты меня за кого держишь? С какого хера Рыжик дал тебе деньги? Значит, ты ему проболтался, что мы в машине!

– У меня вырвалось, – признался Кока. – Но я же его привёл!

– Вырвалось? Ну и я вырву у тебя яйца! Или руки по локоть сварю в кипятке – будешь знать! – замахнулся Сатана, но Нугзар бросил, отпирая машину:

– Оставь его! Я же сказал – честный фраер. И дружка предупредил, и деньги назад принёс. А вот Рыжик этот – поганец, иуда! Не успел Сатана ему разок в лоб дать, как всё выложил! Вот какой дружок у тебя!

Кока признался, отчего на душе стало легче.

– Я к вам хотел прийти, но забыл, в каком вы отеле... В тот день я выпивший был, ничего не помню... – Хотел ещё что-то объяснить, но одёрнул себя – говорить покороче, к каждому слову могут придраться, иди выпутывайся потом.

– А что у тебя в карманах? – вдруг спросил Сатана и бесцеремонно полез Коке за пазуху и в брюки. Обнаружил грязный платок и три стогульденовые бумажки, которые сунул в один из карманов своей обширной куртки. Нугзар неодобрительно поглядывал на это в зеркальце, качая головой.

По дороге Кока лихорадочно соображал. Значит, Рыжик позвонил Сатане и сказал, что он, Кока, пришёл в отель. Потому и метался по номеру, нервничал... Ну а с ним, Кокой, что?..

Сатана, заметив его растерянность, хохотнул злорадно:

– Что, жалеешь, что своими ногами в капкане залип? Синг-синг – готово!

– А в чём капкан? Я вам деньги отдам – и всё! Мне всё равно, кому отдавать. Не мои же.

– Посмотрим! – ухмыльнулся Сатана, отчего у Коки побежали мурашки по спине. “Посмотрим?.. Что они ещё могут придумать? Знают они, что родители на Западе? Нет, откуда? О, если знают, могут украсть, чтоб выкуп взять, как с Рыжикиного отца! Нет, не должны знать!”

– А ты не думал с этими деньгами смыться? – вдруг спросил Нугзар.

– Не позволял себе так думать, – неловко ответил Кока.

Нугзар усмехнулся:

– Трудно тебе будет. Завязывай лучше с этим дерьмом, мой тебе совет. Все вы, сололакские, такие... вежливые... “Не позволял себе думать...” Надо же...

Сатана заворочался:

– Сололакские гордые слишком! Нос задирают! И дотошные! Со мной сидел один ваш, Бено Мтацминдели, так ему лишнее слово не скажи – тут же ерепениться, за резак хвататься! Хипешило ещё тот! И пел постоянно: “В потолке открылся люк, не пугайся, это глюк!” А за чатлаха Рыжика я ещё много бабок из его суки-отца вытрясу! Его отец хороший деловик, но херовый человек. Ну а что больше надо? Плохой – накажем! А? Как думаешь? – уставился он Коке в лоб.

Тот, опасаясь подвоха, проямлил:

– Это... Ну... Правильно, если плохой... Но надо бы узнать, в чём плохой, что сделал...

⁷¹ Блядина ты! (груз., жарг.)

– Вот я и говорю – сололакские все дотошные. Всё им узнать надо, что да как... Узнали. Деньги у человека одолжил, много, и не возвращает. Это хорошо? Нет, это плохо! Ему помогли, когда было трудно, а он что? Как рыба хвостом вильнул – и всё! – Сатана сделал волнистое движение рукой. – Нет, так не пойдёт. Плохой – накажем! Лац-луц, ора! Будешь мозги полоскать – прикончим! Нэ знаэш – научим, нэ хочэш – заставим, – добавил по-русски и, проглотив какой-то комочек, завёл с Нугзаром разговор о тбилисском цеховике Котико, который, по сведениям из города, собирается приехать в Голландию, закупить несколько “мерседесов” и запчасти к ним. – Бабок будет везти чемодан! Брат покойного Спило накол дал... А знаешь, как мы со Спило по пьянке в Назрань за каликами⁷² дёрнули?

Нугзар промолчал, не выразив желания слушать, но Сатана, оживившись после комочка, настырно поведал, как однажды они со Спило после удачного дела решили рвануть прямо из ресторана в Назрань за дурью. Купили, спрятали в сумку. Доехали до Беслана, а там бухой проводник за пару червонцев подсадил их в почтовый вагон до Сочи. В вагоне – тюки, посылки, мешки с письмами, почта, какие-то ящики! Проводники пьют, проводниц лапают, жрут, орут. Шум, крики, базар! Сесть негде, ора! Лечь и не думай! Вдруг паника, беготня! Синг-синг, проверка, шмон! Я ногой сумку под тюки затолкал – если что, не наша. Но проводники-то знают, чья! Пришла проверка, но своя, поездные ревизоры. Про нас спросили: “Кто такие?” “Родня, – лепит проводник, – в море искупаться хотят”. “За родню отдельно заплатишь!” – говорит старший, и они уходят. А Спило даже не проснулся!

– Он худой, малый, щуплый был, потому его Спило⁷³ и называли? – без интереса спросил Нугзар.

– Худой-то худой, но мог много лекарства зараз сделать, как слон. Светлая ему память! Надо же, так глупо копыта откинуть! Под трамвай угодил, ора! В кайфе беспробудном всю жизнь провёл, вот и попал! – перекрестился Сатана, хватаясь за kloк, а потом – за рукав Кокиной куртки. – Эй, жив? Смотри, паразитюра, тоже копыта не откинь!

– С чего бы? Сегодня ничего не делал, подламывает уже, – признался Кока.

Нугзар внимательно взглянул на него в зеркальце.

– У тебя столько бабок – и ничего не делал?

– Не мои же, – повторил Кока, чуя, что этот ответ понравится Нугзару, в котором сейчас он видел защиту от напора Сатаны.

Нугзар мотнул головой.

– Дай ему раскумариться! Партнёр как-никак.

Сатана милостиво раскрошил на своей огромной ладони белую горошину и дал Коке занюхать, как собаке, прямо с руки. Влившись в струю бодрости, Кока закрыл глаза и невольно прислушался.

Нугзар:

– Знаешь, почему сейчас плохо в Грузии?.. Раньше это была воровская зона, а теперь, после перестройки и войны, начался беспредел и бардак.

Сатана:

– У нас в Ортачала⁷⁴ на тюрьме и бандиты, и мокрушники – все тихо сидели, никакого бардака, ора.

Нугзар:

– У вас-то конечно... Я представляю себе твою хату: ты, Темур Киласония, Пипетка, Реджиб Афонский...

⁷² Таблетки.

⁷³ Слон (*груз.*).

⁷⁴ Район, где расположена тюрьма в Тбилиси.

Сатана:

– Камера была – синг-синг!.. Конвой только и успевал за кайфом и чифирём бегать. Баб ночами приводили. Нас выпускали по одному – пустых-то камер полно. Входишь – а за дверями тебя полуголая баба с баяном, мастыжкой и бутылкой ждёт! В пустой камере самый кайф трахаться! На нашем этаже сидел один зверь с погремухой Мгелтава, мог кошку пополам разорвать, вертухаи постоянно приносили ради кайфа, а у котят головы щёлкал, как орехи, двумя пальцами...

Нугзар:

– А кто-то говорил – в Ортачала камер не хватает, люди давятся, как на пересылке.

Сатана:

– Это кто давится, а кто и свободно сидит. Как не быть пустым камерам? Это же хлеб их собачий...

Так доехали до Большого канала. Дальше трудно – вдоль канала полно стоящих машин. Кока, оживившись, предложил: он пойдёт пешком и принесёт деньги, но Сатана рыкнул:

– Никуда без меня не пойдёшь! Ищи тебя потом! Езжай дальше, Кибо!

Когда до двора психов оставалось метров двести, Кока сказал:

– Тут остановите! – и хотел выйти из машины, но дверца с его стороны была заблокирована.

Сатана ухмыльнулся.

– Что, попалась птичка? Отсюда вылезай! С тобой пойду, посмотрю, как ты живёшь...

Вместе направились к калитке.

Сатана что-то ворчал, крепко держа Коку под руку. Со стороны видно: бравый секьюрити ведёт куда-то худого, небритого, красноглазого типа в кургузой курточке.

Во двореике Ёп и Лудо сидели около пня, полного пивных банок.

При виде человека-секьюрити Лудо в растерянности начал вставать, но Сатана грубо оттолкнул его. Лудо остушился и упал. Банки полетели на землю. Ёп охнул. Кока хотел помочь Лудо встать – Сатана пихнул его в бок:

– Куда! Вперёд! Где бабки? У этих придурков?

Кока спустился в подвал, Сатана – за ним.

– Это твоё житло? Тут? – с жалостью изумился он. – Ну и халабуда! У меня камера и то лучше была. Тридцать тысяч имеешь – и в дерьме сидишь? Кошками воняет! – сморщился, схватился за клочок. – И ты, дурачок, тут дрыхнешь, когда у тебя бабки под задом? Чего в гостиницу не ушёл?

– Деньги чужие, отдавать надо, – кисло отозвался Кока, подавая конверты.

Сатана заглянул внутрь.

– Отдавать... Чужие... Правильно про вас, сололакских, Нугзар говорит... Тут всё?..

– Я немного потратил. Хавка, то, сё...

– Ну, за хавку грех базарить, – обронил Сатана, а на просьбу Коки оставить ему немного, чтоб “лесенку” сделать, милостиво протянул открытый конверт:

– Бери сколько влезет!

Кока наугад захватил несколько бумажек.

– С Нугзаром попрощаться не хочешь? – предложил Сатана.

– Да, да, конечно. А... – Кока запнулся, – а не мог бы ты меня чуть-чуть подогреть? Если есть возможность, конечно...

Сатана, усмехнувшись и покачав головой, достал из кармана белый комочек в целлофане.

– Держи! Заслужил!

– Что это?

– Убой! Сам смешивал!

И они пошли обратно через двор. Довольный Сатана весело сказал:

– Лац-луц! Штраф! – Вытащил из открытого конверта стогульденовую и протянул её Лудо. – Пардонт! Мэрс! Нашэ вам с кыстачкай! – добавил по-русски.

Лудо ошарашенно взял купюру. Ёп уставился на толстые конверты, зажатые в лапе Сатаны, и тоже получил сто гульденов с ласковым:

– Мэрс! Пардонт!

Нугзар безучастно сидел в машине. Увидев их, улыбнулся через силу:

– Ну, получил своё?

Сатана, садясь, кивнул:

– А как же! Бабки нас любят! И мы их любим!

– До свидания! – вежливо сказал Кока, ещё не веря, что его никуда не волокут.

– И тебе всего хорошего. Бросай кайф – мой тебе совет. Ты слишком честный для этого! – ответил Нугзар, а Сатана крикнул:

– Пока, придурок! В Тбилиси встретимся! Будет что перетереть!

Глядя вслед отъезжающей машине, Кока думал: “Да уж... Чего там перетирать... Паспорт отнял... Бабки забрал... Можно было с Рыжиком потратить... Но Рыжик, сука!.. Я его предупредил, а он...”

Вдруг на другом берегу канала он увидел фигуру в длинном плаще и фуражке. Опять этот посыльный?! Курьер? Но при ближайшем рассмотрении фигура оказалась хиппи в кожаном жупане.

Это мои страхи за мной ходят! Недаром бабушка говорит: “У страха глаза велики, но слепы, а ты будь зряч!”

12. Плотоядные-травоядные

Избавившись от тяготы денег, Кока почувствовал облегчение. Да и с Сатаной всё обошлось более-менее мирно. А вот перед Лудо было неловко. И вообще – пора отсюда дёргать! Кока пересчитал деньги – пятьсот гульденов. Уехать в Германию, в гестхаус к фрау Воль, там отлежаться, сделать “лесенку”...

Это решение показалось ему самым разумным, хотя можно, конечно, возвратиться к матери в Париж. Но силуэт отчима каждый раз вставал в воображении: рядом с ним “лесенку” не сделать – заметит, шум поднимет. Проклятый полицай!

Во дворе подошёл к обиженно нахохленному Лудо:

– Извини меня! Это был такой человек...

– Зачем же ты дружишь с такими людьми? – отозвался Лудо, исподлобья глядя на Коку и вертя в руках купюру.

– Да я не дружу! Случайно попал в глупую историю, земляки, чужие деньги... – начал было Кока, но Лудо довольно жёстко прервал его:

– Я не хочу в этом разбираться! Всё, хватит! Мне был звонок из Норвегии – киты пошли на нерест, мне надо уезжать...

Ёп у забора щёлкал кнопками диктофона и тут же поправил:

– Киты на нерест не ходят, они детёнышей рожают!

Кока понял намёк:

– Когда?

– Чем быстрее – тем лучше! – отрезал Лудо.

– Но сегодня переночевать-то можно? – кисло спросил Кока.

– Конечно, ночуй! Я не к тому, я вообще... Киты не будут ждать... – смягчился Лудо, пряча деньги, а Ёп сказал от стены:

– Если хочешь, у меня живи! – Но Кока, вспомнив про слой пыли и необходимость день и ночь общаться с Ёпом, вежливо отказался:

– Нет, спасибо! Я в Германию поеду. Или в Париж. Или в Тбилиси.

Спрятав диктофон, Ёп вернулся за пень.

– В каждом из нас – и белое, и чёрное. Иногда побеждает одно, иногда другое. Главное – не терять равновесия и слишком низко не падать. И в этом человеке-секьюрити вначале говорило чёрное, и он оттолкнул Лудо, а потом сказалось белое – и он извинился! Заплатил штраф!

– Да! Штраф! – подтвердил Лудо. – Ну что, поехал я тогда за пивом и рыбкой?

– И косячок купи, – попросил Кока. – Дать денег?

– Не надо, твой земляк уже дал. Куплю. Какое пиво без травы?

И правда – какое? Но без пива Кока жить мог, а вот без травы – нет. Он украдкой занюхал малую щепотку от подарка Сатаны. Полегчало.

Да, наркота разная. Одно дело – скромная и милая анаша, другое – буйный и властный героин! Чуть запоздаешь на свидание с ним – он пощады не знает! Его не уболтаешь! Он – контролёр твоей жизни! Попал под его свисток – держись, спуску не будет! Если гашиш – это умная и послушная охотничья собака, то герыч – это дикий, необузданный, злобный, яростный питбуль, который, не получая пищи, рвёт своего хозяина.

Вскоре приехал Лудо с пивом и горячей рыбой в кляре.

Пошли обычные разговоры. Сегодня обсуждалась эволюция и её составные части. В частности, кто появился раньше – травоядные или хищники? Лудо думал, что травоядные, ведь

ещё динозавры были травоядными, в день тонну зелени сжирали, леса опустошали, чтоб им пусто было, а когда вымерли, возникли мелкие млекопитающие – грызуны, белки, хорьки.

– Ага, а потом грызуны выросли и превратились в тигров и львов! – с иронией поддакивал Ёп, разливая пиво и кидая остатки рыбы Кесси (она была тут как тут, урчала, словно испорченный холодильник, похрустывала рыбьими хвостами, лакала пиво, которое Лудо налил ей в блюдечко, тянулась к козьей ножке в его руке, страстно вдыхая дым точёными ноздрями). – И чем бы питались хищники, если бы не было травоядных? – ехидно спрашивал он дальше. – Хищникам нужна пища, живая! Кого бы они жрали, не будь оленей, буйволов или антилоп? Как динозавры превратились в антилоп – это другой вопрос.

Тоже резонно.

– А может, это некоторые травоядные в процессе эволюции так оборзели, что стали жрать мясо и падаль? – предположил Кока.

Тоже не исключено. Попробовали мясца – понравилось. Отрастили себе клыки, когти и клювы, стали драть друг друга.

Лудо заметил, что есть и хищные травоядные, которые при случае не прочь сожрать и белковое мясо, если даром и бегать много не надо, – это обезьяны, медведи, бегемоты. Даже олени не брезгают зайчатинной, а бизоны – бельчатинной.

Кока отозвался:

– Это про нас. Мы и траву любим, и мимо лакомого кусочка не проходим!

– Этот человек-секьюрити был чистый хищник, а мы – да, травоядные! Мы стоим в самом низу пищевой цепочки! И я горжусь этим! Мы никому не делаем зла! Мы христиане! – сказал Ёп, не забыв включить диктофон, чтоб зафиксировать важные мысли. – Жизнь копытного – день и ночь бояться. Бежать при первом звуке и шорохе. Не сметь никогда ни крепко спать, ни спокойно есть. Сломал ногу – смерть. Не успел убежать – смерть. Не туда сунулся – смерть. Замешкался – смерть. Увлёкся вкусной травой – смерть. Хищники охотятся в одиночку, а травоядные сбиваются в стада от ужаса смерти, и каждый стремится влезть в середину, где лев не достанет его, не уест леопард.

Лудо согласился:

– Да, несправедливо! Хищникам даны сила, зоркость, ловкость, клыки и когти, нюх и зрение в темноте, тонкий слух, а копытным жертвам – ни нюха, ни слуха, ни зоркости, ни ловких лап. Значит, они с самого рождения обречены быть пищей для хищников? А как было бы хорошо и спокойно на земле, если бы все были в равных вегетарианских позициях, ели бы злаки, овощи и фрукты – и никакой крови!

Ёп, не отходя к стене, надиктовал в диктофон:

– Мы – бабочки! Мы – остатки рая на земле! А они – скорпионы и тарантулы, посланники сатаны из преисподней!

Слышать, что ты травоядное, не очень лестно, но Кока рассудил, что правда, к баранам он стоит куда ближе, чем к волкам. Какой из него волк или волкособ?.. Кому он может вцепиться в горло?.. Только бабушке... Да, он – копытное, питается травой, если достать удастся и барыги не кинут... Не будь его, Рыжика и тысяч таких же баранов – кого бы грабили Сатана и Нугзар?.. Сами себя?.. Нет, фраеров и лохов!.. Но он, Кока, не простое копытное, а хищное травоядное, которое при случае не прочь и мясцом побаловаться.

А Ёп уточнил: хищники жрут друг друга только при крайней необходимости, а в другое время пробавляются жизнями и телами тех, кого можно безболезненно убить и у кого больше мяса. А жалкие рога травоядных, якобы для защиты, – смехота одна, кто их боится? Козёл тоже рогат, да что толку?

После джоинтов дебатанты разошлись не на шутку. Ёп утверждал, что человечество деградировало настолько, что пора бы ему освободить Землю для другой цивилизации, ибо

люди – худший и самый агрессивный вид фауны. Он видел по телевизору бойню во Франции (журналист снимал скрытой камерой). Мужики в окровавленных беретах и перчатках свежесвали туши по локоть в крови, иногда от скуки издеваясь над полуубитыми животными: закалывали ножами, ломали ноги, резали животы у беременных коров, играли в футбол зародышами. Ягнят швыряли о стену на спор – убьёт с первого броска или нет? Им скучно стоять у конвейера! Они так развлекаются! Вот на что способна злая монада – человек, когда он бесконтролен! Никакому волку или льву не придёт в голову подобное! Благородные хищники – львы, тигры, леопарды, ягуары, барсы – душат своих жертв, прежде чем сожрать. А плебейские орды, типа стаи гиен или собак динго, начинают жрать жертву живьём, не удосуживаясь её прикончить. Вообще, плебеи и смерды готовы убивать и жрать всегда, а благородные предаторы не охотятся и не убивают, если сыты. В целом, человечество явно исчерпало свой лимит, пора бы ему погибнуть, пока оно окончательно не разорило Землю.

Но Лудо стоял за прогресс – человечество найдёт способ выжить.

– Надо инвестировать в океан! Он под боком. Надо вернуться к матриархату! Бабы больше соображают и менее агрессивны, не начинают атомной войны из-за пустяков! Пусть матриарх правит миром!

“Атомы! Человечество! Океан! Матриарх! Тут бы самому не подохнуть!” – думал Кока, докуривая косяк и удивляясь спокойствию психов.

А они теперь стали спорить, как называется та эра, которая сейчас на Земле. Ёп был уверен, что сейчас кайнозой, а Лудо утверждал, что нет, сейчас фанерозой, уже пятьсот сорок миллионов лет длится и будет длиться, пока Земля не погибнет.

– Что? Фанера? – не понял Кока.

– В начале кайнозоя на землю прилетело золото! – сказал Ёп.

Как – прилетело? Откуда? Вода прилетела, золото прилетело – что за бред?

А Ёп усмехался – тёмные люди! Кому не известно, что у золота – внеземное происхождение? Оно принесено на землю при бомбардировке планеты астероидами, поэтому основная масса золота сейчас лежит в ядре земли.

– Расплавлено, что ли? В ядре же жара тысяча градусов?

– Кто его знает. Может, и расплавлено. Но золото есть даже в воде! В одном кубическом километре воды – около пяти кило золота! И его можно извлечь!

Когда дошло до африканских пингвинов и мурмurationи птиц, Кока решил ретироваться в подвал.

Лёжа без сна, Кока перебирал в уме разные кидняки, с ним бывшие. И среди них самый давний и болезненный – утрата часов.

Когда Кока был на первом курсе, тётя-актриса подарила ему на день рождения часы *Seiko*. Тогда таких часов было мало, и Кока с гордостью носил их в институт и всем давал рассматривать японское чудо. Но вот как-то раз он сидел в Александровском садике, ждал кого-то. Рядом оказалась шайка воронцовских⁷⁵ парней постарше Коки. Одного из них Кока знал издавна, тот тоже учился в ГПИ.

Сперва парни присматривались к Коке. Попросили сигарету. Поинтересовались между делом, который час, а их главарь сказал:

– О, какие часы у тебя красивые! Покажи!

Кока в растерянности снял часы. Это было его первой ошибкой.

Главарь надел часы на руку. Шайка восхитилась – красиво! Подходят! Сидят как влитые!

– Одолжи до вечера – я на свидание иду!

Что сказать? Возьми? Не бери? Дай назад?

⁷⁵ Воронцов – старый район Тбилиси.

Кока начал говорить, что часы – это подарок.

Это была вторая ошибка.

Парни стали смеяться. Ну и что, что подарок? Он же не берёт их насовсем, а одалживает, у него стрелка с клёвой чувихой, не хочешь человеку поправить? Ты ему поправишь, а он – тебе! Не ломай кайфа, по-братски! А главарь подытожил:

– Завтра в час дня я буду около ГПИ, верну! Договорились?

Назавтра Кока обречённо ждал возле института. Вместо главаря пришёл какой-то тип и сообщил, что вчера случилась драка, приехала милиция и всех обобрала – деньги, часы и даже куртку с одного кента содрала.

– Вот, он прислал взамен! – И дал Коке потрёпанные “Луч” с треснутым стеклом.

И Кока взял их. Это – третья ошибка.

Хищник на просьбу показать часы ответил бы, не снимая их: “Это что тебе, кино? Так смотри!” А на требование одолжить ответил бы веско, что идёт сегодня на свадьбу, самому нужны. А травоядное – безропотно отдаёт.

Мысли Коки продолжали блуждать по тупикам памяти. Не только часы у него пропадали. Были потери и пожирнее.

В юности Кока мечтал стать рок-звездой. Вот он выходит на сцену стадиона, ревущего от одного его вида. Какая это, наверно, сладкая власть – держать в руках тысячи! Заставлять их подчиняться своему голосу и движениям! Час-другой – концерт, а в остальное время ты – кумир, идол, нарасхват, богат и всеми любим!..

Он день и ночь слушал группы, отчего в доме стоял тарарам, а со двора неслись нарекания соседей. Вначале “Битлы” и “Роллинги” крутились на бобинном плёночном “Айдасе”, где плёнка вращалась так быстро, что каждые пятнадцать минут приходилось менять бобину, не то плёнка обязательно заплетётся на штырь. Потом – на “Комете”, которая подключалась к старой радиоле, – та давала отличные басы, из-за чего жалобы соседей стали жёстче.

Коке больше всего нравились бас-гитара и ударные, но на гитару нужны были деньги, усилители, аппаратура, динамики. И Кока взялся барабанить в ритм музыки спицами по пустым консервным банкам из-под сельди. Грохот и треск стояли оглушительные. Жалобы соседей стали злобнее и упорнее. Хоть в Тбилиси всегда шумно, но бой по жести – это уж слишком даже для привычных ушей: бывало, на свадьбе езидов барабан бил три дня и три ночи не переставая, и ничего, никто в милицию не звонил, все всё понимали.

Но Кока не сдался. Собрав и натаскав из бабушкиного кошелька денег, купил у всеведующих евреев на Мейдане тройку *Takton*: барабан, тарелку и звеневшую серебряным звоном чарльстонку, после чего соседи пожаловались в жилконтору, откуда явился домоуправ, пожилой мужчина в сталинском кителе с пустым левым рукавом, и строго попросил Коку не беспокоить соседей, не то дело дойдёт до милиции.

Плевать! Кока заболел блюзиазом. В нём навсегда засело, въелось в кожу и душу сиятельное владычество *Led Zeppelin*, томлёная грусть *Pink Floyd*, небесные пульсары *Deep Purple*, гордые и величавые напевы *The Cream*, неистовый рокот и рыки *Black Sabbath*, громы *Grand Funk*, хитрые зигзаги *Jethro Tull*, задорный весёлый плач *Santana*, вечная песнь *Iron Butterfly*, сумрачная гармония *The Doors*, доисторические витражи *Emerson, Lake and Palmer*. А над всеми парил Джимми Хендрикс, первый проповедник и проводник в роковом раю. И стонет Дженис Джоплин, бесстрашная вожатая в стане блюза.

Кока раздобыл несколько снимков великих ударников, и у каждого при игре были высунуты, как у собак, языки – видно, от усердия и усилий. А бабушка говорила, что Кока во время долбежа по барабанам похож на дебила-аборигена, который из всех инструментов, выдуманных человечеством, выбрал самый тупой, дикий, примитивный и невыносимо громкий.

Бабушке барабанное увлечение внука было особо обидно – сама она всю жизнь слушала итальянские оперы, называла Пуччини отцом музыки и водила маленького Коку в зал, где он умирал со скуки, засыпал, всё время хотел в туалет и с тех пор возненавидел как оперу, так и балет, куда бабушка тоже пыталась его затащить. Но он не прельщался даже видами полуголых балерин, и в день балета убегал из дому или прятался в шкафу. Хуже балета только Пантеон, куда бабушка исправно гоняла его пешком по жаре в гору.

В Сололаки жил бородатый Эмиль, он мог достать любую пластинку за сутки-другие у евреев на Мейдане. У него Кока, выкрав всю бабушкину пенсию, купил за сто рублей пластинку *Led Zeppelin II*, сдувал с неё пылинки и учился под неё играть соло-партии, что очень не нравилось бабушке, которая саркастически спрашивала, почему певец вопит так, словно ему прищемили причиндалы, а другой визжит почище уличного кота Шошота? Своё возмущение она выражала ещё и тем, что периодически задавала вопрос, не хочет ли Кока учиться играть на контрабасе. “Тоже очень интеллектуальный инструмент!” – язвила она, но Коке контрабас категорически не нравился: звук у него, как у плохо натянутой верёвки, куда ему до фендер-баса!

Нападки, возмущение и ультиматумы соседей не имели предела. Коке не давали играть – тут же начинали колотить в стены или по батареям; порой было не понять: он ли это стучит, или соседка Лия, крашенная блондинка-парикмахерша, истерично колошматит в стену.

А Кока тем временем и через знакомых лабухов в Доме офицеров нашёл учителя по ударнику, Воку Шершукова, и упорно ходил к нему на занятия. Воке, молодому парню со жвачкой во рту, всегда было не до Коки: он вечно куда-то торопился, опаздывал. Наскоро показывал на круглой плоской резине какую-нибудь дробь:

– Вальс, чувой, это тебе не хер собачий, это мировой ритм! – И, приказав отстукивать три четверти, уходил на кухню, ел, пил чай, болтал по телефону или читал журналы, изредка появляясь в комнате, надувая пузыри из жвачки и одобрительно хмыкая:

– Молодец, чувой! Левую руку чётче! Три четверти – раз-два-три! Руки расслабь, распусти! У драммера все руки-ноги должны пахать отдельно, но одновременно! Правая рука бьёт по правой тарелке, левая – по малому барабану, правая нога – на бочке, левая нога – на чарльстонке! А ну, теперь босса-нову, что вчера учили! Босса-нова – это, чувой, тебе не кошка срыгнула, это великий ритм! Завтра димпитаури-дампитаури⁷⁶будем учить! И не горбись! Центр тяжести должен лежать в жопе, а не в животе! Ударник – боец, он должен вести за собой всё воинство! Ногой не шлёпай по педали! Ты не балерина, носком бей!

Иногда начинал учить Коку:

– Группа, чувой, это тебе не ёжик чихнул, а пирамида: три точки – это три гитары, а верхушка – это ударник, он сцепляет музыку воедино. Купи метроном, под него лучше отбивки учить! Сегодня – свинг. Свинг, чувой, это главнейший мировой ритм! В свинге важен триоль: два частых, один долгий. Ударник – это отбойный молоток, он обязан держать ритм, чтоб всё не развалилось! Барабан – сердце жизни, пульс! После смерти душа драммера переселяется в барабан! А в Африке вообще атас: пока барабан кровью жертвы не омоют – не играют! – И опять уходил на кухню, где вёл по телефону тайные разговоры, включая при этом воду, “чтоб КГБ не слушало!”, но Кока улавливал:

– Чувой, я даю тебе бочку за два альта... Нет, за два!.. Моя бочка – фирма, стоит двести баксов, а твои альты – чешские, битые... Ты мне, кстати, ещё лаве должен за те бонги, что я тебе подарил... А разве не подарок – полтинник за два бонга? Подарок. Так что мозгуй... Не надумал тарелками махнуться? У меня есть хороший хет, но райда не хватает... Есть ещё бубен купить... Шаманский, за стольник, прямо из Сибири. Что? Как кому на хрен нужен?.. Да

⁷⁶ Грузинский народный тип игры на барабане.

бубен – это тебе не комар перданул, это отец барабана!.. Ладно, чувой, вижу, с тобой каши не сварить. Звони, если с бочкой надумаешь... – А иногда вылетали фразы совсем уже непонятные: – Том-томы к джембе... Райда не хватает... Парадидлы и тремоло... На дайре – труднее всего... Напольные, для коктейль-друма самое то...

А Кока старательно отстукивал на резинке ритмы, каждый раз надеясь, что в конце занятия Вока даст сыграть на настоящем ударнике, на большом комплекте, что стоял в отдельной комнате торжественно, как трон, покрытый чехлами. Вока неохотно пускал туда Коку, аккуратно снимал чехлы, всякий раз нервно надувая жвачку и предупреждая:

– Сильно не шмаляй! Барабан не порви, чувой! Чарльстонку осторожно жми, не сломай! На педаль сильно не дави! По тарелкам не бей! Такая тарелка дороже тебя стоит! – И после первой же громкой дроби или звона зажимал уши с причитаниями: – Всё, всё, кода, чувой! Это тебе не вошь накашляла, а ударник из бундеса, *Ludwig*! Штукарь за него папа отвалил! Хватит! У меня и так весь день голова болит! Время, чувой!

Иногда Вока в лирическом состоянии (от выпивки или травы) любил обрисовывать философию бита:

– Бас и ударник – близнецы-братья! Бас, чувой, должен быть внушительным и упорным, а ударник – упрямым, как карабахский осёл. Даже если бомба упадёт, или волной накроет, или Брежнев умрёт, или фуникулёр рухнет – драммер со своего ритма сойти не имеет права! Даже если все умрут – ты барабань! И даже мёртвый драммер должен держать бит! Ударник – это вечный огонь, вечный двигатель! Бочка должна бить прямо в мозг! На отскок не надейся, своими руками работай, тренируй дробь! За левой клешней следи, она опаздывает. Дробь, чувой, это не жук чихнул, это искусство, поэтому у всех великих драммеров свои повадки, своя дробность. Ищи свою! Ударник должен быть лихой, как абрек, упёртый, как ишак, и наглый, как танк! Дробь для ударника – мама родная. Вот завяжи мне глаза и дай дроби слушать – я сто процентов отличу дроби Джона Бонхэма от Кита Муна или Бадди Рича!

Через пару месяцев Вока, пряча глаза, сказал, что всё дорожает, и Кока должен теперь платить тридцать пять рублей в месяц, на что Кока был не согласен и перестал ходить к нему, ведь играть на большом составе ему всё равно не давали, а про ритмы, Африку и кровавые бубны он уже всё знал.

Кока стал играть дома на своей тройке, отчего теперь голова болела у бабушки и соседей, а Кока с умным видом доказывал во дворе соседскому мальчишке-сопливцу, что тарелки фирмы *Sabian* куда звонче тарелок *Paiste*, потому что *Sabian* кладёт больше меди, но *Paiste* лучше для рока – звон у них хваткий, с захлёбом, и для бласт-бита они более подходящи.

Сопливец шмыгал носом, ничего не понимая и не отвечая, но Коке было всё равно – он продолжал с жаром объяснять, что у Джека Брюса из *The Cream* бас такой звучный, потому что он играет на акустической бас-гитаре, хотя басист *Black Sabbath* тоже имеет акустик-бас, но у него звуки пунктирные, точечные, а у Джека Брюса – неотрывные, тягучие... И самое захватывающее, когда шпарят бас с ударником вдвоём – солидные, низкие, убедительные, весомые, басовитые звуки ласкают сердце. Мальчишка кивал, утираясь подолом рубашки: конечно, да, бас, ударник, дай двадцать копеек на мороженое...

В том, что ему хотелось, Кока всегда шёл до конца. Познакомился с двумя парнями-гитаристами, имевшими свои гитары, что тогда было редкостью, нашёл басиста, тот жил тоже в Сололаки и звали его Фантомас. Как легко догадаться, Фантомас не имел на голове ни единого волоса, что тогда тоже было редкостью (бреными ходили только солдаты и люди из зоны), но, как все басисты, был долговяз, сутул, угрюм, большерук, с мозолями от грубых струн. Фантомас сильно страдал от своей лысины и тщетно мазал голову всякими вонючими снадобьями, включая лук с мёдом, отвар лопуха и крапивы, соляные примочки, касторовое масло и прочую гадость.

Втроём они отправились в районный Дом культуры на улице Сулхан-Саба Орбелиани, кое-как убедили директора, что у них сыгранная группа и они могут работать на праздниках и свадьбах. Директор, что-то прикинув, неожиданно согласился, даже выделил руководителя, Ваню Ивановича, искушённого в таких делах, у которого уже были в городе две-три такие дворовые группы. Ваню Иванович привёл девушку-певицу Нази. С ней у соло-гитариста тут же завязался роман, других она не заинтересовала: ритм-гитара был мал ростом и ни на что не претендовал, Кока имел другие связи, а Фантомас вообще шугался людей из-за перманентной чесночно-луковой вони лысой головы.

Начали репетировать. Получалось вполне сносно, хотя нот никто особо не знал.

Играть разрешалось только песни из соцлагеря и народные.

– Про всяких битлов и роллингов или, не дай бог, Джимми, как его, Хундрикса, – чтоб я не слышал, не то закрою ваш балаган! – строго предупредил седовласый и осанистый директор. Он при разговоре странно сухо поплёвывал: “Роллингов, тьфу, тьфу, не разрешаю, тьфу, только народные и соцлагерь, тьфу...”

Приходилось ограничиваться польскими “Скальдами”, Чеславом Неманом, группой “Бизоны”, венгерским *Lokomotiv GT*, ещё чем-то мелкотравчатым. Но стали играть и свои импровизации. Нашли пианиста Авто, а директора раскрутили на клавишную “Ионику” и бочку для Коки, причём директор, поплёвывая, как всегда, остерёг: чтобы, тьфу, инструменты не сломали и, тьфу, барабан не пробили.

Пианист играл импровизации, давая фон гитарам, а Кока в прочной увязке с бас-гитарой бездумно отдавался ритму телом и душой, шелестя и звеня тарелками, нежно щёлкая чарльстонкой, непоколебимо б́ухая ножным бас-барабаном и прокладывая дорогу всем остальным. О, серебряный звон тарелок! О, рокот бочки! Смачное чавканье чарльстонки! Чулочное шуршание щёток в блюзе! Рассыпчатые трели бубна! Ритмичный, как сердце, бой тамтамов! Тягуче-утробный вой бустера, задорное бульканье квакушки!

Когда Кока дубасил по барабанам, он ощущал себя создателем, создателем призрачного дома, где дружно живут все звуки. Ударник – кровеносное сердце музыки, пульс, без него рок вял и аморфен. Ритмичному току ударника вторит бас-гитара. Они – закадычные друзья, честные труженики, братья и соратники. Соло-гитаре позволено выделяться как угодно: она может стонать и скулить, квакать и мяукать, вопить и жаловаться. И пусть орѓан рычит и выкаблучивается, как заблагорассудится, кряхтит, выкидывает фортели глиссандо, – но ударник с басом должны, как стойкие часовые, стоять на страже, чтобы ритм держал музыку в узде, не давал ей растекаться. Драммер рука об руку с бас-гитарой ведёт всё воинство вперёд, как вели раньше в бой барабанщики!

Бывало, ломались палочки, за ними приходилось ездить в ресторан “Сакартвело”, где по вечерам шпилил на ударнике известный лабух Слава Порц, сдиравший за пару палочек двадцать пять рублей. Ваню Иванович привёл было и тщедушного певца, но от его убогих услуг скоро отказались.

Закончилась вся эпопея не очень хорошо, если не сказать – плачевно.

Под Новый год Ваню Иванович объявил, что есть заказ: на курорте Бакуриани сыграть в ресторане на каком-то собрании то ли медиков, то ли физиков. О! Как они обрадовались! Стали репетировать каждый день, до темноты, а потом вместе шли гурьбой, не обращая внимания на дождь и наперебой говоря о том, что вот, они уже – настоящая группа, выступать пригласили! Только название надо окончательно выбрать: кто-то ратовал за “Пепела”⁷⁷, но другие его останавливали: как можно так называть, ведь уже есть *Iron Butterfly*, “Железные бабочки”! Нет,

⁷⁷ Бабочка (груз.).

это некорректно, надо искать другое. Может, “Клде”⁷⁸? Смеялись – нет, слишком на “Кле”⁷⁹ похоже, не годится, ещё прославим Херами, нам это надо?.. Может, “Раинди”⁸⁰?.. Нет, слишком напыщенно... Так и не решили.

Наконец поехали в Бакуриани. Сначала на грузовике до Боржоми, а там пересели в набитую под завязку “кукушку”, кое-как погрузив инструменты в прицепной грузовой вагон, где лыжи, санки и прочее снежное снаряжение пассажиров. Уже в поезде произошла первая неприятность: к их певице Нази пристали два выпивших боржомских типа, и соло-гитаристу, сидящему с ней в обнимку, пришлось даже попихаться с ними, но Ваню Иванович замял конфликт, прошипев в сторону певицы:

– Говорил я тебе – короткую дублёнку на мини не надевай!

Поезд опоздал из-за заноса путей. Они приехали поздно, к вечеру. Увязая в высоком снегу, принялись таскать инструменты в тёмное чрево пока ещё пустого ресторана. Потом отправились в свою комнату на шесть коек (Ваню Иванович и Нази ушли в отдельные номера). Через пару часов, не успев толком разложить вещи, отдохнуть, поесть, пришлось спускаться в зал, уже полный оживлённых людей за обильными банкетными столами.

Испугало всё: освещение, публика, голоса, крики, шум, надрывный рёв тамады. К тому же начались вечные проблемы: этот штекер не подходит к этому разъёму, тот усилитель не тянет, в динамике не работает вентилятор, у чарльстонки не прыгает шляпка, бочка ослабла, гитары расстроены, квакушка застопорена.

Начали кое-как играть. Но всем нравилось. Пошли танцы.

Это их ободрило и оживило. И Ваню Иванович успокоенно подсел к столу, где вскоре основательно надрызгался и заснул лицом в скатерть. Его решили не будить.

Так артисты остались одни. Им стали подносить бокалы. Кто-то просил дать поиграть на гитаре. Кто-то рвал палочки у Коки, норовя постучать по барабанам. Пианиста заставили играть воровские песни. Жаждали танцевать с певицей Нази – та предусмотрительно убежала в номер. А горе-музыканты пили подряд всё, что им подносили, удивляясь, что медики так любят воровские песни: бедный Авто уже пятый раз играет “Мурку”. Да медики ли они? Что-то рожи у них не докторские и замашки не те...

Гости пьянели всё больше и всё чаще подносили музыкантам, пока один из филантропов со стаканом в руке не грохнулся на ударника, повалив со звоном тарелки и порвав шнур соло-гитары. А другой меломан отнял у Фантомаса бас-гитару и стал бряцать на ней, как на бала-лайке, отчего в зале поднялся страшный гул.

Наконец в углу зала кто-то поскандалил, толпа хлынула туда, оставив музыкантов в покое. И они, едва соображая сквозь плотную пелену выпитого, умудрились запихнуть уцелевшие инструменты в подсобку, а сами подобру-поздорову унесли ноги по запасной лестнице.

Наутро Ваню Иванович выглядел неважно, прятал глаза, обдавал потом несвежей рубашки, выпрашивал исподволь, не делал ли он вчера чего неприличного. Его заверили, что он просто заснул крепким сном и два официанта утащили его, спящего, в номер.

– В общем, надо уезжать! – подбил бабки Ваню Иванович. – Тут после вас ещё драка была, мебель поломали! Кого-то ножом ударили!

– Кто? Медики?

– Да какие медики... Знал бы – ни за что б не подписался! День рождения у одного местного депутата! Меня в Тбилиси попросили музыкой помочь – ну, я и помог, – признался руководитель. – А за столом сошлись менты и местная братва, вот и случилась потасовка ...

⁷⁸ Скала (груз.).

⁷⁹ Мужской половой член (груз.).

⁸⁰ Рыцарь (груз.).

Кое-как сумели погрузить инструменты в прицепной вагон “кукушки”. И заснули, опохмелившись чачей из бутылки Ваню Ивановича. А когда проснулись, “кукушка” стояла на путях в Боржоми, без людей. Грузовой вагон был пуст. Ничего!.. Ни гитар, ни барабанов, ни тарелок с чарльстонкой, ни динамиков, ни “Ионики”, ни их сумок – ничего!.. Только порванный шнур от соло-гитары и дряхлый усилитель, коим воры побрезговали.

Ваню Иванович раскудаhtался, побежал куда-то выяснять, не выгрузили ли случайно вещи в депо, но соло-гитарист, обнимая певицу, сказал: всё, ничего не найдут – и нашей группе конец; так в итоге и вышло.

Потом, года через два, Кока встретил Фантомаса, у которого на голове вырос пушок, и тот сказал, что видел свою бас-гитару и их “Ионику” в одном клубе, где группой заведует Ваню Иванович.

– Неужели вся кража – его подстава? Но он же с нами был? И пил?

– Ну и что? – рассудил Кока. – Кому-то мог поручить это сделать: быстро всё вытащить и перегрузить в любой уазик. Иначе откуда у него наши инструменты? У воров купил?

История так и осталась нераскрытой. А Кока по сей день не может забыть свой звонкий-*Takton*, джинсовую, хрустящую от новизны куртку, купленную у евреев на Мейдане, и пушистый ангорский снежно-белый свитер под горло – подарок тёти-актрисы, которые пропали вместе с сумкой, так ни разу и не надетые.

Было и ещё кое-что. Из-за любви к рок-музыке Кока забросил английский язык. Узнав ничтожно-глупое содержание большинства любимых песен, решил, что куда интереснее воспринимать тексты как набор звуков без смысла, как часть музыки. Слушая боготворимую им зеппелиновскую “*Heartbreaker*”, он представлял себе огромный первобытный лес, полный жутких звуков и вскриков, в кронах летают птеродактили, гигантские стрекозы парят над папоротниками, огромные змеи сползают с деревьев, динозавры вытягивают хвосты и шеи, пытаясь сбросить с себя саблезубых тигров-смилодонов. И конкистадоры смело идут сквозь чащобы, ловят сетями индейцев, гонят их гурьбой на каторжную работу – надо прорубить в скале русло реки...

И вот он узнал перевод “*Heartbreaker*”: “Эй, ребята, слышали новость? Энни возвращается в город! Спорим, недолго придётся ждать, чтобы наши парни начали выкладывать деньги. Она изменилась, но её личико – то же, что и прежде...” Вот зачем понимать этот мизер, эту глупую пошлятину, это убожество?.. Богам как-то не пристало опускаться в такие низины... Нет, лучше уж он, Кока, останется в своём первобытном лесу, среди гигантских папоротников и улиток размером со склона, чем будет слушать и понимать этот примитивный трёп!

Но в целом рок-музыка открывала путь на Запад, где тепло, хорошо, обильно, спокойно, интересно, где цвета, звуки и краски, рок и ролл, – а вокруг была угрюмая, нищая, лицемерная серость гнилого застоя, покрытого тиной лжи.

Страсть к тяжёлому року осталась навсегда, заставляя руки и ноги двигаться в такт музыке, где бы она ни играла, причём все четыре конечности дёргались отдельно, как учил его не чихающий комар, а сам учитель Вока (ставший ударником в оркестре тбилисского телевидения)...

Уже засыпая, Кока слышал, как во дворике беседуют психи. Голландский он знал не очень, но всё-таки понимал.

Лудо:

– Совокупный вес всех людей на Земле – это триста миллионов тонн. Домашний скот весит совокупно в два раза больше – семьсот миллионов тонн. А весь животный мир – всего сто миллионов.

Ёп:

– Птиц считал?

Лудо:

– Нет. Они же в воздухе – как их посчитать? И зачем? Они землю не дают.

Ёп:

– Куда вообще делся пенис у птиц? Почему у них отнят главный символ?

Лудо:

– Как бы не так! У аргентинской утки пенис больше в полтора раза, чем сама утка, да ещё закручен штопором!

Ёп:

– Подумаешь! У горных ракушек пенис в сорок раз больше самой ракушки и отрастает каждый раз перед спариванием!

Лудо:

– У коал вообще раздвоенный пенис, у самок почему-то – два влагалища и две матки, хотя рожают они одного детёныша!

Ёп:

– А черепаха трионикс мочится через нос! У неё нос и пенис – в одном флаконе! Видно, Богу было лень возиться!

Лудо:

– А птицы размножаются путём клоакального поцелуя, трутся друг о друга клоаками – и готово! Совсем как люди! А почему? Никто ничего не знает и никогда не узнает. Мы – микробная пыль, что может пыль понимать?

Ёп:

– Эволюция – это гонка вооружений, виды соревнуются в умении выживать. Но главный хищник – человек, он проигрывает всей фауне в физическом развитии, но переиграл всех мозгом и умом, хоть и ведёт бесконечные межвидовые войны: так хищники в саванне воюют друг с другом за территорию, еду и воду.

Лудо:

– Но всё равно, как ни суди, самый беспощадный мир – это мир насекомых: все при встречах кидаются друг на друга, и побеждённый всегда тут же съеден!

Часть вторая

Ломка. Чистилище. Драма

*Ба́кулом (лат. *basilum* – палка, посох) – кость в половом члене мужских особей, в разной степени развития обнаружена у пяти отрядов млекопитающих.*

Википедия

13. Наркодяга

Под утро Коке приснилось пчелиное гнездо. Пчёлы суетились, дрожали, перелезали друг через друга, а под ними шевелилось нечто громадное. Что-то пугало пчёл, и они поднимались все разом, и обнажалась огромная пчела-матриарх размером с мышь. Пчёлы, пожужжав в воздухе, садились опять на неё, ползали по своему божеству, обхаживали его, грели и холили.

“Ну и гадость!”

Кока обследовал себя изнутри внутренним шупом – здесь ломка или пока что нет? Появились первые сопли, по телу пробежали струйки холода. Ещё не ломало по-настоящему, зелье ещё сидело в нём, но ясно было, что скоро несдобровать.

С брезгливостью оглядывая подвал, он твёрдо решил уехать в гестхаус и там переломаться. Дальше этого мысли не заглядывали – уж слишком темно и страшно становилось. Прав Мармеладов: человеку надо, чтоб было куда идти, а не плавать бесконечно, как та акула, что пятьсот лет живёт. Да, Мармеладов... Раскольников... Порфирий Петрович...

Когда-то Кока много читал. С детства бабушка вбивала ему в голову всех Майн Ридов и Фениморов Куперов, а в девятом классе он стал читать запоем, попробовав гашиш, с которым чтение оказалось куда красочней и сочней. Иногда, схватив где-нибудь добротной шмали, днями не слезал с дивана, глотая всё, что под руку попадётся, а попадалось многое: второй муж бабушки, чекист, перетасил кучи книг из конфискованных квартир в домашнюю библиотеку.

Сама бабушка читала постоянно. Даже когда готовила, гладила или штопала, умудрялась заглядывать на страницы открытой книги. Читала она на трёх языках: французском, грузинском, русском. По её словам, книги помогают жить, а писатели – подпорки человечества.

– Чем бы был наш человек без “Золотого осла” или “Дон Кихота”? Собираем грубых дураков и мужланов!

Книги были в квартире повсюду, что значительно облегчало их кражу и сбыт книгоношам, один из которых, неказистый хитроватый Арам, иногда появлялся во дворе с портфелем, полным книг, коротко и тихо-доверительно шептал, нажимая на “р”:

– Сар-ртр-р, хор-роший, сор-рок р-р-рублей! Бр-рюсов, полное, можно договор-риться! Елена Гуро, с кар-ртинками, отличная сохр-ранность... Бедная, в тр-ридцать шесть лет откинулась. Четвер-ртак! Цавотанем, клянусь, недор-рого! “Мелкий бес” Сологуба – тоже четвер-ртак. “Заветные сказки” Афанасьева, обхохочешься, р-рар-р-ритет, антиквар-р-риат – полтинник. Альбомы есть, Бр-рейгель, итальянская печать, сильно рисовал – стольник. Чурленис – полтинник. Как кто такой? Чур-рлениса не знаешь, бр-рат? Музыка с кар-ртинками рисовал. Все бер-рут хорошо. Столько рисовал, что шарики за ролики заехали! Микалоюс звали, ахпер-р! Стихи Гиппиус – тридцатка. Кстати, Мер-режковский с Гиппиус у нас в Бор-ржоми познакомились! Товар-р хороший, свежий! Вер-рь мне, балик-джан, плохое не ношу!

Но Кока ничего не покупал – напротив, отводил Арама в сторону и сам пытался ему что-нибудь всучить.

– Что тебе надо? У меня всё есть.

Арам делал задумчивое лицо.

– Старые или новые? Всякие? Ну, Кнут Гамсун есть? Возьму за червонец. Есть ещё скандинавы? Стр-р-риндбер-р-рг? Ибсен?

– Поискать надо. Приходи через час на угол.

Рылся в шкафах, зачастую с помощью бабушки.

– Бэбо, мне что-то норвежцев почитать захотелось, Гамсуна или Стриндберга...

На что бабушка фыркала:

– Стриндберг – швед! – но показывала, где стоят скандинавы.

Кока выжидал, когда бабушка уйдёт жарить картошку или стирать в ванную (стиральная машина, как известно, чудесным образом пропала), совал под рубашку за пояс книги и выходил с ними на угол, где топтался Арам. Тот подозрительно осматривал товар, выискивал потёртости, царапины и пятна. Щупал, придирался, перелистывал, обнюхивал обложки и после мелкой ценовой перепалки со вздохом вытаскивал из кармана скрученные в тугую трубочку красные червонцы и покорно отматывал Коке полагающееся...

...Плохо, что он не помнит телефона того гестхауса. Только название местечка около Дюссельдорфа. Какие другие варианты? В Париж не сунешься – рядом с отчимом-полицаем ломку не снимешь. Да и Сатана с Кокиным паспортом наверняка таких дел тут, в Европе, наворотил!..

Испытывал ли Кока ненависть или злость к Сатане? Нет. Он воспринимал его как явление природы, как дождь, гром, ветер, которые надо пережить; так, наверно, антилопы и буйволы воспринимают наличие хищников – с неизбежностью, с покорностью.

Кока вообще был незлобив, но порой чувствовал в себе два существа: одно – обычное, дневное, спокойное. А вот другое – злобное, сердитое, чёрное, слепое, ночное – иногда вырвется наружу, в секунду раздуваясь и заслоняя весь мир.

Эти взрывы бабушка называла “психи пришли”, советовала Коке обратиться к врачам и даже как-то пригласила на дом своего давнего знакомого, известного в городе психиатра с усами, как у Будённого, Корнелия Зубиашвили. Тот явился почему-то спозаранку, в шесть утра, с жадностью набросился на чай с хлебом и сыром и между двумя кусками отрывисто спрашивал у Коки, сколь часто у него бывают взрывы гнева и не принимает ли он наркотиков, на что Кока, честно глядя ему в глаза, твёрдо отвечал, что никогда и ничего не принимал, только один раз покурить попробовал.

– Ну и как, понравилось? – застыл с бутербродом в руке доктор Корнелий.

– Не очень. Плохо себя чувствовал, слабо!

– И правильно! Лучше пей – мой тебе совет!

– Хорошо, – согласился Кока.

– Только никогда не пей один, без закуски! Пить одному – с чёртом чокаться! Никогда стакан в левой руке не держи – к несчастью! Только в правой! Левая поганая! Пей, не кури! От гашиша импотентом станешь! Как, кстати, у тебя с этим делом? Всё стоит как надо? – подозрительно вбуравился он в Коку, ощериваясь.

– Нормально!

– Ну и отлично! Про кондомы не забывай!

Доктор Корнелий отставил чай, со скрежетом отодвинул стул, встал в позу и громко, на всю квартиру, заявил:

– Великий Экклезиаст учил: “И нашёл я, что горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце её – силки, руки её – оковы!” Посему будь осторожен – эти красивые сети и силки повсюду! Они будут сопровождать тебя до смерти!

– Буду! – кивнул Кока, заворожённым видом и речью психиатра.

А тот продолжал, размахивая куском хлеба с сыром:

– Люди не знают ответов на самые главные вопросы: как неживое собралось в живое? Как кислоты, гены, клетки, нейроны должны были встретиться, чтобы получился Эйнштейн? Неизвестно. Только гипотезы. Думай, мой мальчик, ворочай мозгами, всегда полезно! Авось Нобелевку получишь!

И психиатр, сунув недоеденный бутерброд в карман и ласково потрепав Коку по щеке, поцеловал руку бабушке и сорвался с места – спешил на обход в свою клинику.

Против Коки даже выдвигалась тяжёлая артиллерия: чтобы отучить Коку от дурных привычек, привлечён был гипнотизёр и чтец мыслей Амиран Ломтадзе, одноклассник отца. Этот человек жил на улице Энгельса и, когда развёлся с женой, зачастил к ним в гости, всегда странным образом поспевая как раз к обеду, а за столом показывал разные фокусы вроде отгадывания чисел. Но как-то маг пришёл, когда было не до него, и больная гриппом бабушка, лёжа в постели и слушая маговы тирады о политике, думала про себя: “А хоть бы ты ушёл уже! Надоел! И голос нудный какой! Хватит! Устала! Иди домой!” И маг-гипнотизёр, прочитав, очевидно, бабушкино эфирное послание, ушёл и больше в гости не являлся, однако, говорят, стал давать гастролы по городам, где гнул вилки и ложки, отгадывал предметы и карты, вводил людей в ступор, а их мысли читал, как в книге для слепых: на ощупь, но правильно.

...Да, гестхаус казался Коке сейчас самым удачным выходом. Но деньги?.. Позвонить матери, сказать, что на лечение нужно, завязать хочу?

Кока знал, что мать чувствует вину перед ним и за развод, и за ту нелёгкую жизнь на два государства, какую сын с детства вынужден был вести, чужой среди своих, свой среди чужих. Как маятник – туда и сюда.

Конечно, были и плюсы – ребята в районе относились уважительно: “Он в Париже живёт!” Тогда слово “Париж” было равнозначно чему-то космически-далёкому и недостижимо-прекрасному. Кока их не разубеждал, привозил подарки и сувениры, из-за чего раз чуть не загремел на большой срок.

Дело было после перестройки, когда начался бардак и пертурбации. Кока, как всегда, летел из Парижа через Москву в Тбилиси. Вёз обычный набор для районных ребят: порножурналы, кнопочные ножи, презервативы (дефицит), зажигалку-пистолет, баночку из-под кофе с запрессованной марихуаной, грамм пятьдесят.

В Москве всё прошло спокойно – он сдал чемодан, пересел на тбилисский самолёт и через два часа спокойно и вовремя приземлился. Взял чемодан, показал служителю бирку для сверки. И вдруг... Что это?.. Господи, такого раньше никогда не было!.. Чтобы на выходе весь багаж просвечивали!.. А в его чемодане – полный набор фактов!..

Менты возле “телевизора” переговариваются, смеются, шутят, привязываются к каждому чемодану на экране.

– Это что у вас тут? А это? А ну, сюда пожалте, в сторону! – И отсылают к столу, где двое в штатском шмонают багаж вручную...

Вот наступает его очередь. Он ставит чемодан на ленту.

– Стоп! – А толстый голубоглазый майор в расстёгнутом сюртуке, стоящий за ним, тычет пальцем в экран: – Это что?

Кока увидел, что тот указывает на чёрный силуэт пистолета. Отлегло!

– Это игрушка! Зажигалка!

– Это мы понимаем, – ухмыльнулся майор. – А вот это что? – тычет он дальше.

– Это? Сувениры, районным ребятам в подарок...

– Вот-вот. Ножи? А ну бери чемодан, пошли со мной! Дайте сюда его паспорт и билет! – приказал майор, спрятал паспорт в карман кителя и, посерьёзнев, выбрался из кольца притихших ментов. Кока следом еле тащил чемодан.

– Что, наркодяга, тяжело? Вон тележка, поставь! Ты из какого района? Из Сололаки? Хороший убан! Там моя сестра живёт! На Чайковского. В сорок второй школе работает, математичка, – ласково сообщил майор, напевая “Гапринди, шаво мерцхало”⁸¹ и подталкивая Коку, как барана на заклание, к неказистому незаметному домику метрах в пятистах от здания аэропорта.

“Куда он меня ведёт? Милиция же в другой стороне?” – в панике думал Кока, автоматически отвечая:

– Я рядом, на Чонкадзе живу. А в сорок второй школе учился. Ваша сестра случайно не калбатони⁸²Тамар? Да? Она мне преподавала! – обрадовался Кока (смертный страх на минуту отпустил).

– Да? А ну, какие у неё волосы? Какого роста?

– Чёрные волосы, короткие... Рост средний... Она ещё вместо “л” говорила “в”... Мы её очень любили! – поспешил добавить Кока, на что майор усмехнулся:

– Ещё бы! А ну, руки покажи! Вены! Хм, чисто... Сам чем занят?

– В институте работаю, – соврал Кока.

Подшли к домику. На двери табличка – от руки написано “Таможня”. Запах казённый, душный, прокуренный, прогорклый. За столиком – молодой мент, что-то пишет под голой лампочкой. Майор направился дальше, в другую комнату, зажёл свет и указал Коке на железный, вроде морговского, стол у стены:

– Ну, чего стоишь? Вынимай своими руками факты!

Кока силой воли утихомирив руки, приподнял крышку и стал шарить впотьмах, боясь открыть крышку полностью. “Вот пистолет-зажигалка... Где проклятые ножи?..”

Майор взял пистолет-зажигалку, щёлкнул пару раз, позвал:

– Гоча! – И, когда молодой мент вошёл, прицелился в него. – Пиф-паф! Доктор-доктор Айболит, у меня яйцо болит!

Под их смех Кока нащупал ножи – по счастью, все в одном целлофане. Вытащил их и закрыл крышку поплотнее.

Гоча, подержав в руке пистолет-зажигалку, к чемодану интереса не проявил и ушёл к себе, а майор высыпал ножи из пакета. Их было четыре штуки.

– Там квитанции есть, из магазина, – вякнул Кока сквозь сушняк, сковавший рот от волнения.

– Садись! – Майор щёлкнул, полюбовался лезвием. – Красиво! Сколько стоит?

– Недорого, в турецком магазине брал. По шестьдесят франков.

– Но зарезать можно, будь здоров... Вот, четыре пальца разрешено! – положил майор свои красные пальцы на лезвие. – А тут все семь будут! За это срок! И немалый! Контрабанда оружия! Пять лет минимум.

– Какая контрабанда? Ребятам из района хотел подарить...

– Эй, Гоча! Иди сюда! На тебе на память! Только не забудь копейку дать, ножи нельзя дарить!

Пришедший Гоча был одарен ножом, положил на стол мелочь и молча ушёл к себе в предбанник, где заскрипел стулом и затих. А майор сгрёл мелочь в ящик стола, вынул лист серой бумаги и обгрызенную ручку.

– Пиши объяснительную!

– О чём?

⁸¹ “Лети, чёрная ласточка” – грузинская народная песня, её очень любил Сталин.

⁸² Госпожа (груз.).

– Что у тебя обнаружено и конфисковано четыре ножа. С какой целью привёз, на продажу или как... Пиши, как Пушкин, на имя замначальника милиции аэропорта майора Майсурадзе, – уставился майор на Коку голубыми свинячьими глазками.

Делать нечего, Кока начал корябать непослушной рукой. Написал кое-как три строчки: “Привёз четыре ножа в подарок товарищам, сувениры, купил в магазине, квитанции есть”.

– Давай сюда! – Майор взял бумагу, пробежал глазами, прихлопнул ладонью: – Всё. Есть признание. Пять лет обеспечено!

Но глаза у него были не злы, а веселы. Он щёлкал пистолетом-зажигалкой, смотрел на пламя и, казалось, чего-то ждал.

И Кока решил попробовать:

– Может быть, как-нибудь решим этот вопрос? Меня бабушка ждёт...

– А как решим? По-мужски или по-блядски? – вдруг спросил майор, отчего Кока опешил: “По-блядски – это как по-ихнему, по-ментовски?” – но понял, что надо говорить.

– По-мужски. Готов заплатить штраф. Я нарушил закон. Мне очень стыдно.

– Да ладно, стыдно тебе! Что стыдного убанским корешам подарки привезти? Святое дело! Ты откуда, кстати, летел? – Майор заглянул в паспорт. – Ты смотри, из Парижа! Что там делал?

– Там мама замужем, к ней ездил, навещать, – испугался опять Кока (если из Парижа – может и в чемодан заглянуть, за шмотками и парфюмом).

Но майор сидел, вертел паспорт.

– Я хочу дочку в Париж послать учиться. Ты, случайно, не в курсе, как это организовать?

Кока подхватился:

– Конечно, знаю! Всё узнаю, что вам надо! Моя мама переводчица, она часто в университете бывает. – Ощущение, что может обойтись без шмона, забрезжило в нём.

Майор пробормотал, играя паспортом:

– Что надо там – деньги, паспорт, визу я всё сделаю, – лишь бы за ребёнком там присмотрели, помогли... – И шлёпнул паспорт на стол. – Короче, сколько ты можешь заплатить штрафа?

Кока честно признался:

– У меня много нет, бабушке везу, она больна. Сто долларов?

– Гоче тоже надо – он что, не человек?

– Двести?

– И начальнику! – многозначительно ткнул майор ручкой в потолок.

– Значит, триста...

Когда он признался бабушке, что из посланных ей денег пришлось ментам отдать триста долларов штрафа за ножи, бабушка отложила “Детей Арбата” и сказала:

– Я знала, что ты безголовый, но не до такой же степени! Ещё бы автомат в подарок привёз!

...Выбравшись из подвала в пустой двор, Кока украдкой пописал под деревом и юркнул обратно. Лежал в полудрёме, мысли расползались, как муравьи.

Надо, надо ехать в гестхаус... Одно только останавливало – нестерпимая вонь, которая царил там, когда гости, китайцы или индусы, готовили на кухне свои тухлые мерзости.

Да, вот где Кока узнал, что кухонная вонь может иметь национальность, ибо понять, что в общей кухне хозяйничают азиаты, можно было безошибочно, даже не входя в дом. Иногда взбешённый Кока врывался в кухню и кричал:

– Во время готовки – открывать окно! Закрывать двери! Всё за собой убирать! – На что д-р Ли, гумбольдтовский лауреат, покорно складывал руки на тощей груди и кивал ушастью

головой, памятуя, очевидно, о своих земляках, недавно изгнанных из одного немецкого общегития за антисанитарию.

Много было мусульман (или, по-немецки, “муслимов”). С одним марокканцем, биологом Ахмедом, Кока сдружился, угощался у него в гостях пловом, а на вопросы о том, не готовит ли Ахмед плов с гашишем, получил объяснение, что гашиш растёт на севере Марокко, в горах Атласа, центром его добычи является город Кетама – он же, Ахмед, родился на юге, где такая страшная жара из Сахары, что ничего не растёт.

– А Кетама – родина святого курильщика Си Ди! Тот жил две тысячи лет назад и учил: “Киф⁸³ – как огонь: когда его немного, согревается сердце, когда его много – сгорает душа”.

Сам Ахмед не пил, не курил, женщин не водил, ел каждый день по курице и молился по пять раз. Напоследок купил немецкий “опель” и на вопрос, неужели в Марокко нет “опелей”, ответил, что машины, собранные в Германии, и собранные где-нибудь в другом месте, – это разные машины.

Но самыми трудными соседями были, как ни странно, немцы. Это мнение разделяла и фрау Воль. Немцы вечно были всем недовольны, хотя и приезжали на короткие сроки по разным мелким университетским делам. Всё их злило и раздражало: качество уборки, шум после десяти, не запертая на два оборота входная дверь, открытое зимой окно, закрытая летом форточка. Доходило до инструкций в кухне. Одна называлась “Инструкция по проветриванию”. Казалось бы, чего там – открывай окно и проветривай! Но не тут-то было!

Фрау Воль шутила, что в Германии всё имеет свои рамки, и даже инструкция к презервативу занимает добрую страницу с чертежами и схемами, а в руководстве к лифчикам можно, наверно, прочитать: “Лиф надевать на сиськи, а не на ягодицы”. Когда к ним определялся очередной жилец-немец, фрау Воль горестно качала головой: теперь без жалоб и претензий не обойтись!

Попадались и совки. Кроме здоровенной бой-бабы из Челябинска, жила одна неказистая пара с плаксивым ребёнком, который вопил не переставая, и мамаша спешила закрывать окно, что, очевидно, вызывало у младенца новые приступы удушья, и он вопил ещё громче. Немцы делали кислые лица, но молчали, опасаясь, что их обвинят в фашизме и инфантициде, – это всегда сильный козырь в кухонных спорах с немцами: на их вялые возражения, что и Сталин много убивал, надо отвечать, что Сталин убивал своих, а Гитлер чужих, что всеми молчаливо принималось как серьёзный довод сталинской невиновности – своих можно, а иногда даже и нужно.

⁸³ Гашиш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.